

ФИЛОЛОГИЯ И ЧЕЛОВЕК

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит четыре раза в год

№ 2

2016

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2016

Учредители

Алтайский государственный университет
Алтайский государственный педагогический университет
Алтайский государственный гуманитарно-педагогический
университет им. В.М. Шукшина
Горно-Алтайский государственный университет

Редакционный совет

А.А. Чувакин, д.ф.н., проф. (Барнаул, председатель), О.В. Александрова, д.ф.н., проф. (Москва), К.В. Анисимов, д.ф.н., проф. (Красноярск), Е.Н. Басовская, д.ф.н., проф. (Москва), В.В. Красных, д.ф.н., проф. (Москва), Л.О. Бутакова, д.ф.н., проф. (Омск), Т.Д. Венедиктова, д.ф.н., проф. (Москва), О.М. Гончарова, д.ф.н., проф. (Санкт-Петербург), Т.М. Григорьева, д.ф.н., проф. (Красноярск), Е.Г. Елина, д.ф.н., проф. (Саратов), Е.Ю. Иванова, д.ф.н., проф. (Санкт-Петербург), Ю. Левинг, PhD, проф. (Канада, Галифакс), О.Т. Молчанова, д.ф.н., проф. (Польша, Щецин), М.Ю. Сидорова, д.ф.н., проф. (Москва), И.В. Силантьев, д.ф.н., проф. (Новосибирск), К.Б. Уразаева, д.ф.н., проф. (Казахстан, Астана), И.Ф. Ухванова, д.ф.н., проф. (Белоруссия, Минск), Э. Хофман, Dr. Philol, доц. (Австрия, Вена), А.П. Чудинов, д.ф.н., проф. (Екатеринбург).

Главный редактор

Т.В. Чернышова

Редакционная коллегия

Е.А. Худенко (зам. главного редактора по литературоведению и фольклористике), Л.А. Козлова (зам. главного редактора по лингвистике), М.П. Гребнева, В.Н. Карпухина, Г.П. Козубовская, И.Ю. Колесов, Г.В. Кукуева, А.И. Куляпин, В.Д. Мансурова, С.А. Осокина, Ю.В. Трубникова, А.Т. Тыбыкова, М.Г. Шкуропацкая

Секретариат

С.В. Доронина, М.П. Чочкина

Адрес редакции: 656049, Алтайский край, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66;
Алтайский государственный университет, факультет массовых коммуникаций,
филологии и политологии, оф. 405-а.
Тел./Факс: 8 (3852) 366384. E-mail: soveto1@filo.asu.ru
Адрес на сайте АлтГУ: http://www.asu.ru/structure/faculties/mass/philo_journal/
Адрес в системе РИНЦ: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=25826

ISSN 1992-7940

© Издательство Алтайского университета, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Алексею Андреевичу Чувакину – 75 лет..... 7

Статьи

- А.А. Чувакин.** Концепт *Алтай*
в художественной прозе К.Г. Паустовского..... 11
- Л.О. Бугакова.** Семантическое пространство
мультимодального текста как эмотивно-ценностный феномен
(на материале восприятия русских и американских мультфильмов)..... 21
- О.М. Гончарова.** Naturфилософское *Слово* автохтонных литератур
Севера, Сибири и Дальнего Востока..... 31
- Т.М. Григорьева.** «Движущая, раскрытая исповедь»:
(история русской эпистолярной культуры пунктиром) 43
- С.В. Доронина.** Речевая агрессия как источник правонарушений 53
- Е.Г. Елина, Р.И. Павленко.** Инструменты формирования
литературной культуры в газетных публикациях
второй половины 1990-х годов..... 61
- Е.Ю. Иванова.** Отрицание в болгарском предложении
(на фоне русского) 68
- Е.И. Клинк.** Средства формирования целевой установки
информирования в текстах имиджевых статей 79
- Л.А. Козлова.** Модальная оформленность высказывания
как один из маркеров национального стиля коммуникации..... 88
- А.И. Куляпин.** Муж-воспитатель: гендерная проблематика
в произведениях Михаила Зощенко и Николая Островского 100
- Е.А. Нахимова, А.П. Чудинов.** Прецедентные феномены
как доминанта идиостиля публициста..... 107
- Н.В. Панченко.** Дискурсивные актуализации текста
(на материале эссе Т. Толстой)..... 115
- В.С. Савельев.** Функции глагольных форм настоящего времени
в речи персонажей «Повести временных лет» 127
- М.Ю. Сидорова, Ю.В. Роговнева.** Соотношение «часть – целое»
в описательных текстах,
основанных на непосредственном наблюдении..... 142

К.Б. Уразаева, Г.С. Бектасова. Риторика «потерянного поколения» в пьесе А. Чехова «Три сестры»: экзистенциальная проблематика и жанровая трансформация	153
Е.А. Худенко. Жизнетворчество писателя как текст: особенности структуры	166
Т.В. Чернышова. Прикладные аспекты изучения официально-деловой коммуникации: принципы оценки деловых текстов	177
М.Г. Шкуропацкая. Деривационный потенциал слова и его речевая реализация (на материале имен прилагательных со значением цвета в русском языке).....	191
Резюме	202
Наши авторы	219

CONTENTS

Professor Chuvakin is 75	7
--------------------------------	---

Articles

A.A. Chuvakin. Concept <i>ALTAI</i> in Prose Works by K.G. Paustovsky	11
L.O. Butakova. Semantic Space of the Text as an Emotive and Valuable Phenomenon (Based on the Popular Russian and American Cartoons).....	21
O.M. Goncharova. <i>Word</i> in Natural Philosophy of Autochthonous Literatures of the North, Siberia and Far East	31
T.M. Grigorieva. «A Moving, Sincere Confession» (the History of an Epistolary Culture by Dotted Line)	43
S.V. Doronina. Verbal Aggression as a Source of Offences	53
E.G. Elina, R.I. Pavlenko. Means of Literary Culture Forming in Newspaper Articles in the 1990-s	61
E.Yu. Ivanova. Negation in the Bulgarian Sentence (vs. Russian).....	68
E.I. Klink. Means of Forming of the <i>Informing</i> Aim in the Texts of Image Articles.....	79
L.A. Kozlova. The Modal Plane of the Utterance as a Marker of the National Style of Communication.....	88
A.I. Kulyapin. Husband-educator: Gender Issues in the Works of M. Zoshchenko and N. Ostrovsky	100
E.A. Nakhimova, A.P. Chudinov. Precedent Phenomena as Dominant Feature of Idiostyle of Political Writer	107
N.V. Panchenko. Discursive Actualization of the Text (on the Material of the Essay by T. Tolstaya).....	115
V.S. Savelyev. Functions of Present Tense Forms in Direct Speech in «The Tale of Bygone Years»	127
M.Y. Sidorova, Yu.V. Rogovneva. «Part – Whole» Relation in Descriptive Texts Based on Direct Perception.....	142
K.B. Urazayeva, G. Bektassova. Rhetoric of «the Lost Generation» in the Play of A. Chekhov «Three Sisters»: Existential Problematics and Genre Transformation	153

E.A. Khudenko. The Writer's Creative Life Programming as a Text: Peculiarities of Structure	166
T.V. Chernyshova. Aspects of Applied Research into the Official Business Communication: Principles of Business Text Assessment	177
M.G. Shkuropackaya. Derivational Potential of the Word and Its Speech Realization (on the Material of Adjectives with the Meaning of Col- ors in Russian)	191
Summary	202
Our authors	219

**Первому редактору и основателю
научного журнала «Филология и человек»,
доктору филологических наук, профессору
Алексею Андреевичу Чувакину – 75 лет**

Алексей Андреевич Чувакин в 1975 году был приглашен на работу на кафедру русского языка Алтайского государственного университета: сначала – в должности доцента, а затем избирается на должность профессора. Многие годы заведовал кафедрой и был деканом филологического факультета АлтГУ.

Более чем за 50 лет работы в вузах Алексей Андреевич Чувакин разработал и прочитал общие курсы синтаксиса и морфологии современного русского языка, истории русского литературного языка, риторики и др.; в последние годы А.А. Чувакиным разработаны (а часть из них и впервые предложена) самим лектором: основы филологии; история и методология филологии; основы филологической теории коммуникации. Он руководит научно-исследовательской работой студентов в спецсеминаре, дипломниками, магистрантами, аспирантами, докторантами; им подготовлено 20 магистров филологии, 35 кандидатов и 4 доктора филологических наук,

которые работают в классических университетах, а также в педагогических, технических и других вузах и иных организациях (в Москве, Барнауле, Бийске, Горно-Алтайске, Новосибирске и др.).

Научные интересы и результаты научной деятельности Алексея Андреевича распределяются между русским языкознанием и проблемами высшего филологического образования, в частности А.А. Чувакиным предложена коммуникативная модель риторики и основания коммуникативной теории текста; разработаны основы лингвистической теории эвокации и теории текстодеватологии; созданы принципы энциклопедического представления языка писателя, которые реализованы в исследовании языка прозы В.М. Шукшина; на стыке филологии и теории коммуникации разрабатывается филологическая теория коммуникации; сформулированы некоторые фундаментальные положения в области методологии разработки государственных стандартов высшего профессионального образования по специальности / направлению «Филология».

Под руководством А.А. Чувакина в 1994 году Алтайский государственный университет начинает магистерскую подготовку по направлению «Филология», в том числе по программе «Русский язык», а затем – и по программам «Риторика и речеведение», «Теория и практика речевой коммуникации»; в 1996 году вводится специализация по риторике. По заданию Совета по филологии УМО по классическому университетскому образованию был разработан пакет документов, связанных с введением Федеральных государственных образовательных стандартов подготовки по направлению 032700 – Филология (бакалавриат, магистратура), в который входят образовательная программа профиля «Прикладная филология», примерные учебные планы, программы впервые вводимых учебных дисциплин (основы филологии, введение в теорию коммуникации, риторика, практическая риторика и педагогическая риторика, введение в прикладную филологию, прикладная филология) и др.

Опубликовано более 350 научных и учебно-методических работ, в том числе более 20 монографий и учебных пособий (из них 3 с грифом УМО). Алексей Андреевич – научный редактор почти 30 сборников научных статей, монографий и других изданий.

Профессор А.А. Чувакин ведет большую научно- и учебно-организационную работу. В разные годы он был заведующим отделом языка и литературы НИИ гуманитарных исследований при АлтГУ; основателем и ответственным редактором сборника статей «Человек – коммуникация – текст» (1997–2007); основателем и главным редактором международного ежегодника «Языки и литературы народов Горного Алтая» (Горно-Алтайск, 2002–2014); членом Президиума Совета по филологии УМО по классическому университетскому образованию (1992–2012);

председателем многих научных конференций, посвященных творчеству В.М. Шукшина и проблемам коммуникативистики, организатором двух Интернет-конференций по проблемам коммуникативистики и риторики; соруководителем Шукшинской научной темы, научным редактором энциклопедического словаря-справочника «Творчество В.М. Шукшина» (в 3-х тт. Барнаул, 2004–2007) и научно-исследовательского центра-музея В.М. Шукшина при Алтайском государственном университете и Государственном музее истории литературы, искусства и культуры Алтая и многое другое. Свидетельствами международного признания деятельности профессора А.А. Чувакина явились избрание его членом-корреспондентом Международной академии наук педагогического образования; участие в международном редакционном совете научного журнала «Structures&Functions: Studies in Russian Linguistics» (Tallinn); размещение биографических данных в следующих изданиях: Who is Who in American Education. The 6th Edition, 2004–2005; Who is Who в России (2009); в сетевой энциклопедии «Ученые России, стран СНГ и Ближнего зарубежья». Алексей Андреевич Чувакин имеет государственные награды и почетные звания: медаль «Ветеран труда» (1991); почетное звание «Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации» (1997); благодарность Министерства общего и профессионального образования России (1998); благодарность Губернатора Алтайского края (2009); Почетную грамоту Администрации Алтайского края (1998) и Алтайского краевого законодательного собрания (2014). Ему присвоено звание «Заслуженный работник Алтайского государственного университета» (1998); звание «Почетный профессор Алтайского государственного университета» (2001). Профессор А.А. Чувакин награжден памятной медалью «К 100-летию М.А. Шолохова» (2004); почетными грамотами Алтайского и Горно-Алтайского государственных университетов; дипломом «Лучшая книга Алтая – 2007» (награжден авторский коллектив энциклопедического словаря-справочника «Творчество В.М. Шукшина» (в 3-х тт. Барнаул, 2004–2007); дипломами Академии архитектуры и строительных наук России (2010), Международной ассоциации Союзов архитекторов (2010) (награжден авторский коллектив монографии «Город как средоточие коммуникаций» (Екатеринбург, 2009); дипломант конкурса «Лучшая книга по коммуникативным наукам и коммуникативному образованию на 2013–2014 академический год» (2014).

В настоящее время А.А. Чувакин – руководитель научно-образовательного центра филологических исследований коммуникации при АлтГУ (образован кафедрой общей и прикладной филологии, литературы и русского языка АлтГУ и Институтом филологии СО РАН) и лаборатории коммуникативистики и риторики АлтГУ, член Совета

Российской ассоциации преподавателей, исследователей и учителей риторики (Москва); соруководитель постоянно действующего международного научного семинара «Филология и коммуникативные науки: направления взаимодействия» и соредатор ежегодника «Филолого-коммуникативные исследования». Он заместитель главного редактора «Сибирского филологического журнала», член редакционного совета научного журнала «Критика и семиотика» (Новосибирск, ИФЛ СО РАН). А.А. Чувакин – инициатор создания научного журнала «Филология и человек», его первый главный редактор (в настоящее время председатель редакционного совета).

Кафедра общей и прикладной филологии, литературы и русского языка, редколлегия журнала «Филология и человек» поздравляет юбиляра с днем рождения и желает ему долгих и творческих лет на благо отечественной филологии!

СТАТЬИ

КОНЦЕПТ *АЛТАЙ* В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ К.Г. ПАУСТОВСКОГО¹

А.А. Чувакин

Ключевые слова: художественный концепт, К.Г. Паустовский.
Keywords: artistic concept, K.G. Paustovsky.

Творческая жизнь К.Г. Паустовского в 1942–1943 годах протекала на Алтае, где он был несколько раз, где работал над романом «Дым Отечества», пьесой, рассказами [Муравинская, 2007]. В части произведений писателя имеются прямые упоминания о крае, например в романе, в рассказах «Правая рука», «Спор в вагоне». Именно эти произведения в предлагаемой публикации используются для анализа: лексема *Алтай* в них употребляется относительно часто.

Обращение к теме «Паустовский и Алтай» определяется еще и тем, что Алтай занимал заметное место в жизни нашего Отечества военных лет. Имя собственное *Алтай* имеет общероссийскую известность; концепт *АЛТАЙ* существует в культурно-исторической памяти соотечественников. Об этом свидетельствуют разножанровые материалы последнего времени [Алтайский текст..., 2013; Об-раз Алтая..., 2015]. По-видимому, творчество Паустовского можно признать значимым для познания т.н. алтайского текста, хотя вряд ли будет правильным утверждать, что темой Алтая концептуально организовано творчество писателя, там более что материалы алтайского языка им вовсе не привлекаются.

Задача предлагаемого исследования состоит в том, чтобы выявить некоторые черты содержания концепта *АЛТАЙ* и специфику

---

¹ Статья написана по материалам доклада, прочитанного на VI международной научно-практической конференции «Алтайский текст в русской культуре» (Барнаул, 14-16 октября 2015 г.).

его реализации в прозе К.Г. Паустовского. Стало быть, речь идет о художественном концепте. Основоположник учения о концепте С.А. Аскольдов, предложивший и деление концептов на познавательные и художественные, подчеркнул, что в последних «тоже есть своя заместительная сила, поскольку то, что они означают, больше данного в них содержания и находится за их пределами. И именно *ассоциативная запредельность* (курсив мой. – А.Ч.) придает им художественную ценность. <...> в художественном концепте одна только динамическая направленность к не данному и только потенциальному уже имеет самодовлеющую ценность» [Аскольдов, 1997, с. 275]. В приведенных суждениях раскрыта природа художественных концептов, намечен возможный путь их исследования – на фоне познавательных (общеязыковых) концептов. Но это одна сторона вопроса. Другая, не менее существенная, сторона – «размещение» проблемы художественного концепта в пространстве взаимодействия автора и воспринимающего: «Автор всегда дает значительно меньше, чем он хотел бы дать <...>. (Воспринимающий. – А.Ч.) непременно должен как-то дополнить данное, чтобы воспринять тот замысел, который был у автора, но не мог быть дан. И не мог быть дан не по недостатку времени и не по недостатку таланта, но именно потому, что нечто в этом замысле есть неисчерпаемая и часто даже невыразимая возможность» [Аскольдов, 1997, с. 274]. Так возникает возможность обращения к лингвопоэтическому анализу [Миллер, 2004]. Осмысление указанной ситуации стало толчком к построению в современной филологии сложных представлений о художественном концепте как о, если так можно сказать, преобразованном познавательном. В этом плане для нас интересны, например, работы [Грибова, 2010; Дзюба, 2001; Тарасова, 2010].

С учетом приведенных положений и будут рассмотрены материалы прозы К.Г. Паустовского. Но прежде всего обратимся к имени собственному *Алтай* – основному номинанту концепта.

Происхождение и некоторые функциональные особенности имени собственного *Алтай* представлены в топонимическом словаре О.Т. Молчановой [Молчанова, 1979, с. 130–131].

Имя *Алтай* закреплено за двумя видами географических объектов; это – «название гор, местность» [Молчанова, 1979, с. 130]. Основным содержанием словарной статьи является рассмотрение точек зрения на происхождение имени *Алтай*. Приводятся две крупные версии: одна из них связывает имя *Алтай* с понятием *высокий* (*высокая гора*), другая – с понятиями *золото*, *золотой*. В словарной статье делается следующий вывод: «версия, что Алтай озна-

чает «высокая гора» оказывается несостоятельной... <...> Алтай есть название именно монгольского происхождения, имеющее значение «золотоносный», «место, где есть золото» [Молчанова, 1979, с. 131].

В энциклопедическом издании [Малая советская энциклопедия, 1958, т. 1, с. 292–293] *Алтай* подается как «горная страна на Ю. Зап. Сибири и частью в МНР» (основное содержание словарной статьи – физико-географическое описание объекта). В электронном издании географической энциклопедии физико-географическое описание объекта становится в словарной статье первым: Алтай – «горная страна на Ю. Сибири (Россия) и в Центр. Азии (Китай, Казахстан и Монголия)», второе толкование имеет политико-административный характер: «республика в составе России, на ЮВ. Зап. Сибири» [Географическая энциклопедия, URL].

Итак, основу семантики концепта *АЛТАЙ* составляют три компонента: *горы (горная страна), местность (место), республика в составе России*. Что касается периферии, то к ней можно отнести компоненты, указанные в топонимическом словаре в качестве данных о среде функционирования собственного имени *Алтай*: нарицательное значение в некоторых языках Сибири (*высокие горы, горная страна, родина*); личное имя; название ряда географических объектов (озер, населенных пунктов и др.); значение духа земли (в прошлом); *земля, территория какого-либо каана, племени, родина богатыря* (в эпосе) и др. [Молчанова, 1979, с. 131]. На последнюю группу периферийных значений обращает внимание и исследователь концепта *АЛТАЙ* в алтайской языковой картине мира [Кыйбанова, 2011, с. 191]: «В алтайском героическом эпосе подчеркивается, что у батыра есть свой Алтай, то есть “родовая земля”, “место, где родился”».

Строго дифференцировать периферийные значения на основе их вхождения в орбиту ядерного представляется трудным; скорее всего, можно говорить не о *вхождении*, а о *тяготении*. (Здесь и далее остается в стороне третье ядерное значение). Объяснения можно найти в двух источниках. Первый: культурологическая работа А. Адарова – вступление в издание эпоса «Мадай-кара»: «На юге Западной Сибири раскинулась прекрасная страна – Горный Алтай. Народ, испокон веков живущий здесь, величает свой край царственным, солнечным, золотым» [Адаров, 1979, с. 5]. В суждении А. Адарова, которое имеет интерпретационный характер, два приведенных признака, пожалуй, сливаются. Приведу аргументацию автора: «Может, потому, что здесь еще в глубокой древности пла-

вили руду, добывали драгоценные металлы, или из-за удивительно сказочной природы, или из любви к родной земле. Однако в осеннюю пору, когда желтеют березы, тополя, лиственницы и островерхие горы, покрытые лесами, сияют под ясным солнцем, Алтай действительно видится золотым» [Адаров, 1979, с. 5]. Второй источник – уже упомянутое исследование концепта *АЛТАЙ* в алтайской языковой картине мира. В выводе автор работы пишет: «Для алтайцев кодирующим чувственным образом является священность и сакральность Алтая. Восприятие Алтая как живого духа, где каждый алтаец кровно и неразделимо связан с ней, входит в ядро концепта, в его базовый слой. Через различные языковые средства как метафора, сравнения и эпитеты воспевается красота и мощь Алтая, чувства и эмоции человека по отношению к Алтаю входят в ближнюю, дальнюю и крайнюю периферию – когнитивные слои, «обволакивающие» ядро» [Кыйбанова, 2011, с. 194].

Основным номинантом концепта *АЛТАЙ* в прозе К.Г. Паустовского служит лексема *Алтай*. Она и обозначает единичный предмет, и отсылает к понятиям *гòры* (*горная страна*), *местность* (*место*). На базе этих значений происходит порождение индивидуально-авторских смыслов / индивидуальных версий универсальных смыслов.

Приведем материал.

Алтай – **горная страна**: скрепляющая Землю: *Я смотрел на странные скалы и вспоминал открытие академика Ферсмана. Он установил, что почти вся поверхность Казахстана занята размытыми и засыпанными песком горными хребтами. Эти подземные хребты тянутся огромными дугами от Урала до Тянь-Шаня и Алтая (СВ); богатая: <Подземные хребты> богаты медью, цинком, свинцом, серебром, золотом, оловом. Значит, здесь, под этой пустынной землей, заросшей полынью и чием, похоронены исполинские горы и залежи драгоценных металлов.*

Прав Исмаил, – Казахстан велик, как море, и неисчерпаемо богат. Если до войны богатства Казахстана добывались из земных недр по плану и наравне с этим быстро расцветала Казахская Республика, то война довела использование богатств Казахстана до неслыханной быстроты и размаха.

Достаточно только перечислить эти богатства, чтобы понять мощь этой страны и величину той помощи, какую она оказывает фронту. Медные рудники и заводы на берегу Балхаша и в далеком Джебзказгане, свинец в сухих горах Ачи-Сая, вблизи древнего города Туркестана, никель около Актюбинска и Мугоджарских гор,

железные руды в Карсакае, марганец на полуострове Мангышлак, нефть на Эмбе, где вышки стоят в розовой воде соляных озер, уголь в Караганде, фосфориты в прикаспийской пустыне, сурьма в Тургае, редкие металлы и золото на Алтае... (СВ); создающая преграды: Пришла зима, завалила ущелье снегом по самые уши (ПР); Но все подсчеты разрушались одним обстоятельством — переправой на пароме через горную реку Катунь. Неизвестно, сколько времени надо будет дожидаться этого парома. Если на Катунь начинался ветер, то паром переставал ходить. Бывали случаи, что из-за ветра люди сидели на берегу Катунь по два-три дня. (ДО); способная защитить человека: В Барнауле Лобачев узнал, что пионерский лагерь отправлен на маленький курорт Белокуриху в предгорьях Алтая и там будет зимовать (ДО); Тихон выписался из госпиталя и нанялся служить сторожем в Белокуриху – небольшой курорт в предгорьях Алтая, знаменитый целебной водой (ПР).

Алтай – место: родина: Каждая курица, милые, свой насест хвалит, – сказала старуха в огромных валенках. – По мне, лучше Алтая нет земли ни в каких государствах. <...> Спор разгорался. Раненые бойцы, ехавшие в недолгий отпуск, и пассажиры начали наперебой хвалить родные места. И удивительно было то, что каждый из них был прав (СВ); перекресток путей-дорог, судеб людских: – Движение народов! – сказал он, вздыхая.

– А вы куда едете? – спросил Лобачев.

– Я-то? – переспросил человек в ватнике. – В Смоленск. Там сейчас немец. Мне охота нырнуть в леса, к мужичкам, которые с автоматами. Сам я тамошний. Работал плотником в Тюмени. В армию меня не берут. Сердце, говорят, дует, как дырявое. Однако мне сердца хватит. А по военной своей специальности я сапер. Понимаете, как я нашим мужичкам с автоматами могу пригодиться. Только вот везут долго. А вы куда?

– В Сибирь, – ответил Лобачев. – На Алтай. А оттуда – тоже к мужичкам с автоматами. Только к крымским. В армию меня тоже не берут – сердце заштопанное.

– Дело! – сказал человек в ватнике. – Благоуханная земля – Крым. Там и смерть – не смерть, а растворение в воздухе. Был я там. В Мисхоре работал. А мы с вами, значит, земляки по сердечному нашему состоянию.

Этот же человек в ватнике помог Марии и Лобачеву сесть в поезд, потряс напоследок руку Марии огромной лапицей и сказал:

– *Сместился, конечно, свет (ДО)*; далекое от центра страны: *Однажды утром пришел маленький черный летчик в валенках и принес Вермелю письмо от Серафимы Максимовны.*

Она писала с Алтая, из Белокурихи, спрашивала, где Швейцер, умоляла найти его и уговорить приехать к ней.

Оставаться в Ленинграде было все труднее (ДО).

Субноминантами концепта являются три имени собственных: *Барнаул, Бийск, Белокуриха* – названия субтерриторий российской части Алтая.

Первое и второе реализуют родовое понятие *местность (место)*. *Барнаул и Бийск* предстают значимыми точками в концептуальном пространстве текстов – как знак удаленности Алтая от центра страны, начала или завершения пути, неожиданно возникшего препятствия: *Из Вологды Тихона переправили в город Бийск, в самую глухую Сибирь (ПР)*; *Изучив карту, Лобачев наконец решил, что надо ехать в Барнаул не через Челябинск и Новосибирск, а через Алма-Ату и Семипалатинск. Этот путь был вдвое длиннее, но он проходил по южным и теплым местам (ДО)*; *Спор начался около Барнаула, когда поезд медленно проходил, громыхая на стыках, по мосту через Обь (СВ).*

Более сложное место в концептуальном пространстве текста занимает субноминант *Белокуриха*. Лексема *Белокуриха* отсылает к обоим родовым понятиям: *горы (горная страна)*; *местность (место)*. Индивидуально-авторские смыслы более богаты, чем у лексем *Бийск, Барнаул*:

Белокуриха – горная местность, аналогичная родной земле: если *Бийск* – глухая Сибирь (...из *Вологды Тихона переправили в Бийск, в самую глухую Сибирь. ПР*), то *Белокуриха* – более защищенное место, чем иные (в *предгорьях Алтая*); если *Барнаул* – символ удаленности от центра, не раз меняющий свое значение в маршруте персонажей (*пионерский лагерь перебросили в Сибирь, в Барнаул – ехать в Барнаул надо <...> через Алма-Ату и Семипалатинск (длинным путем) – в Барнауле Лобачев узнал, что пионерский лагерь отправлен на маленький курорт в Белокуриху*), то *Белокуриха* – место спасения в трудное время (*Летом в Бийске Тихон выписался из госпиталя и нанялся служить сторожем в Белокуриху – небольшой курорт в предгорьях Алтая, знаменитый целебной водой. Тихона приставили охранять недостроенную плотину на горной речушке, в трех километрах от Белокурихи (ПР)*); *Оставаться в Ленинграде было все труднее. И в тот же вечер было решено, что Швейцер, Вермель, Маша и Мария Францевна уедут в Белокуриху (ДО)* и

др.). Таким образом, *Белокуриха*, будучи удалена от войны и находясь в предгорьях Алтая, защищает и исцеляет живущих там и ищущих спасения; значит, это место имеет все свойства родной земли.

Чувственно-воспринимаемый образ Алтая создается главным образом компонентами двух типов – зрительными: *На второй день после приезда Марии вечером пошел снег. Он падал так обильно, что Марии, впервые видевшей настоящую русскую зиму, сделалось страшно (ДО); Ему хотелось разбудить Марию, чтобы она увидела это солнце, и горы, и одинокого верблюда, забытого в этой пустыне (ДО); Пассажиры бросились к окнам, чтобы посмотреть на великую сибирскую реку, но ничего не увидели, кроме мокрого снега. Ветер нес его белым дымом, и только внизу, у самых устоев моста, можно было увидеть свинцовую воду. От нее поднимался холодный пар (СВ) и слуховыми: Дорога была сухая. Маша прошла вперед, пока Вермель не скрылся в темноте. Тогда Маша легла на дорогу и прижала ухо к земле. Она знала, что так в старые времена rozpoзнавали далекий топот копыт. Но ни топота копыт, ни шума машины Маша не слышала (ДО); Река действительно шумела, прокапывала в снегу пещеры. Ей было тесно от снега (ДО).*

Более сложная картина создается совмещением зрительных и слуховых компонентов с другими – тактильными, обонятельными: *Весна началась сразу, в одну из туманных сырых ночей. Загрохотала во мраке река, залились пеной, заревели водопады. Трещали черные ветки. С протяжным шорохом сползали с обрывов снега. Дул теплый ветер, бил в окна брызгами. В разрывах туч трепетали звезды. Весь дом играл весенним гулом. А утром в синеве уже неслись на север ключья зимних туч и вокруг дома торопливым перебоем перекликались капли, слетая с крыши (ДО); За несколько дней солнце прогрело леса и горы. Из пущ запахло первой листвой. Все дни сверкало небо, сверкали маленькие водопады. Блестел нагретый воздух, подымаясь к вершинам. Свистели птицы, раскачиваясь на ветвях черемухи. С ветвей уже сыпались первые желтеющие цветы (ДО).*

Совмещение в пределах одного контекста разных чувственных представлений активизирует творческое восприятие читателя, позволяя ему увидеть (= усмотреть, по выражению Г.И. Богина) в тексте своего рода картину.

В совокупности действующих на читателя компонентов выделяются свет и цвет, которые вместе с другими средствами делают картину живописной, сочетающей постоянство и изменчивость: *А*

потом пришла, раскинулась осень. Никогда еще Тихон не видел такой осени: ни ветерка, ни облака на прозрачном небе. Леса горели на свету, будто их выковали из золота хитрые сибирские кузнецы, выковали каждую ветку, листок, каждый малый стебелек. Свистели со всех сторон бурундуки, роса до полудня не высыхала на бруснике, на миштых валунах, и цвел на этих камнях такой красный цветок, будто горели среди мха маленькие костры. По ночам, как и на Каменном острове, Тихон часто просыпался, смотрел в низкое оконце, за ним поблескивала одна и та же звезда – самая яркая из всех звезд на небе. Она даже отражалась в реке, и река играла с ней, дробила ее свет, хотела оторвать его, запутать в водопадах, прикрыть пеной и унести с собой, как уносят, прикрыв ладонью, огонек свечи. Но реке это не удавалось (ПР). Использование средств изобразительности служит усилению «художественного впечатления» (М.М. Бахтин), организуя сферу чувственного (эстетического) восприятия действительности.

В создании целостного образа Алтая – горной страны и местности – заметное место занимает прием контраста. Ср. два фрагмента из текста романа:

В ущелье, заросшем березовым лесом, на берегу речушки Безымянки, стоял большой деревянный дом.

С первых дней войны в доме никто не жил. Двери и окна были заколочены. Дом почему-то назывался Шестой дачей, хотя ни пятой, ни четвертой, ни какой-нибудь другой дачи вблизи не было.

Дом стоял одиноко. Около него кончалась дорога, вырубленная в скалах. Дальше, как говорили местные жители, до самой китайской границы тянулись одни только леса и алтайские горы.

В окна дома изредка заглядывали – да и то с опаской – мальчишки из Белокурихи. Они рассматривали пустые комнаты, потом шарахались, опрометью бежали по дороге, и от страха у них спирало дыхание. Мальчишки божились, что слышали, как в доме трещат под чьими-то шагами половицы, и видели огромную человеческую тень на полу (1);

Осенью в этом доме в нижнем этаже поселились пионеры с Серафимой Максимовной. Они прибрали дом, заготовили дрова, затопили печи. Над ущельем потянул в небо дымок. Стал слышен смех, стук топоров. По утрам пела труба, пугала бурундуков, выбегавших на дорогу, чтобы обсушить на ветру свою шкурку, промокшую от осенней обильной росы (2).

Чувственно-воспринимаемые картины Алтая – горной страны и местности – у Паустовского неотделимы от человека: они даются

глазами персонажей (конструкциями прямой и внутренней речи) или совмещенно с повествователем (конструкциями несобственно-прямой и несобственно-авторской речи), либо в этих картинах описание сопрягается с историей персонажей. Так возникает проблема единства / различий в интерпретации объектов в коммуникативно-речевых слоях текста – слое повествователя и слое персонажей.

Целостное содержание художественного концепта *АЛТАЙ* формируется и развивается в соотношении его с двумя фундаментальными концептами русской культуры.

Концепт *ЛЕНИНГРАД*. Тема Ленинграда – одна из сквозных в исследуемом материале. Пребывание героев на Алтае есть лишь эпизод в их жизни, но эпизод судьбоносный. В паре *АЛТАЙ – ЛЕНИНГРАД* просматривается значимость Алтая не как культурного и промышленного центра, символа стойкости защитников Родины, но как надежного тыла, который обеспечивает победу над врагом, будущую мирную жизнь (напомню, что роман написан в 1944 году). *«Мы восстановим все. Все! Снова будет жить под этим небом нетленная красота»*, – эти слова произносит Вермель в последней сцене романа «Дым отечества». *Ленинград* как имя места и начинается, и завершает тексты романа и рассказа «Правая рука»: жизнь и судьба героев изначально связана с этим городом. Имя *Алтай* появляется в ходе повествования и предваряет финальное употребление имени *Ленинград*, – и это символично.

Концепт *ДОМ*. Другая сквозная тема анализируемых текстов – тема дома. Каждый попавший на Алтай оказался там по воле судьбы, лишившись дома, близких, будучи больным, раненым, осиротевшим; каждый видел Алтай впервые, испытывал ощущения тревоги: так, Лобачев *ехал в глубину Азии, в места неясные, загадочные, тревожившие сердце* (ДО). Однако здесь был обретен пусть временный, но дом (*низкая изба, прижатая горами к самой речушке* в рассказе «Правая рука»; *шестая дача* в романе). Ср.: *Пасмурный, холодный Ленинград, с надписями на некоторых домах «В этом доме людей нет» и большой деревянный дом, стоявший на берегу речушки Безымянки, ...по утрам пела труба, ...стало очень шумно...* (ДО). Состояние тревоги сменяется состоянием определенности: в минуты трудностей и опасностей возникает надежда на жизнь (Тихон в рассказе «Правая рука» приобрел в Белокурихе правую руку – сына [Образ Алтая..., 2015]; герои обретают свои судьбы (Лобачев и Мария в романе), к ним возвращаются силы (Вермель в романе) и др. В паре *АЛТАЙ – ДОМ* можно усмотреть глубинный смысл: для

тех, кто в трудные минуты попал на Алтай, он становится защитой, судьбой, семьей.

Подведем итоги. Концепт *АЛТАЙ* номинируется лексемой *Алтай* и посредством обращения к составляющим (*Барнаул, Бийск, Белокуриха*), каждая из которых имеет свою значимость. *АЛТАЙ* предстает как соединение понятийных и чувственно-воспринимаемых признаков: если первые явно опираются на этимологию лексемы *Алтай*, то вторые – более всего на индивидуально-авторское видение объекта. Для лингвистической поэтики К.Г. Паустовского, судя по рассмотренным материалам, характерно представление объекта художественного исследования как сложной, динамичной, открытой картины, неотделимой от человека (повествователя и / или персонажа); объект этот осмысливается на фоне фундаментальных для русской культуры концептов – *ЛЕНИНГРАД* и *ДОМ*.

Литература

- Адаров А. Символ бессмертия народа // Мадай-Кара: алтайский героический эпос. Горно-Алтайск, 1979.
- Алтайский текст в русской культуре. Барнаул, 2013. Вып. 5.
- Аскольдов С.А. Слово и концепт // Русская словесность: от теории словесности к структуре текста: антология. М., 1997.
- Географическая энциклопедия. [Электронный ресурс]. URL: http://gufo.me/content_geogenc/altaj-88051.html
- Грибова Н.Н. Реализация концепта «искусство» как проявление идиостиля писателя (на материале произведений Э.Т.А. Гофмана и М.А. Булгакова): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2010.
- Дзюба Е.В. Концепты *жизнь* и *смерть* в поэзии М.И. Цветаевой: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2001.
- Кыйбанова Н.И. Концепт «Алтай» в алтайской языковой картине мира. [Электронный ресурс]. URL: <http://repository.enu.kz/handle/123456789/6215>
- Малая советская энциклопедия: в 10-ти тт. М., 1958. Т. 1.
- Миллер Л.В. Лингвокогнитивные механизмы формирования художественной картины мира: на материале русской литературы: дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2004.
- Молчанова О.Т. Топонимический словарь Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1979.
- Муравинская Л., Ашеулов В., Захаров С. Константин Паустовский: Алтай, Барнаул // К.Г. Паустовский. Материалы и сообщения. М., 2007. Вып. 3.
- Образ Алтая в русской литературе: антология: в 5-ти тт. Барнаул, 2015. Т. 3.
- Тарасова И.А. Художественный концепт: диалог лингвистики и литературоведения // Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского. Сер. Лингвистика. 2010. № 4 (2).

Использованные сокращения

ДО – Дым отчества; ПР – Правая рука; СВ – Спор в вагоне

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО МУЛЬТИМОДАЛЬНОГО ТЕКСТА КАК ЭМОТИВНО-ЦЕННОСТНЫЙ ФЕНОМЕН (НА МАТЕРИАЛЕ ВОСПРИЯТИЯ РУССКИХ И АМЕРИКАНСКИХ МУЛЬТФИЛЬМОВ)¹

Л.О. Бутакова

Ключевые слова: языковое сознание, речевая деятельность, семантический эксперимент, семантический дифференциал, поликодовый текст, восприятие текста.

Keywords: language consciousness, speech activity, semantic experiment, multimodal text, text perception, construct.

В данной статье преобладающим является подход к тексту как процессу и результату речевой деятельности продуцента / реципиента; воплощению актуальных смыслов их смысловых систем; проекции определенного содержания смысловой системы продуцента на смысловую систему реципиента, возникающей в процессе восприятия, понимания, интерпретации в виде своеобразного «встречного текста».

Цель статьи – показать диагностические возможности метода семантического дифференциала для выявления эмотивно-ценностной составляющей популярных мультипликационных фильмов родной и «чужой» культуры в процессе их восприятия, а также установления факторов, обуславливающих качество их интериоризации языковым сознанием реципиентов, выросших в изменившейся ситуации и принадлежащих к иному поколению.

Такой подход к тексту вообще и мультипликационному фильму в частности обусловлен современной интерпретацией речевого произведения как

- знака (сложного знака и / или знаковой последовательности) «в аспектах его устроенности: структурной, содержательной, функциональной (коммуникативной, прагматической)» [Теория текста, 2010, с. 21];
- динамической единицы – «в плане текстопорождения, текстобразования и текстопонимания» [Теория текста, 2010, с. 21];
- компонента культуры, средства межкультурной коммуникации;
- психолингвистического феномена;

---

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ 15-04-00325а. «Детство в дискурсивном пространстве региона: комплексный анализ институциональных и персональных коммуникаций с участием ребенка»

- лингвистического объекта, прямо связанного с человеком «в единстве его речевой и неречевой деятельности, в его мышлении-сознании» [Теория текста, 2010, с. 26].

Текст мультипликационного фильма специфичен как полимодальный объект. В современной психолингвистике данный термин используется в системе обозначения негомогенных речевых произведений – поликодовый, полимодальный, мультимодальный.

«Термин «поликодовый» используется для обозначения специфических сообщений, включающих гетерогенные по своей семиотической природе составляющие, которые воздействуют на реципиента в рамках одной модальности восприятия – обычно зрительной. К поликодовым текстам традиционно относятся иллюстрированные журналы, комиксы, наружная и транзитная реклама» [Сонин, Мичурин, 2012, с. 164].

Полимодальные тексты – тексты, «не только включающие «гетерогенные составляющие, но воспринимаемые благодаря одновременной работе двух или нескольких перцептивных (сенсорных) модальностей» [Сонин, 2006, с. 22]. Такие речевые произведения гибко сочетают широкий спектр гетерогенных компонентов. «Кроме письменного вербального текста, они включают звучащий устный текст диалогического характера и квазиустный (прочитанный вслух письменный) текст комментариев. Звуковая составляющая может включать шумовые и музыкальные средства структурирования текста. Изобразительные произведения нередко обогащаются в таких текстах элементами анимации (мультипликационные произведения), а также видеоматериалами» [Сонин, 2006, с. 22].

В мультипликационном фильме, как и в кинофильме, «внутренняя текстовая связь между негомогенными компонентами опирается на единый культурный код, детерминирующий смыслопорождающие механизмы» текста [Винникова, 2010, с. 3].

Как и кинотекст, мультфильм является специфической формой коммуникации, в ходе которой «получение по разным каналам поликодовой текстовой информации происходит не единообразно» [Винникова, 2010, с. 2].

С позиций коммуникативных и социологических свойств «мультфильм демонстрирует не только эмоциональные состояния, которые переживают его герои, но и формирует стереотипы поведения и разрешения ситуаций. Его образность и яркость усиливает внушение, поскольку отвечает потребностям ребенка» [Шаханская, 2013]. Образность и яркость, трансляция социально значимых смыслов, усиленные динамичностью всего происходящего на экране, воздействуют не только на детей разного возраста. В детстве они формируют когнитивные структу-

ры базового типа, которые активизируются в процессах восприятия данных произведений в дальнейшем. Можно говорить о том, что определенные фрагменты модели мира носителей языка активно формируются в раннем возрасте с помощью мультфильмов (дети рано приобщаются к этим полимодальным текстам, эмоционально сопереживают героям, понимают смыслы, репрезентированные в полимодальных форматах).

Как и кинофильм, мультфильм – «динамичное аудиовизуальное и пространственно-временное единство, возникающее на основе взаимодействия генетически разнородных компонентов в едином смысловом текстовом пространстве» [Винникова, 2010, с. 10]. Отличие состоит в способе создания изображения, кодировании смысловых компонентов с помощью «средств кадраовой отрисовки (включая 3D-моделирование)» (<https://ru.wikipedia.org/wiki/Мультфильм>).

В психолингвистическом аспекте восприятие и понимание – процессы когнитивной деятельности человека, результатом которых является ментальная репрезентация содержания текста (ментальный образ), включенная в смысловое поле реципиента. Процесс порождения – система речевых (когнитивных) действий, в рамках которых происходит реализация мотива и цели (эмоции, ментального содержания, смысла) говорящего в виде системы взаимообусловленных когнитивных структур, связанных с определенными языковыми знаками. Механизм смыслообразования является главным, при порождении речевого произведения любого вида он определяет исходную смысловую вариативность текста, при восприятии и понимании – реализуется в форме индивидуальных реакций реципиента при построении «проекции текста».

Поскольку полимодальный текст мультипликационного фильма порождается как небольшое по длительности анимационное изобразительно-аудиальное речевое произведение, то восприятие, понимание, интерпретация его осуществляются в режиме актуализации универсальных механизмов перцепции, направленных на опознание смысловых областей, представляющих с помощью динамичных семиотически разнородных когнитивных структур компоненты модели мира носителей языка. Такой режим речевой деятельности при восприятии и понимании требует от индивида активации разных участков концептуальной системы (вовлекает смысловое поле реципиента, связанное с разными каналами восприятия), обусловлен определенной (негативной / позитивной) эмоцией, связан с актуализацией социально значимых отношений и культурных стереотипов. Изменение последних отражается на характере массовой коммуникации, в частности – текстах кино- и мультипликационных фильмов.

Поколения россиян, рожденных в конце XX – начале XXI века, формируются в иной информационной, коммуникативной, этической, эстетической среде (активное распространение имеет Интернет-коммуникация на родном и иностранных языках, мультфильмы, фильмы, клипы на youtube, англоязычные программы для детей и юношества, общение «ВКонтакте» и других социальных сетях, рекламный дискурс, которые формируют стереотипы не только базовой культуры). Трансляция традиционных и новых ценностей происходит все чаще в поликодовых и полимодальных форматах. Создавшаяся ситуация диктует необходимость выяснить, какие ценности остаются неизменными, какие – подверглись изменениям в силу бытования в иной дискурсивной среде, каким образом формируются ценностные концепты как основополагающие элементы языкового сознания представителей современной молодежи и школьников. Частью обширной исследовательской работы является экспериментальное изучение восприятия и понимания разных речевых произведений, в том числе русских и американских мультипликационных фильмов, представленное в статье.

Описание эксперимента. Гипотеза для исследования процессов восприятия мультипликационного фильма (мультсериалов). Восприятие полимодальных анимационных текстов мультипликационных фильмов, хорошо знакомых реципиентам, принадлежащих к разным типам культуры (русской и американской), реализующих разные жанровые каноны, социально-ориентированные дискурсивные стратегии, смысловое и эмоционально-оценочное содержание, происходит в режиме смысловой вариативности. Последняя обусловлена рядом параметров: качеством реализации культурных стереотипов, способов рассредоточенного представления смысловых доминант, индивидуальными психологическими особенностями реципиентов, уровнем их эмоционального переживания произведения, особенностями концептуальной системы, возрастом.

Подготовительный этап эксперимента (сентябрь–октябрь 2015 года). Была сформирована группа реципиентов-филологов в возрасте 20-22 лет (12 человек), которым были предложено задание составить список популярных, известных мультипликационных фильмов, затем – поставлена цель отреагировать на их содержание максимальным количеством антонимичных пар прилагательных, характеризующих субъективное отношение и передающих разнонаправленную оценку.

Результатом подготовительного этапа эксперимента явились список русских и американских мультфильмов, образующих мультсериалы («Маша и Медведь», «Губка Боб Квадратные Штаны», «Винни Пух», «Шрэк», «Ну, погоди!», «Том и Джерри»), а также совокупность антонимичных прилагательных – наименований оценочных шкал, из кото-

рых были отобраны четырнадцать наиболее повторяющихся (*активный / пассивный, светлый / темный, быстрый / медленный, новый / старый, громкий / тихий, детский / взрослый, яркий / тусклый, добрый / злой, свой / чужой, умный / глупый, полезный / вредный, веселый / грустный, белый / черный, сильный / слабый*).

С помощью этих шкал на основном этапе эксперимента реципиентами оценивались полимодальные тексты мультипликационных фильмов. Список шкал был составлен на основе материалов, представленных в работе В.Ф. Петренко «Основы психосемантики» [Петренко, 2005, с. 94–97]. Шкалы, применяемые последовательно к каждому тексту, помогают выстроить так называемое «субъективное семантическое пространство» как результат многомерного шкалирования. Это субъективное семантическое пространство – «система признаков, описаний объектной и социальной действительности, определенным образом структурированная» [Петренко, 2015, с. 79], операциональная модель категориальных структур индивидуального и общественного сознания [Петренко, 2015, с. 82]. Нагрузка, выбираемая реципиентами по каждому параметру в диапазоне от -3 до +3, не случайна, так как «...отдельные параметры семантического пространства соответствуют определенным аспектам когнитивной организации сознания» [Петренко, 2015, с. 82].

Набор антонимичных шкал последовательно использовался реципиентами к оценке содержания выбранных мультипликационных фильмов; полученные результаты количественно обобщались; широта набора шкал снижалась за счет применения факторного анализа, на основе чего выстраивалось субъективное семантическое пространство текста.

Применение семантического дифференциала неоднократно производилось автором статьи для выявления процессов восприятия, понимания речевых произведений разных форматов [Бутакова, 2009; 2013; Бутакова, Бережная, 2006; Бутакова, Гуц, 2013; Гуц, 2013].

Основной этап семантического эксперимента (семантического дифференциала) (ноябрь-декабрь 2015 года). Состав участников: студенты-филологи в возрасте 20-22 лет (20 человек). Каждому участнику экспериментов необходимо было заполнить анкету – ответить на вопросы, касающиеся информации о референте (пол, возраст, место обучения), и выполнить задания, требующие описать свое отношение к предлагаемым мультсериалам по 14 антонимичным шкалам (28 параметрам). Интенсивность выраженности каждой шкалы градуировалась от +3 до -3, включая 0. Необходимо было обвести соответствующий индекс. Задания выполнялись письменно, в рабочее время, тексты первоначально прочитывались. Время заполнения анкеты было ограниче-

но – 10-15 минут. Отказов выполнения заданий экспериментов не было зафиксировано.

Обработка данных проводилась по традиционной методике: количество баллов по каждой шкале суммировалось и делилось на количество испытуемых [Белянин, 2011, с. 216].

После завершения основного этапа эксперимента проводился опрос: участники эксперимента рассуждали о том, почему они выбрали те или иные индексы, выражали свое отношение к русским и американским мультсериалам, их героям, отдельным фильмам в рамках сериалов, подтверждали неслучайность выбора тех или иных индексов (иногда в категоричной форме), отвечали на вопросы по методу семантического дифференциала. Ответы были эмоциональными, показывали неравнодушное отношение реципиентов к воспринимаемым текстам, рефлексию над их содержанием и над своим отношением к ним «в детстве» и «сейчас». Заметен был принцип оценки содержания, видеоряда, героев сквозь призму «свои» / «чужие».

В статье подробно остановимся на моделировании субъективных семантических пространств двух мультсериалов – «Маша и Медведь» и «Губка Боб Квадратные Штаны». И тот, и другой сериалы являются цветными, отличаются большим количеством серий, в которых действуют основные и вспомогательные герои, имеют динамичные сюжеты каждой серии, широко используются в самой различной рекламной продукции не только для детей, но и для взрослых.

Результаты восприятия полимодальных текстов мультсериалов оказались следующими (см. табл. 1, 4).

Параметры восприятия		Средние индексы
активный	пассивный	3
светлый	темный	2,857143
быстрый	медленный	2,714286
новый	старый	2,714286
громкий	тихий	2,714286
детский	взрослый	2
яркий	тусклый	2
добрый	злой	1,857143
свой	чужой	1,714286
умный	глупый	1,571429
полезный	вредный	1,428571
веселый	грустный	1,285714
сильный	слабый	1
белый	черный	0,142857

Табл. 1. Восприятие мультсериала «Маша и Медведь».

Русский мультсериал «Маша и Медведь» заслужил исключительно позитивное отношение к разным своим составляющим (см. табл. 1). Он был оценен как максимально *активный и светлый* (+3; +2,85), *быстрый, новый и громкий* (+2,714), интенсивно детский и яркий (+2). Оценки остальных свойства плавно снижались от высокой степени позитивного проявления параметра (*добрый* +1,857) до низкой, но не дошедшей до нуля величины (*белый* +0,142857).

При обобщении параметров и сведении их к факторам [Петренко, 2005, с. 89-97] был введен фактор, который получил название «стабильность». Его можно было назвать также «существование во времени, актуальность» в силу того, что его составляющие передают оценку объекта как актуального для определенной возрастной категории реципиентов.

Обобщение параметров выявило высокую позитивную интенсивность факторов силы (кроме параметров *сильный – слабый*) и стабильности (см. табл. 2, 5). На такое восприятие, вероятно, повлияли красочность мультфильма, объемность фигур действующих лиц (кукольный вариант анимации), наличие громких возгласов, песен, музыки, активных действий героев по ходу развития сюжета (например, езда на велосипеде Медведя и Маши на заставках серий и пр.). Именно поэтому получены высокие показатели по параметрам быстроты и громкости, чуть ниже – яркости. Не вызывает удивления, что сериал однозначно воспринимается как новый и детский, хотя в ходе постэкспериментального опроса некоторые реципиенты отмечали не всегда детское содержание серий, характеров и поступков основных персонажей, не совсем соответствующий традиционным русским сказкам внешний облик Маши.

Фактор «Сила»			Фактор «Оценка»		
быстрый	медленный	2,714286	светлый	темный	2,857143
громкий	тихий	2,714286	добрый	злой	1,857143
яркий	тусклый	2	умный	глупый	1,571429
сильный	слабый	1	веселый	грустный	1,285714
Среднее значение		2,107143	свой	чужой	1,714286
			Среднее значение		1,857143
Фактор «Активность»			Фактор «Стабильность»		
активный	пассивный	3	новый	старый	2,714286
полезный	вредный	1,428571	детский	взрослый	2
белый	черный	0,142857	Среднее значение		2,357143
Среднее значение		1,523809			

Табл. 2. Универсальные факторы восприятия мультсериала «Маша и Медведь».

Факторы активности и оценки отличаются контрастной интенсивностью нагрузки по разным параметрам или плавным ее снижением. Так, фактор активности содержит максимально оцененный параметр *активности – пассивности* и гораздо ниже оцененные параметры *полезности и белого цвета*. Высокая интенсивность параметра активности обусловлена, скорее всего, динамичностью, неиссякаемой энергией и постоянными выдумками новых проказ Маши.

Фактор оценки, наиболее насыщенный разными параметрами, приближается к максимальной величине параметра *светлый – темный*, более низкие величины остальных качеств (*добрый, умный, веселый, свой*). Интересно, что не только качество доброты и ума оценены респондентами как не абсолютно проявленные, таким же образом квалифицированы свойства веселости и принадлежности к ближнему кругу («своему»).

Восприятие мультсериала «Губка Боб Квадратные Штаны» оказалось иным (см. табл. 3). По пяти параметрам был получены позитивные реакции, два параметра были нейтрально окрашены (*новый – старый, детский – взрослый* были отмечены как не вызывающие определенного эмотивного отношения и получили 0). Семь параметров оказались негативно проявленными, причем интенсивность отрицательного отношения плавно нарастала (от близкого к нейтральному параметра *добрый – злой* до интенсивно *вредного, глупого и чужого*) (см. табл. 2). Не случайно параметр *чужой* получил наибольшее отрицательное выражение, близкое к максимальному (-2,857).

В ходе постэкспериментального опроса в адрес данного мультсериала высказывались негативные реплики. Герои сериала раздражают респондентов своей шумностью, внешним видом, поступками.

Параметры восприятия		Средние индексы
яркий	тусклый	2,285714
громкий	тихий	1,714286
активный	пассивный	0,571429
быстрый	медленный	0,285714
веселый	грустный	0,285714
новый	старый	0
детский	взрослый	0
добрый	злой	-0,28571
белый	черный	-0,42857
светлый	темный	-0,57143
сильный	слабый	-1,85714
полезный	вредный	-2,285714
умный	глупый	-2,71429
свой	чужой	-2,85714

Табл. 3 Восприятие мультсериала «Губка Боб Квадратные Штаны».

Интересно, что при оценке мультсериала «Маша и Медведь» параметры *белый – черный, светлый – темный* интерпретировались по-разному реципиентами, что выразилось в разной интенсивности их применения. В процессе оценивания сериала «Губка Боб Квадратные Штаны» эти параметры были сближены и получили незначительно различающиеся отрицательные показатели.

При обобщении факторов восприятия мультсериала было установлено преобладание позитивных реакций фактора силы (наибольшим позитивным оказался показатель параметра *яркий* наибольшим негативным – параметр *слабый*) (см. табл. 4,5).

Фактор Сила			Фактор Оценка		
яркий	тусклый	2,285714	веселый	грустный	0,285714
громкий	тихий	1,714286	добрый	злой	-0,28571
быстрый	медленный	0,285714	светлый	темный	-0,57143
сильный	слабый	-1,85714	умный	глупый	-2,71429
Среднее значение		0,607144	свой	чужой	-2,85714
			Среднее значение		-1,22857
Фактор Активность			Фактор Стабильность		
активный	пассивный	0,571429	новый	старый	0
белый	черный	-0,42857	детский	взрослый	0
полезный	вредный	-2,28571	Среднее значение		0
Среднее значение		-0,71428			

Табл. 4. Универсальные факторы восприятия мультсериала «Губка Боб Квадратные Штаны».

Остальные факторы оказались в области негативного эмоционального переживания разных сторон полимодального текста (см. табл. 4-5). Сопоставление средних величин факторов восприятия мультсериалов еще раз подтвердило разницу эмотивного отношения к мультсериалам.

Факторы восприятия	Маша и Медведь	Губка Боб
сила	2,107143	0,607144
стабильность	2,357143	0
активность	1,523809	-0,71428
оценка	1,857143	-1,22857

Табл. 5. Соотношение средних величин факторов восприятия мультсериалов «Маша и Медведь» и «Губка Боб Квадратные Штаны»

Фактор силы, оцененный респондентами значительно выше среднего у русского мультсериала, позитивен, но невысок у американского; фактор стабильности, также интенсивно положительный при восприятии русского полимодального текста, нейтрален при интерпретации американского; факторы активности и оценки позитивны в средней степени интенсивности при восприятии русского мультфильма и негативны при восприятии американского.

Подведем итоги. Восприятие полимодальных анимационных текстов популярных мультипликационных фильмов модально окрашено, что выразилось в разной интенсивности переживания реципиентами разных составляющих мультфильмов и разной организации субъективных семантических пространств.

При сходстве жанровых канонов воспринимаемых речевых произведений (анимационные фильмы «событийно-приключенческого» типа) смысловые доминанты русского и американского сериалов актуализировались с помощью разных социально-ориентированных стратегий, что нашло отражение в позитивном отношении к русскому мультсериалу и негативном – к американскому.

Рассредоточенный способ представления доминантного смысла в полимодальных произведениях позволил реципиентам оценивать мультсериалы как единые текстовые объекты, имеющие разные стороны воздействия на адресата.

Форма и содержание мультсериалов интерпретировались концептуальными системами реципиентов на основе актуализации сформированных в детском возрасте когнитивных структур, основанных на стереотипах, транслируемых в этих же коммуникативно-дискурсивных форматах: содержание мультсериалов оценивалось и переживалось как феномены, соответствующие / несоответствующие ценностям составляющим русской культуры, сравнивалось с содержанием и формой других мультсериалов, сказок и пр.

Метод семантического дифференциала позволил прояснить способы обработки информации при восприятии полимодальных текстов, создать субъективные семантические пространства, в которых видна интенсивность разных параметров текстовой организации, преобладающие типы оценок, воздействующий потенциал.

Постэкспериментальный опрос уточнил его результаты, помог «достроить» картину восприятия мультсериалов.

Литература

Белянин В.П. Психолингвистика. М., 2011.

Бутакова Л.О. «Рассеянная репрезентация» как способ представления смысловой доминанты рекламного текста и регулятор его восприятия (на материале компании «Columbia» в России) // Вестник Омского госуниверситета. 2009. № 3 (53).

Бутакова Л.О. Официально-деловой дискурс: психолингвистическое исследование восприятия инструктивного документа методом «встречного текста» // Вестник Челябинского госуниверситета. Сер. Филология. Искусствоведение. 2013. № 37(328).

Бутакова Л.О., Бережная Т.С. Восприятие рекламного текста: теоретико-экспериментальный аспект // Вестник Омского университета. 2006. № 4.

Бутакова Л.О., Гуц Е.Н. Психолингвистическое исследование восприятия современного русскоязычного документа методами семантического дифференциала и «встречного текста» // Психолінгвістика. Психологія. Языкознание. Социальные коммуникации. Переяслав-Хмельницький, 2013. Вып. 14.

Гуц Е.Н. Метод семантического дифференциала как инструмент изучения восприятия инструктивного документа адресатами-учителями // Теория и практика языковой коммуникации. Уфа, 2013.

Винникова Т.А. Моделирование механизмов понимания кинотекста: дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2010.

Сонин А.Г. Моделирование механизмов понимания поликодовых текстов: дис. ... д-ра филол. н. М., 2006.

Сонин А.Г., Мичурин Д.С. Эволюция поликодовых текстов: от воздействия к взаимодействию // Вопросы психолингвистики. 2012. № 2(16).

Петренко В.Ф. Основы психосемантики. СПб., 2005.

Теория текста. М., 2010.

Шаханская А.Ю. Психологические особенности восприятия мультипликационных фильмов детьми младшего школьного возраста. [Электронный ресурс]. URL: http://teoriapractica.ru/rus/files/arhiv_zhumala/2013/8/pedagogika/shakhanskaya.pdf

НАТУРФИЛОСОФСКОЕ СЛОВО АВТОХТОННЫХ ЛИТЕРАТУР СЕВЕРА, СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

О.М. Гончарова

Ключевые слова: автохтонные литературы, натурфилософия, соприродность как этническое бытие, семантика и поэтика текста.

Keywords: autochthonous literatures, natural philosophy, connaturally as ethnic being, semantics and poetics of the text.

Самобытный «северный дискурс» – это не только нарративная презентация этнической идентичности, ему внутренне присущи оригинальные художественные решения, свои семантика и поэтика. Внимание к своему месту в мире (автохтонности) придает исканиям северных писателей философское звучание: свой локус мыслится ими как «рождающее лоно», исполненное этнических смыслов и наполняющее ими

человека. Эта неразрывная и родственная связь становится основанием художественной натурфилософии в литературах народов Севера, Сибири и Дальнего Востока и представляет тот уровень рефлексии, который реализуется в постижении высшего порядка космического и природного универсума. Этнокоммуникативный потенциал натурфилософского *Слова* реализуется в формировании особой сферы идентичности – осмысления принадлежности к естественной и соприродной жизни, то есть к таким бытийственным началам, которые резко отличают аборигенные культуры от современных цивилизаций и подчеркивают самобытность этнического мировидения как человеческой изначальности или «первоначала».

В автохтонных текстах, связанных с натурфилософской проблематикой, чаще всего видят очень простое следование традициям анималистической прозы или образно-тематической линии «изображения природы». На такие упрощенные интерпретации влияет давно сложившееся представление о натурфилософской литературе – русской и европейской, родившейся из философских исканий века Просвещения и посвященной проблеме «взаимоотношений человека и природы», вопросам «о способах взаимодействия человека с natura (природой) и степени их родства» [Бондаренко, 2010, с. 3]. Путь человека к природе или ее осмыслению обычно и становится предметом изображения и сюжетообразующей линией в этой традиции. Но в северных этнических литературах она, по сути, не представлена, поскольку их *Слово* не ищет путей к природе и ее натуральным смыслам, а воссоздает мир в его первозданной смысловой полноте. Такая полнота не ищется и, тем более, не принадлежит отдельному человеку – она для всех, она не разделена на сферы natura и homo sapiens, между которыми установлены к тому же не субъектно-объектные, а «субъект-субъектные отношения» [Сирина, 2011, с. 39], определяющие специфику этнического бытия.

Восприятие природы в традиционных культурах, действительно, самобытно, что находит свое отражение не только в верованиях и обычаях, но и на глубинном уровне, фиксирующем ментальные этнические стереотипы, – например, в языке (см.: [Серашхова, 2013; Быконя, 2013]). И современный человек этнокультуры мыслит в той же парадигме. А.А. Сирина, например, приводит слова А.Д. Марфусаловой о ее личном чувствовании природы: «Верю, что природа живая, что она может откликаться на деяния человека. Это вера моих предков. Впервые, я уважаю природу, где я бываю, я дань природе даю. <...> Я думаю, я очень жестко связана с природой, если подумать над некоторыми элементами знаменательных переходов в моей биографии, то они

почему-то сопровождалась явлениями природы» [Сирина, 2008, с. 122]. А.Д. Марфусалова выразила и свое личное восприятие природы, и написала о традиции такого восприятия в северных культурах в книге «Мудрость экотрадиций северян» [Марфусалова, 2002].

В мифологических пластах памяти автохтонных этносов и хранится переживание природы как целостного живого организма со всей совокупностью одухотворенных элементов. В. Санги – известный писатель и знаток нивхского фольклора – отобразил эту идею в «Песне о нивхах»: *«Людам, что жили там, родственны были деревья, / Звери и птицы, морские растенья и рыбы, / То ли душа у людей и природы еди-на, / То ли и в правду людские роды зачинались / Чей – от медведя, а чей – от орла, а иные – / В браке охотников смелых и лиственниц нежных, / А если кто из людей погибал в океане – / Рыбою он воскресал иль подводным растеньем»* [Санги, 1989, с. 23]. М.К. Волдина – знаток и хранитель традиций народа ханты – высказалась о них так: «Человек живет на Земле. Все содержимое на ней: деревья, травы, цветы, вода, огонь, камни, рыбы, звери, жучки, паучки... Их единство и равенство устанавливают биологическую близость, равенство, обеспечивают взаимное энергетическое влияние, закрепляется биоэнергетическими потоками, которые нельзя разрушать. <...> Это все относят ханты к ряду ритуальных дел, все это человеку дают бог или духи» (цит. по: [Волдина, 2010, с. 38]). И «в традиционном мировосприятии эвенков, – пишет Г.И. Варламова, – вся природа жива и ничего в ней нет неживого. Все предметы, воспринимаемые нами как неживые, для эвенка обладают силой *мусун* – живой силой, силой энергии» [Варламова, 2004, с. 55].

Все «живые» элементы не только имеют душу, но и могут претерпевать самые различные метаморфозы: человек может оказаться аналогом или реинкарнацией дерева, поскольку «мифическое дерево и его ритуальные аналоги имеют непосредственное отношение к рождению, жизни и смерти человека» [Сагалаев, 1991, с. 56]. Тема реинкарнации, связывающая в единый ряд животных, растения и людей в мифологии обских угров, рассматривалась Т.В. Волдиной, которая привела примеры самых различных метаморфоз, зафиксированных в фольклоре или обычаях, связанных с идеей возрождения [Волдина, 2014]. Природные превращения – неперемный элемент фольклорных текстов разных народов, в которых человек или божественное существо может стать птицей, зверем, насекомым. В ненецком предании, например, женщина становится кукушкой, в «Человеке Ых-мифа» В. Санги богиня может превратиться в муху или рыбу, а девочка – в лебедя [Санги, 1973, с. 305, 335, 358]. Эвенские сказки и предания содержат

целый ряд текстов, связанных с фольклорно-мифологическим мотивом метаморфоз: например, «Мама нерпа», «Девушка-рыба», «Лиственница-мама» [Моторова, 2005].

В ритуально-обрядовой жизни этнокультурного сообщества эти идеи воплощались и в почитании животных, и в особом отношении к растениям и деревьям, которые составляли «сценарии» обрядов. Например, «медвежьего праздника». Неслучайно «один из основных этапов ритуала <...> в ряде сибирских традиций состоит в “расстегивании” и последующем снятии шкуры (или “шубы”), что в известной степени означает первый этап принятия медведя человеческим коллективом (превращение медведя в человека, снятие различий между ними)» [Иванов, Топоров, 1988, с. 128]. Этот центральный для многих народов ритуал и построен на идее родственной близости человека и медведя. Их первозданное родство понималось как форма социальной организации: раньше существовало даже представление об особых «медвежьих сообществах». Такие взаимообусловленности были предметом анализа еще в классическом труде А.Ф. Анисимова «Религия эвенков». Рассматривая «медвежьи праздники», исследователь сделал вывод об их связи с «тотемным культом» и подчеркнул «родовой характер» ритуала, обусловленный «социальным смыслом» [Анисимов, 1958, с. 119]. Многочисленные свидетельства почитания самых разных животных и особого семейно-родственного к ним отношения приводит И.Н. Гемуев в своей книге «Мировоззрение манси. Дом и Космос» [Гемуев, 1990]. Так что, когда в «Языческой поэме» Ю. Шесталова начинает «думать» медвежья голова, это не всплеск «фантазии поэта», как иногда полагают [Динисламова, 2014, с. 40], а натурфилософское слово о мире – слово не только о природной, но и социально-родовой, и ментальной близости всего живого. Такое же, как, например, в рассказе Е. Айпина «Медвежье горе».

Хантыйский писатель изобразил здесь не просто трагическое происшествие в мире зверей – смерть медвежат и медведицы, а тот уровень родственного сопереживания, который возникает у охотников, слушающих эту историю. В своей обыденной жизни они охотятся на медведя-шатуна, но дед Кузьма рассказывает им о *«хорошем медведе»*. Деда слушают, затаив дыхание, и он закончил рассказ о том, как умерла медведица – *«застонала, вернее, зарыдала, как человек-мать, а потом звезды ее стали медленно гаснуть в страшной тоске»*. Старик замолк, *«молча взял головешку, молча прикурнул»*, а затем *«отыскал на небе Большую Медведицу»* [Айпин, 1995, с. 7, 8]. В этот момент и повисло молчание: *«Молчали люди. Молчали сосны. Молчали звезды на небе. Молчал наш костер»* [Айпин, 1995, с. 9]. Так автор изобразил

особое экстатическое чувство причастности к сакральным смыслам бытия, открывшимся в словах мудрого старика и стершим границы между обиденным и вечным. Глубинный натурфилософский смысл рассказа определен особым мифо-ритуальным статусом медведя в этническом мировоззрении обских угров, прежде всего – его связью с космогоническими мифами. Как мифический первопредок он «строго соответствует представлению о мифическом времени первотворения» и выступает в ритуалах «как моделирующий коллектив носитель» [Люцидарская, 2000, с. 31].

В мифологических преданиях постоянно возникают сюжеты родственных отношений человека и медведя, часто такие тексты связаны с темами и элементами медвежьих праздников. Распространен у хантов и манси и «мотив реинкарнирующей медведицы, превратившейся вместе с медвежатами в созвездие» [Лукина, 1990, с. 512]. Наиболее интересна в связи с рассказом Е. Айпина та линия текстов, где речь идет о медведице с детьми: причем рядом с медвежатами непременно оказывается человеческая девочка – дочь медведицы. В обширной традиции можно выделить несколько преданий такого типа, например: «Маленькая Мось-нэ – дочь медведицы», «Мось-нэ и ее дочь», «Женщина Мось». В них медведица с медвежатами погибают, а девочка оказывается в мире людей и событий, отражающих ситуацию медвежьего праздника. Скорбь девочки о матери и братьях, исполнение запретов (например, отказ от мяса убитых) приводят к тому, что она «воссоединяется» с ними в сакральном пространстве – видит души своих родичей на небе: *«теперь их души там засветились, на небе»* или *«тут она взглянула вверх и увидела медвежат наверху в образе звезд»* [Мифы, предания, сказки, 1990, с. 333, 334]. В третьем тексте девочка слышит голос умершей матери-медведицы: *«Хантыйская девушка, небесная девушка, нас сюда привел твой плач. <...> Посмотри, сейчас наши души полетят на небо! <...> на небе появится семь звезд. Смотри, седьмая звезда – это я! Справа и слева от меня двое моих детей. Дом Медведицы – так ты должна называть это созвездие, а как только твои слезы высохнут, тотчас ты должна сказать и народу. Ведь он еще ничего не знает об этом»* [Мифы, предания, сказки, 1990, с. 89–90]. В этой мифологической ситуации мир, ставший на какое-то время несовершенным, обретает свою первозаданную космическую целостность – умершие медведи становятся жителями неба, а на земле вновь воцаряется изначальная гармоничная целостность. И если в понимании обских угров «реинкарнирующаяся душа имела образ того животного, к какой фратрии принадлежал человек» [Черемисина, 2008, с. 108], то в рассказе Е. Айпина слушателям истории о медведице в ситуации мол-

чания дается откровение о вечном законе природы – бесконечном ряде перевоплощений-рождений, соединяющем землю и небо, человека, животное и звезды в единую цепь, в которой нет ни начала жизни, ни ее конца (смерти), а каждое «творение» – живое звено этой цепи. Именно эти размышления как выражение самобытности этнического миропонимания – в центре авторского замысла Е. Айпина, ведь не случайно в его тексте старик-рассказчик, прежде чем вспомнить смерть медведей, посмотрел на созвездие, а глаза медвежат и медведицы в тексте названы «звездочками» и «звездами».

Традиционное этническое мировоззрение наделило окружающее натуральное бытие сложной семантикой и сакральными характеристиками. Можно сказать, пользуясь определением И.Н. Гемужева, что мир для этнического человека – это и *Дом* и *Космос* одновременно, а потому именно «к пониманию цельности Мира, единства Природы и Человека, как и Земли, Солнца, Звезд» призывает своих современников Ю. Шесталов. Писатель справедливо полагает, что космическое сознание искони присуще традиции его народа: «Обыденное слово “Природа” в мансийском языке поднято до ключевого понятия “Торум”, означающего “Небо”, “Космос”, “Гармонию” и даже “Бога”, не случайно. В нем цельность взгляда на мир, мировоззрение, вся философия жизни...» [Шесталов, 1997, т. II, с. 475]. Важным смысловым аспектом природы является и то, что в традиционном мировоззрении она, как и человек, имеет свой «язык», а потому всегда – в диалоге с человеком: «Люди, не ощущающие этого, <...> обделены многим. Они не чувствуют языка леса, не понимают говора ручья, не слышат шепота молодой листвы» [Кэптукэ, 2010, с. 31]. У человека этнокультуры другой слух, а потому «говорить» и «понимать» в автохтонных литературах могут все и все. Например, у Ю. Шесталова – журавль («Клич журавля»), филин («Дума филина»), ветер («Слова ветра»), у Е. Айпина – сорока, ворон, бубен («У гаснущего очага»). Однако услышать и понять «язык» природы дано только человеку, равному ей. Именно поэтому тексты, связанные с художественным изображением увиденной и понятой первозданности и гармонии соприродного этнического бытия, кажутся стороннему читателю наивными и бесхитростными. Чаще всего идиллический мир «истинной красоты» изображается в лирике или лирической прозе: например, в новеллах книги «Долгий путь» эвенского писателя К. Ханькана, таких, как «Каткату варит ягоду». Это очень самобытный текст: в нем представлено мгновение полдня – казалось бы, повседневное, но в этой лаконично описанной обычности есть свой, давно укоренившийся смысл, своя естественная красота, не нуждающаяся в дополнительных эстетических «добавлениях». Выра-

зительность этой новеллы определена особым художественным мастерством. Передавая свое этническое миропонимание природного универсума, автор пишет в технике «обратной перспективы»: не строит композиционной схемы (на первом плане – мелкие или скрытые детали), не ищет специальных изобразительных путей, не открывает вдруг гармонию мира, не удивляется открытиям, а показывает то, что есть само по себе и было всегда, что предустановленно естественной космогонией.

Естественным в этом ряду оказывается и содружество всего живого. В повести Е. Айпина «В тени старого кедра» перед мальчиком Микулем разворачивается мир бытия его родичей, подлинность которого отражена в опыте предков. Отец рассказывает ему про своего отца, о том, что он видел рядом с ним и понимал. Например: *«Голос костра был ровным и спокойным. Стреляющий Глухарей сидел у огня и слушал. <...> Костер поведал ему о думках старого смолистого кедра, который подошел к огню и остановился справа от Старика, чтобы в последний раз перед долгой студеной зимой осушить свои одежды и погреть руки-ноги»*. Именно в этот момент сын понимает: *«Наверное, этот кедр – старый друг отца, не зря он тоже придвинулся к костру»* [Айпин, 1986, с. 131, 132]. На вопрос мальчика о том, что же приносило деду радость, отец отвечает: *«Радость ему тайга приносила. <...> У Земли много Людей – и Деревьев-Трав, и Зверей-Птиц, и Рек-Озер – все они хотят жить, им всегда нужна радость и удача...»* [Айпин, 1986, с. 138]. Так в натурфилософских размышлениях писателей определяется семантически значимый мотив радости от сопричастности ко всему живому – это и есть ощущение гармоничности бытия в этнической модели мира.

По-своему эти мировоззренческие основы реализуются в рассказах В. Санги «У истока» и «Изгин». Они сближены образами героев – стариков-нивхов Полуна и Изгина, которые кажутся окружающим отжившими свой век. Вокруг – новая жизнь, а они живут в мире старины и в любви к природе. Одинокие герои думают о своей ненужности, старости и смерти, но природа дарит им возможность увидеть смысл неутрачиваемого бытия. Изгин с восторгом и изумлением видит, как старый лис, которому предназначено умереть, водит *«свадебный танец с красной молодой лисицей»* [Санги, 1973, с. 69]. Те же вечные законы творящей и радующей жизни постигает и Полун, увидевший в реке рождение новой жизни: *«Самка замерла, лишь хвост поддерживается нервно. И вот в ямку золотистой струей потекла икра! Струя! Еще струя! В каждой икринке играло по солнцу, а икринок – сотни»*. И хотя рядом с жизнью была смерть – рыбы умирали после нереста, старик

уже не думал о дряхлости и умирании – «*Сердце Полуна забилося сильно и радостно. Он видел начало жизни!*» [Санги, 1973, с. 17, 20]. Радость первозданного бытия для традиционной картины мира, таким образом, не только в его красоте и гармонии, но и в творческом начале – постоянном порождении новой жизни, перед которой смерть ничтожна. Собственно так в финно-угорской и в палеоазиатской мифологии выглядит и сам акт первотворения – высшей волей из крохотного кусочка материи (земли, глины или яйца) создается весь мир целиком. В самодийской мифологии есть образ хозяйки земли или «старухи земли», «имеющей функции богини-матери, рождающей и хранящей все живое: она ведает рождением детей <...>, ведет книгу судеб, возвращает травы» [Хелимский, 1988, с. 399]. В некоторых мифологических традициях это творчески-рождающее начало подчеркнуто еще более выпукло. У нгасан, например, «иногда Земля-мать выступает как лосиха или дикая оленуха, на спине которой и живут нгасане» [Грачева, 2002, с. 96].

Естественный мир природы, таким образом, определяется в аборигенных культурах не просто анимистическими представлениями, а идеей вечного движения жизни – бесконечной и непрерывающейся цепью рождений и самой творчески-порождающей все живое энергией мира. Помимо того, что в мифологии различных народов Севера и Сибири единый, по сути, акт творения рождает и людей, и землю, и травы, и животных, и духов, идея порождающей жизни зафиксирована в значимых ритуально-обрядовых «сценариях» этих культур. Так, А.Ф. Анисимов описал бытующий у эвенков обряд «гиркумки», представленный рядом действий явно эротического характера, совершаемых для того, «чтобы увеличился приплод зверей» [Анисимов, 1958, с. 34]. Аналогичные обряды есть и у других северных этносов. В.В. Горбачева, например, зафиксировала оргиестические элементы корякского ритуала «Хололо», которым «предписывалось свойство магическим образом способствовать размножению животных» [Горбачева, 2004, с. 25]. Именно в этом контексте можно понять и традицию хранения идолов – семейных и родовых духов предков, имеющих как антропоморфные, так и зооморфные черты и продолжающих участие в жизни сородичей (их почитают, «кормят», устраивают жертвоприношения).

Особую актуальность натурфилософскому *Слову* придали те «изменения», которые вторглись в «картины первородные» (А. Кривошапкин) в XX веке: не только те, что изменили жизнь природы и природные ландшафты, но и те, что коснулись внутреннего мира «естественного» человека, его души и мысли. «В единстве с матерью-

природой жили северяне», напоминает своим современникам А.Д. Марфусалова и с болью спрашивает – «А мы?» [Марфусалова, 2002, с. 17]. Ведь именно человек забывает о своих связях с природой, о ее сакральных смыслах и разрушает собственное этническое бытие. Об этом писал в своих натурфилософских текстах эвенкийский писатель Н. Калитин. Символом крушения сакрального мира становится гибель «священной лиственницы» в его рассказе «Осургинат». В мифологической картине мира такое дерево – центр мироздания, поддерживающий мир в его целостности. Но особое отношение к лиственнице хранит только старик Ефим: он знает дерево с детства и помнит все предания о нем. Теперь он торопится на встречу с внуком, которым гордится, но одно беспокоит деда – *«главное – чтобы землю эту любил»*. Но внук, знавший все предания о *«дереве изобилия и счастья»*, уже считает их *«надуманным»* суеверием, и потому, красуясь перед русскими друзьями, ничего не знающими о дереве, губит *«священную лиственницу»* [Калитин, 1991, с. 26, 31]. Лиственница здесь не только дерево-стержень этнического мира, это и внутренний стержень этнического человека, который рушится не извне, а по воле самого человека.

Выхолащивание души человека, предающего свою веру в соприродную гармонию и радость бытия, становится ведущей темой в натурфилософских произведениях. Главные их герои – в основном охотники и оленеводы, которым изначально предназначено жить в ладу с природой. В романе Ю. Шесталова «Синий ветер каслания» молодой учитель, запутавшийся в переходах от цивилизации к родной земле, вдруг начинает понимать: *«Дети рыбаков и охотников – мои ученики – все хотят быть трактористами. Это хорошо! И хотят стать космонавтами, капитанами, учеными, врачами, учителями, рыбаками и охотниками. Это хорошо! Только никто почему-то не хочет быть оленеводом. А все любят нежное оленьё мясо <...> Может, в этом виноват и я?»* [Шесталов, 1997, т. I, с. 334]. Герой очень трудным путем возвращается к родине, к самому себе, и только в самом конце, когда закончилось каслание, он понимает: *«Олени бегут, бодают небо... А на рогах пляшут одни и те же светила, и не меняются зори... Таинственно кивают кедры, да сияет снег, снег, снег... <...> И я начинаю понимать, открывать...»*. Но есть его же сверстники, которые уже переступили ту черту, за которой возврата нет, – забыли не просто язык, себя, они предали *свое*. Все мы, думает я-повествователь, *«фосли в одной мансийской люльке. И, как стороны света, такими разными стали...»* [Шесталов, 1997, т. I, с. 459, 353].

Эта тема активно развивается в сюжетах, где, казалось бы, «малый» этический проступок оказывается переходом за черту *своего* пер-

возданно-гармоничного мира и через себя самого. Драматически осмыслен этот «переход» в коротких нарративах, посвященных отношениям человека и животного. Самые интересные из них – повесть «Ланги» Р. Ругина и рассказ Е. Айпина «Лебединая песня». Естественность животного у Р. Ругина противопоставлена ложным метаниям человека, который обрекает преданную собаку на одиночество и смерть. Трагизм сюжета в том, что даже человеческое раскаяние не может восстановить разрушенное бытие и его законы: герой понимает, что совершили нечто страшное не в самом событии, а в собственной душе и потому стал «Никем» [Ругин, 1988, с. 281]. В рассказе Е. Айпина герой, не сомневающийся в законах охоты, стреляет в лебедицу, которой только что любовалась его невеста. Но в мире народа ханты лебедь – птица священная, а потому девушка не только не простила жениха, но и по законам мифологических превращений «заменила» собой раненую птицу, восполняя утраченную целостность. Она исчезла из дома, но смысл исчезновения понял только дед героя – «Улетела наша лебедушка...» [Айпин, 1995, с. 56].

Трагичен и рассказ ительменской писательницы Н. Селивановой «Рэм». Известность ему принесла художественная неординарность и связь с мировоззренческими основаниями традиционной культуры. Но критики увидели в рассказе только противостояние естества и цивилизации/прогресса [Огрызко, 2011]. Однако в развитии сюжета прогресс становится лишь фоном, его семантика в большей степени связана с проблемой «утрат» и «изломов» в этническом мироощущении. Героем повествования вновь становится медведь, принятый когда-то еще медвежонком семьей героини и ставший ее братом. Она вспоминает: *«Всю нежность, все девичье томление я перенесла на это существо. <...> Мама и бабушка <...> не попрекали меня за мою привязанность. Я чувствовала, что в душе они так же, как я, считали, что издревле связаны с этими добродушными существами, что те замешаны в нашем происхождении»* [Селиванова, 1987, с. 351–352]. Но невольно эта любовь и эта связь были преданы: влюбленная героиня оставляет своего любимца на попечении жениха – человека иной культуры и мира цивилизации, а потом с ужасом узнает из записей ученого-экспериментатора о мученической судьбе Рэма. Он проводил научные опыты над доверчивым зверем, сделав его механическим придатком науки – электронный ошейник не позволял медведю быть самим собой, и особенно остро он чувствовал боль, когда «влюбился», когда рвался к зовущей его по закону природы медведице. Так бессмысленно погибает медведь и прерывается вечная цепь новых рождений, родственных связей, любви. Но погибает и любовь героини, и ее душа –

«Я слышала, я ощущала всем нутром его рев... <...> Я кричу, задыхаясь, проваливаюсь в темноту» [Селиванова, 1987, с. 359]. «Темнота» в сознании героини знаменует собой хаос, возникший из обрушившегося космоса, когда она осознала исчезновение цельного мироощущения и гармоничной причастности к бытийному универсуму своего этноса, к естественным законам семейно-родовых связей.

Распад родственных связей и исчезновение возможностей нового рождения и новой жизни в рамках иных культурных представлений может пониматься как неизбежная ситуация случайностей и нелепых совпадений. Но в рамках традиционной культуры эта драма видится иначе – как крушение первооснов, и не потому, что изменился мир, а потому, что человек утратил свое место в натуральном, сопродном бытии. Конечно, в публицистике – дискурсивной форме, требующей прямого и равного обсуждаемой проблеме слова, тема «кончины земли» и «распада ценностей» звучит иначе. Ответственность за трагедию малых народов здесь прямо возлагается на цивилизацию: ведь именно прогресс, механика цивилизации, ее техногенные процедуры – «мертвые» приатки человеческой руки – губят землю и природу («Обреченные на гибель» Е. Айпина, «Касания цивилизации» Т. Молдановой, «Всадники на оленях» А. Немтушкина). Но в натурфилософской прозе остается пространство для изображения первозданной красоты и гармонии мира, «первородного сознания» человека, пусть и подверженных теперь драматическим переменам. Современный постиндустриальный мир в своем поступательно-наступательном движении не только разрушает «родные места» малых этносов, но и не признает их особый духовный способ миропведения и мироотношения, самобытность коренных малочисленных этносов Севера, Сибири и Дальнего Востока. «Первое, очевидное, что определяет лицо народа, – писал Г. Гачев, – это Природа, среди которой он вырастает и совершает свою историю. Она – фактор постоянно действующий. Тело земли: лес, горы, <...>, животный мир, растительность – все это предопределяет и род труда, которым здесь надо заниматься населению <...>, и образ мира <...>. Здесь коренится и образный арсенал национальной культуры (архетипы, символы) метафорика литературы, сюжеты искусства – все весьма стабильное» [Гачев, 1998, с. 27–28].

Сегодня, правда, метафизический символизм натурфилософского видения кажется ненужным «осколком» и «предрассудком» современному человеку, живущему в масштабном измерении «Hi-tech». Но еще русский поэт Е. Баратынский писал: *«Предрассудок! он обломок / Давней правды. Храм упал; / А руин его потомок / Языка не разгадал. / Гонит в нем наш век надменный, / <...> / Дряхлостного отца»*

[Баратынский, 1983, с. 117]. Неразгаданный «язык» – это «неписанных законов древний свод» (А. Кривошапки), глубоко почитаемый этническим человеком и сегодня, а потому утверждение «древней правды», удостоверение ее права на онтологический статус в современном мире становится основной художественной интенцией натурфилософской линии северных литератур.

Литература

- Айпин Е. В тени старого кедра. Свердловск, 1986.
- Айпин Е.Д. Клятвопреступник: Избранное. М., 1995.
- Анисимов А.Ф. Религия эвенков в историко-генетическом изучении и проблема происхождения первобытных верований. М.; Л., 1958.
- Баратынский Е.А. Стихотворения. Поэмы. М., 1983.
- Бондаренко Е.Н. Натурфилософская проза второй половины XX века: концепция личности: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Орел, 2010.
- Быконя В.В. Этнокультурный компонент в наименовании флоры и фауны (на материале селькупского языка) // Альманах современной науки и образования. 2013. № 5.
- Волдина Т.В. Представления о перевоплощении душ в традиционной культуре Кызымских хантов (проблемы записи и интерпретации сакральных сведений) // Этнографическое обозрение. 2010. № 3.
- Волдина Т.В. Отражение реинкарнации в фольклоре обских угров // Вестник угроведения. 2014. № 4 (9).
- Гачев Г.Д. Национальные образы мира. М., 1998.
- Гемуев И.Н. Мировоззрение манси. Дом и Космос. Новосибирск, 1990.
- Горбачева В.В. Обряды и праздники коряков. СПб., 2004.
- Грачева Г.Н. Представления нгасан о природе // Народы Крайнего Севера и Дальнего Востока в трудах исследователей (XX век). М., 2002.
- Динисламова С.С. Трансформация жанра поэмы в творчестве Ювана Шесталова на примере «Языческой поэмы» // Вестник угроведения. 2014. № 3(18).
- Иванов В.В., Топоров В.Н. Медведь // Мифы народов мира: в 2-х тт. М., 1988. Т. 2.
- Калитин Н. Булчут. Рассказы. Якутск, 1991.
- Кэптукэ Г. Мой папа – Санта Клаус: очерки, повести. Якутск, 2010.
- Лукина Н.В. Примечания // Мифы, предания, сказки хантов и манси. М., 1990.
- Люцидарская А.А. Медвежье песни как феномен культуры обских угров // Народы Сибири: История и культура. Медведь в древней и современной культурах Сибири. Новосибирск, 2000.
- Марфусалова А.Д. Мудрость экотрадиций северян. Якутск, 2002.
- Мифы, предания, сказки хантов и манси. М., 1990.
- Моторова Ч. Звездный бисер. Эвенские сказки и были. Веселые истории. Магадан, 2005.
- Огрызко В. Вторжение в чужой мир // Ительменская литература. М., 2011.
- Ругин Р. Ранний ледостав. Повести. М., 1988.
- Сагалаев А.М. Урало-алтайская мифология: Символ и архетип. Новосибирск, 1991.
- Санги В.М. В царстве владык. Повести, рассказы, легенды. М., 1973.
- Санги В.М. Песнь о нивхах: эпическая поэма в мифах, сказаниях, исторических и родовых преданиях. М., 1989.
- Селиванова Н. Рэм // Северное сияние. Л., 1987.

Серасхова М.Е. Зоонимы во фразеологии хантыйского языка приуральского диалекта // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2013. № 7.

Сирина А.А. Чувствующие землю: экологическая этика эвенков и эвенов // Этнографическое обозрение. 2008. № 2.

Сирина А.А. Проблемы типологии и преемственности этнических культур эвенков и эвенов (конец XIX – начало XXI веков): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2011.

Ханькан К.А. Долгий путь. Магадан, 2014. Т. 2.

Хелимский Е.А. Самодийская мифология // Мифы народов мира: в 2-х тт. М., 1988. Т. 2.

Черемисина К.П. Признаки сакрального и обыденного в религиозных верованиях коренных народов Северной Азии // Вестник Томского государственного университета. Серия: история. 2008. № 3 (4).

Шесталов Ю. Собр. соч.: в 5-ти тт. СПб.; Ханты-Мансийск, 1997.

«ДВИЖУЩАЯ, РАСКРЫТАЯ ИСПОВЕДЬ»: (ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЭПИСТОЛЯРНОЙ КУЛЬТУРЫ ПУНКТИРОМ)

Т.М. Григорьева

Ключевые слова: письмовники, письма как факт литературы, общение в глобальной сети.

Keywords: epistolary genre, letters as a literature phenomenon, social media communication.

«...достаточно собрать письма людей (слегка коснуться их опытной, осторожной и разумной рукой редактора) и опубликовать их – и получится новая литература мирового значения. Литература, конечно, выходит из наблюдения людей. Но где больше их можно наблюдать, как не в их письмах»

А. Платонов

Русская эпистолярная культура уходит своими корнями в далекое прошлое. Еще в Древней Руси, которая унаследовала христианскую эпистолярную традицию, письма являлись своеобразными посланиями с их главным назначением – увещание, поучение и проповедь.

Одним из ранних жанров эпистолярной культуры можно считать берестяные грамоты – письма из прошлого, представляющие быт жителя Древней Руси, написанные на внутренней стороне отделенного слоя березовой коры – бересте. В них изложены события, которые не

были предметом внимания летописцев, они не изложены в официальных документах и церковных книгах. Это частные письма делового характера. В них рассказывали о событиях повседневной жизни, делились радостями и бедами, обращались за помощью и угрожали судебной расправой. В числе первых работ, посвященных берестяным грамотам, следует назвать книгу В.Л. Янина «Я послал тебе бересту» (М., 1965).

Несмотря на краткость изложения и трудности вычерчивания букв на бересте, в грамотах соблюдались такие формы делового письма, как указание адресанта и адресата, и особенные формы приветствия: *Поклон от Грикиши к Есифу; От Гостяты к Васильви; Фешко Юргю челом бьет; От Тереньтея к Михалю; Поклон от Кирика к Онцифору* и др.

«Письмо от Жилы к Чудину», как отмечает А.А. Зализняк, относится к числу «лучших образцов древнерусского эпистолярного искусства». В нем «заурядное по сути денежное требование выражено столь ярко – при предельном лаконизме и точности, что превращается в миниатюрное литературное произведение»: *От Жилы к Чудину. Дай Ондрею рубль. Если не дашь, то сколько сраму ни заставит [Ондрей] меня принять из-за этого рубля – он твой* (то есть весь этот срам будет твой) [Зализняк, 1995, с. 483].

Известно, что в допетровский период создавались письмовники – собрания образцовых официальных и неофициальных, светских и духовных посланий с характерными для них экстралингвистическими характеристиками адресата или предмета речи (к князю, к властелину, ко игумену, к брату; послание за вину, избрано от святых книг; к другу в полк, к старцу в обитель, непостоянну другу с посмехом и др. (см. об этом: [Демин, 1964; Зуева, 2011, с. 80–83]).

Наряду с многочисленными богословско-публицистическими посланиями, византийскими по форме и церковнославянскими по языку, мы имеем и в старой Руси обычные письма, написанные вне установленных форм, то широко публицистические (как переписка Иоанна Грозного с князем Курбским и Василием Грязным, его «Послание в Кирилло-Белозерский монастырь»), то интимные сообщения, превосходные образцы которых дошли до нас в письмах членов царской семьи, особенно женщин.

В 1708 году Московский печатный двор издал переведенную с немецкого книгу «Приклады како пишутся комплименты разные на немецком языке, то есть писания от патентов к патентам поздравительные и сожалительные, также между сродников и приятелей». Это первый русский печатный письмовник, содержащий

образцы разнообразных писем, в том числе звательных, пригласительных, благодарственных, заступительных, утешительных и др. Печаталась книга по прямому повелению «благочестивейшего великого Государя Царя и великого князя Петра Алексеевича, всея великия, и малые, и белыя России самодержца». *Приклады* впервые вводили европейский эпистолярный этикет (обращение к адресату на «Вы», как в немецком) и содержали образцы писем, специально адресованных «женскому полу». В библиотеке Петра были книги, которые вводили светский политес на европейский манер: «Формуляры, как пишут челобитные конклюдии и грамотки в Голландии», «Форма немецкая, как писать грамотки» и др.

Непринужденная или, напротив, высокопарно-торжественная манера обращения (*милостивый государь; Господин мой дражайший приятель!* и др.) и соответствующие им формы прощания (*Ваши покорный слуга; Остаюсь ко услужению готовый* и др.) закрепились в общепринятых эпистолярных текстах. Они начали вытеснять старинные русские образцы писем с характерным для них самоуничижением адресанта и обращением на «ты» к любому лицу:

Гсдрю моему Степану Корнилевичю женишко твоя Улка челомъ бьетъ да пиш гсдръ про свое здоровье а я с робятишками по... [Грамотки..., 1969, с. 111].

...Гсдрю моему млстивому благодетелю батюшку преподобному отцу Архимандриту Аврамию послбдний въ челоуцьхъ первый во грбнищехъ искател твоего благословения і млсти чернецъ Антоней благословения просить і челомъ бьетъ подай тебб гсдрю отцу... [Грамотки..., 1969, с. 306].

Такой же этикет отражают и письма социальной элиты, о чем свидетельствует фрагмент письма царевича Петра к царице Наталии Кирилловне: «*Вселобезнейшей и паче живота телесного дражайшей моей матушьке, гасударыне царице и великой княгине Наталии Кирилловне, сынишка твой, в работе пребывающей Петрушка благословения прошу, а о твоём здравии слышетъ желаю. А у нас молитвами твоими здорово все...*» [История..., 1989, с. 163]. Именно эту особенность эпистолярного этикета эпохи отмечает А.Н. Толстой в романе «Петр I» и приводит письмо царевича Алексея Петру, отражающее доевропейский эпистолярный политес: «*Здравствуй, радость моя, батюшка, царь Петр Алексеевич, на множество лет... Сынишка твой, Алешка, благословения от тебя, света моего радости, прошу. Пожалуй, радость наша, к нам, государь, не замешкав... Ради того у тебя милости прошу, что вижу государыню свою бабушку в*

великой печали... Не покручинься, радость мой государь, что худо письмишко: еще, государь, не выучился...»

В более позднее время и приветствия, и прощания в письмах Алексея на европейский манер: *Милостивый государь мой батюшка! Всепокорнейший сын и слуга твой Алексей.*

В своих письмах к отдельным лицам (начиная с 1696 года) Петр использует местоимение «вы». Так, он писал Ф.М. Апраксину 30 октября 1708 года: *«Господин адмирал. Письмо ваше чрез адъютанта Пашкова я получил с великою радостью»*. В такой же форме обращается царь и к князю А.Д. Меншикову 2 ноября 1708 года: *«При сем посылаем к вам письмо, от Неплюева к вам писанное, в котором пишет о указе, где ему с полками быть»*. Интересна особенность: есть письма, в которых встречаются и «вы», и «ты». 2 ноября 1708 года Петр писал С.Л. Владиславичу-Рагузинскому: *«Зело нам нужно в Цареграде послу нашему перевестъ полшесть тысячи червонных. Того ради желаем, дабы вы с кем добрым и надежным куриером послали к нему вексель на то число червонных, чтоб ему твой корреспондент там те червонные отдал. А ты у нас прими оные на Москве у Алексея Курбатова или денги мелкие у Автомона Иванова»* [Письма и бумаги..., 1948, с. 270].

Специальная вежливая форма местоимения как норма вошла в русский язык не сразу. В пособиях по грамматике о ней впервые написал Антон Барсов в «Обстоятельной российской грамматике» (1783–1788). В «Российской грамматике» (1755) М.В. Ломоносова она еще отсутствует.

Со временем частное письмо становится явлением литературным, если оно посвящено не сиюминутным бытовым вопросам. Процесс перехода бытового письма в область литературы был отмечен Ю. Тыняновым, который писал, что «из бытового документа письмо поднимается в самый центр литературы» и «письма Карамзина к Петрову обгоняют его же опыты в старой ораторской канонической прозе и приводят к «Письмам русского путешественника», где путевое письмо становится жанром; «Письма из Франции одному вельможе в Москву» Д.И. Фонвизина (1806) и др. [Тынянов, 1977, с. 239].

В эпистолярной культуре XVII–XIX веков занимали определенное место утешительные письма, которые, наряду с письмами известительными, любовными, наставительными, повелительными, были неотъемлемой частью общепринятого этикета и сохранились в архивах русских царей и дворянства (см. об этом: [Евсиков, 2007]).

Нельзя не отметить, что во второй половине XVIII века в русской эпистолярной культуре получил распространение жанр «дружеского

письма» (Д.И. Фонвизин, В.В. Капнист, М.Н. Муравьев), а в начале XIX века авторы таких писем достигли высочайшего мастерства. Это и П.А. Вяземский, и М.Ю. Лермонтов, и Н.В. Гоголь, и В.Г. Белинский и многие другие, которые оставили потомкам богатое эпистолярное наследие – свидетельство эпохи. Авторы этих писем сознавали значение своей переписки для потомства и сохраняли их. Как отмечает В.П. Анненков, в архиве А.С. Пушкина хранились письма «почти всех знаменитостей русского общества так же тщательно, как записочки от старой няни Арины Родионовны» (см. об этом: [Анненков, 1855, с. 123]). Об этом же свидетельствуют огромные семейные архивы Румянцевых, братьев Тургеневых, Аксаковых, Бакуниных, братьев Языковых, П.А. Вяземского и др. (см. об этом: [Белунова, 2000]).

Письмо как явление эпистолярного жанра занимало особенное место в творческой деятельности А.И. Герцена, потому что «письма – больше, чем воспоминанья: в них запеклась кровь событий, это – само прошедшее, как оно было, задержанное и негнущее» [Герцен, 1975, т. 4, с. 282]. Как «записки о коротком времени» [Герцен, 1975, т. 6, с. 17] письма представляли для А.И. Герцена особенный круг чтения: они – «движущая, раскрытая исповедь», где «все закреплено, все помечено <...> без румян и прикрас, и все остается, оседает и сохраняется»; их «случайное содержание, их легкая непринужденность, их будничные заботы сближают нас с писавшим» [Герцен, 1975, т. 7, с. 488]. Они более сердечны и проникновенны в сравнении с книгой: «как сухие листья, перезимовавшие под снегом, письма напоминают *другое* лето, его зной, его теплые ночи и то, что оно ушло на веки веков, по ним догадываешься о ветвистом дубе, с которого их сорвал ветер, но он не шумит над головой и не давит всей своей силой, как давит *в книге*. [Герцен, 1975, т. 7, с. 487].

Переписка, которую А.И. Герцен отделял от простой переписки, названа им «литературная корреспонденция». Это и его философский труд «Письма об изучении природы» в 8-ми письмах (1844–1845); «Письма из Франции и Италии» из 14-ти писем, посвященные предреволюционной Франции и революционным событиям 1848 года в Италии и Франции (1847–1852); и его многолетние рассуждения над историческим будущим России и Запада, изложенные в эпистолярном цикле из 8-ми писем «Концы и начала» (1862–1863); и эпистолярный цикл «Письма к будущему другу» (1864–1866) в 5-ти письмах, посвященные итогам революционной ситуации; и «Письма к противнику» (1864–1865), где изложена его полемика со славянофилами в 3-х письмах; и эпистолярный цикл о Базарове, обращенный к Н. Огареву, в 2-х письмах (1868–1869); и «Письмо к Н. Огареву», где автор оценивает роль

вольной печати в освободительном движении (1868); и, наконец, полемические письма, адресованные русскому мыслителю М.А. Бакунину в 4-х письмах – «К старому товарищу» (1869).

В XIX веке умение писать грамотные и изящные письма требовало особенных знаний. Чтобы написать письмо, было недостаточно простой грамотности: «письмо имело свой стиль, свои формы, вне которых пишущий производил впечатление невежды» [Горнфельд, 1904, с. 924].

Особое место в русском эпистолярной занимала женская эпистолярная культура, которой было свойственно своеобразное двуязычие. Известно, что на рубеже XVIII–XIX веков женская переписка велась в основном на французском языке. Особенно это касалось тех, кто получил домашнее образование и слабо владел русским языком в его письменной форме, в отличие от институток, образовательная программа которых включала в себя обязательное изучение родного языка. Известно, что Татьяна Ларина, русская душою, «по-русски плохо знала, романов наших не читала», и письмо Онегину, написанное по-французски («доныне гордый наш язык к почтовой прозе не привык»), Пушкин переводит на русский язык, «земли родной спасая честь». При этом следует заметить, что, начиная с 20-х годов XIX века, языковые приоритеты женского письма изменились: женское письмо все больше отдает предпочтение русскому языку, который в то время обретал законные права в русской культуре под влиянием литературного творчества А.С. Пушкина и его литературного окружения.

Однако нельзя не отметить, что французский язык был приметой не только женской эпистолярной культуры. Об этом свидетельствуют, например, письма декабриста М.С. Лунина из Сибири, большая часть которых написана по-французски и лишь некоторые – на английском и латыни. Как свидетельствует его племянник С.Ф. Уваров, М. Лунин «хорошо знал разные языки, но не русский» [Лунин, 1988, с. 293].

Письмо П.Я. Чаадаева на французском языке, адресованное Николаю I, потребовало оправдания, которое автор изложил в записке к Бенкендорфу (15 июля 1833 года): «...прошу Вас сказать Государю, что писавши к Царю Русскому не по-русски, сам тому стыдился. Но я желал выразить Государю чувство, полное убеждения, и не сумел бы его выразить на языке, на котором прежде не писал» [Чаадаев, 1991, с. 84–85].

Многообразны адресаты писем Пушкина, написанные в зависимости от получателя на русском и французском языках: А.Х. Бенкендорф, А.А. Бестужев, П.А. Вяземский, Н.И. Гнедич, А.Н. Гончаров, А.А. Дельвиг, В.А. Жуковский, А.П. Керн,

П.А. Осипова, Н.Н. Гончарова, П.А. Плетнев, М.П. Погодин, Л.С. Пушкин, Е.М. Хитрово, П.В. Нащокин и др. Все эти письма представляют собой часть литературного наследия поэта и выступают надежным источником понимания его личности. Они позволяют оценить эпоху, непосредственно взглянуть на нее глазами ее современника. Известно, что поэт относился к письму как к большой ответственной творческой работе, о чем свидетельствует множество сохранившихся черновиков; они свидетельствуют о большой культуре его писательского труда и обнаруживают исключительное мастерство.

Нельзя не вспомнить и о таком жанре литературы, как роман в письмах. Например, роман Ф.М. Достоевского «Бедные люди», где изображена переписка между Макаром Алексеевичем и Варварой Доброселовой. В более поздние времена возник эпистолярный роман В. Шкловского роман «ZOO, или письма не о любви» и роман В. Каверина «Перед зеркалом», созданный на основе подлинных женских писем.

Особенную страницу в русской эпистолярной культуре занимает духовная переписка, переписка духовных наставников со своими учениками, которая воспринималась как часть пасторской службы. Содержание переписки – указание пути к смирению, христианскому спасению и совершенствованию (см. об этом: [Каширина, 2007]).

Как отмечают исследователи, уже в начале XX века с изобретением телефона жанр письма претерпевает серьезные изменения: именно в этот период эпоха эпистолярной литературы проходит для цивилизованного мира. Все это (ускорение темпа жизни, возрастание возможности телефонного общения) приводят к «падению переписки, которая увеличивается количественно в гигантских размерах, но перестает быть предметом особого внимания и искусства», и вследствие этого – письмо как особая литературная форма уходит в прошлое [Горнфельд, 1904, с. 924]. В XX веке частная переписка все больше становится неактуальной, при том что деловое письмо занимает доминирующие позиции. Здесь достаточно строго соблюдаются некоторые этикетные формы делового эпистолярия: обращение *уважаемый (-ая)*, *дорогой (-ая)* ... остается непременной частью письма при симметричных деловых отношениях; *многочитаемый (-ая)*, *глубокоуважаемый (-ая)*, *глубокочитимый (-ая)* – при ассиметричных.

Письма военных лет – особенная страница в русском эпистолярном. «Письма, опаленные войной» – короткие рассказы и сообщения о войне, стихи, фотографии, вырезки из фронтовых газет – они хранят память о тех страшных днях, когда миллионы пали на полях сражений. Фронтовые треугольники надежды – так называли эти письма, возник-

шие в условиях войны из-за недостатка обычных почтовых конвертов. Известный российский философ, культуролог, писатель и эссеист Г.С. Померанц как участник войны свидетельствует о том, что широкое распространение имели эпистолярные романы, которые помогали не потерять надежду и выжить в страшных условиях войны. Что он сам был персонажем двух романских историй [Беседа с мудрецами, URL].

Заслуживает особенного внимания эпистолярная культура и эпистолярный этикет в современной электронной коммуникации, где формируется новый эпистолярный стандарт и новые выразительные средства (смайлики, разные комбинации скобок). Новые информационные технологии дают мощный импульс к возрождению частной переписки, однако в другом ее проявлении: в виртуальном пространстве, не имеющем материального воплощения. Эти письма не станут «записками о коротком времени» и не будут перечитываться потомками, за исключением тех, которые распечатаны на принтере как дорогая память о человеке или событии, как текст культурной, экономической, политической значимости.

В виртуальных письмах размываются границы системы этикетных формул. Интернет – это самое дешевое и быстрое средство пообщаться со знакомыми не покидая своего дома. Он дает возможность общения одновременно с несколькими лицами, возможность знакомства с новыми людьми и переписки на иностранных языках; это способ проведения досуга, быстрый обмен информацией и решение служебных дел. Разрушению эпистолярной культуры, безусловно, способствует SMS, где совсем все за пределами кратко.

О языке «глобальной сети» в ее жанровом многообразии (гостевые книги, форумы, чаты, персональные интернет-дневники и пр.) написано множество исследований, где интернет-коммуникация рассматривается как новая речевая формация с ее коммуникативной стратегией и тактикой, жанровой спецификой и лингвоперсонологической составляющей [Кокорина, 2010, с. 273–340; Трофимова, URL]. Но как эпистолярный феномен наибольшее распространение представляет электронное письмо, дружеское и официальное.

Дружеские письма могут быть вне этикета: в них часто нет обращения, традиционного приветствия, подписи (имя адресанта указывает электронный адрес и практически всегда фотография), могут отсутствовать этикетные формулы вежливости, и можно сказать, что электронная почта вытеснила эпистолярный этикет. Хотя по сравнению с

диалогами в чатах и SMS эти письма все-таки сохраняют некоторую структурную определенность.

Другое дело официальные электронные письма, которые, как кажется, не претерпели серьезных изменений. Однако есть необходимость обратиться к двум их проявлениям, имеющим широкое распространение.

Здравствуйте! Именно так начинаются многие вполне официальные электронные письма, автором которых выступает официальное учреждение, и таким образом приветствие и обращение заключаются в одном слове. В данном случае это может быть в какой-то степени оправданно. Но такое начало письма к известному частному лицу (например – студент пишет преподавателю) ведет к обезличиванию адресата и вполне может восприниматься как своего рода оскорбление.

«*Доброго времени суток*» или «*Доброе время суток*» – выражения, возникшие в интернет-переписке. Национальный корпус русского языка дает более 20 примеров их употребления в основном в коллективных форумах. Эту совершенно очевидно тяжеловесную конструкцию, включающую в себя делопроизводственный оборот «время суток», нельзя расценить иначе, как проявление дурного вкуса. Нельзя не знать, что слово *день* обозначает не только время *от зари до заката*, но и сутки целиком. Употребление этих слов стилистически обусловлено: «*Прошло пять дней*» – скажем мы в обычном разговоре, но «*миновало, прошло 5 суток*» – в деловом тексте, устном или письменном. Поэтому *добрый день* можно адресовать жителям любого временного пояса, и оно должно быть принято с должным пониманием. А вообще-то есть веками проверенное слово «*здравствуйте*». Им совсем не стоит пренебрегать и именно с него стоит начинать свое сообщение, не забывая при этом имя адресата.

В сетевом проекте «Дар слова» от 8 ноября 2010 года известный российский философ, культуролог, филолог и эссеист М.Н. Эпштейн назвал это выражение мешанским. В частности, он пишет: «Меня трудно назвать консерватором в языке. Я за словотворчество и мыслетворчество. Но когда я вижу приветствие “Доброе время суток!” или даже “Доброго времени суток!”, меня передергивает от этого мешанского оборота. Нечто зошенковское. Дескать, не “ванна”, а “обмывочный пункт” (“История болезни”), не “день”, а “время суток”. <...> А ведь кому-то это кажется остроумным и деликатным. <...> И невдомек, что канцелярский оборот “время суток” с первого взгляда убивает в адресате лучшие чувства и с добротой никак не совмещается просто по стилю [Эпштейн, 2010].»

Разрушение эпистолярного этикета ставит перед обществом задачу его сохранения как факта истории. Именно этому служит образовательный проект «Живое письмо», который включает в себя разработку системы занятий, способствующих сохранению эпистолярной культуры. В состав Государственного литературно-мемориального музея-заповедника А.П. Чехова (ГЛММЗ) входит экспозиция «Почтовое отделение», открытая в 1987 году и включающая в себя подлинный почтово-телеграфный канон конца XIX века. Она знакомит посетителей с историей почты в Лопасне, популяризирует эпистолярное наследие Чехова. В одном из залов планируется создание ориентированной на школьников и семейную аудиторию интерактивной экспозиции, которую можно использовать в образовательных целях. Музей располагает копиями и подлинниками писем разных жанров и стилей, открыток, открытых писем разных эпох (см. об этом: [Живое письмо, URL]). И это чрезвычайно важно, поскольку воскрешает и хранит память о состоянии русского языка и русской культуры прошедших времен.

Хотя вряд ли это поможет вернуть эпистолярное прошлое.

Литература

- Анненков П.В. Материалы для биографии А.С. Пушкина // Собр. сочинений А.С. Пушкина. М., 1855.
- Белунова Н.И. Дружеские письма творческой интеллигенции конца XIX – начала XX веков. СПб., 2000.
- Беседа с мудрецами: Г. Померанц и З. Миркина. [Электронный ресурс]. URL: http://www.youtube.com/watch?v=536a5drCAf0&feature=player_embedded
- Герцен А.И. Былое и думы // Собр. соч. В 8-ми тт. М., 1975. Т. 4, 6
- Герцен А.И. Старые письма (Дополнение к «Былому и думам») // Собр. соч. В 8-ми тт. М., 1975. Т. 7.
- Горнфельд А.Г. Эпистолярная литература // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. СПб., 1904. Т. 80.
- Грамотки XVII – начала XVIII века. М., 1969.
- Демин А.С. Русские письмовники XV–XVII веков (К вопросу о русской эпистолярной культуре). Л., 1964.
- Евсиков Д. Утешительные письма в России // Журнал «Похоронный дом». Новосибирск. 4 мая 2007 года.
- Живое письмо. [Электронный ресурс]. URL: <http://museum.fondpotanin.ru/projects/65633>
- Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. М., 1995.
- Зуева О.В. Язык письмовников XV–XVI веков в системе старорусского письменного языка // Русский язык: система и функционирование (к 90-летию БГУ и 85-летию профессора П.П. Шубы. Минск, 2011.
- История русского литературного языка. М., 1989.
- Каширина В.В. Литературное наследие Оптиной пустыни. М., 2007.
- Кокорина Е.В. Язык интернет-коммуникации // Современный русский язык: система–норма–узус. М., 2010.

- Лунин М. Письма из Сибири. М., 1988.
- Миллер Т. Античные теории эпистолярного стиля // Античная эпистолография. М., 1967.
- Модзалевский Л.Б. Эпистолярное наследие Пушкина // Вестник Академии наук СССР. 1937. № 2–3.
- Письма и бумаги императора Петра Великого. М.; Л., 1948. Т. 8. Вып. 1.
- Трофимова Г.Н. Напиши мне письмоце. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gramota.ru/biblio/magazines/gramota/net/28_66
- Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977.
- Чаадаев П.Я. Письма и комментарии к ним // Полн. собр. сочинений и избранные письма. В 2-х тт. М., 1991. Т. 2.
- Эпштейн М.Н. Дар слова 272(349). Проективный лексикон русского языка. 8 ноября 2010. [Электронный ресурс]. URL: <http://subscribe.ru/archive/linguistics.lexicon/201011/08070514.html>

РЕЧЕВАЯ АГРЕССИЯ КАК ИСТОЧНИК ПРАВОНАРУШЕНИЙ

С.В. Доронина

Ключевые слова: речевой конфликт, речевая агрессия, оскорбление, унижение чести и достоинства, экстремизм.

Keywords: speech conflict, verbal aggression, abuse, honor and dignity objection, verbal extremism.

Речевой конфликт можно без преувеличения назвать наукообразующей проблемой в лингвистике. Данный феномен стал объектом пристального внимания современных исследователей [Жельвис, 2000; Муравьева, 2002; Третьякова, 2002; Седов, 2005; Иссерс, 2006] и породил особый раздел лингвистической прагматики – лингвоконфликтологию. Ее главной задачей является описание, систематизация и моделирование форм общения, в основе которых лежат противоречия в коммуникативных установках взаимодействующих сторон.

Различные стратегии речевого поведения, избираемые коммуникантами в ходе конфликта, порождают речевые произведения различных жанров. Кооперативная стратегия, основанная на уважении к собеседнику и установке на возможный компромисс, проявляется в жанрах переговоров, дискуссии, полемики. Манипулятивная стратегия, представляющая собой скрытое воздействие на собеседника, проявляет себя в жанре уговоров, пропедевтических бесед. Наконец, конфликтная коммуникация может быть основана на конфронтационной стратегии, предполагающей жесткое отстаивание собственной позиции и отноше-

ние к собеседнику как к объекту воздействия, а не субъекту взаимодействия. Конфронтационная стратегия реализуется в жанрах угроз, оскорблений, пасквилей. При исследовании речевых конфликтов именно этот вид коммуникации чаще всего становится объектом рассмотрения [Третьякова, 2002]. Существующие классификации описывают преимущественно феномен речевой агрессии (см., например: [Седов, 2005, с. 34]). При этом их общим признаком признается коммуникативная установка, заключающаяся в провокации у слушающего резко негативной реакции (то есть в своего рода эмоциональном ударе). Иными словами, вербальная агрессия – это «форма речевого поведения, нацеленного на оскорбление или преднамеренное причинение вреда человеку, другим людям, организации или обществу в целом» [Быкова 1999, с. 96].

Неизбежность проявлений различных форм языковой агрессии обусловлена стремлением каждой языковой личности к самовыражению и самоутверждению. Тем не менее, развитое языковое сообщество всегда стремилось ограничить проявления агрессивности коммуникантов. Об этом свидетельствуют нормы наивной этики, отраженные в паремиологическом фонде языка – древнейшем, стихийно сформировавшемся своде законов взаимодействия членов данного языкового сообщества (*Худой мир лучше доброй ссоры. Злой человек не проживет добром век. Шуты, да оглядывайся*). Ограничения на проявления речевой агрессии имеются и в сфере права. Отражая нацеленность говорящего субъекта на нанесение ущерба другому лицу, в юридической плоскости речевая агрессия предстает как злоупотребление свободой слова, ведущее к нарушению неимущественных прав другого лица. Однако в сферу правового регулирования попадают не все конфронтационные тексты, поскольку задачей общества является лишь ограничение враждебности до уровня, необходимого для сохранения социальной стабильности. С точки зрения права конфликтные тексты, содержащие языковую агрессию, могут иметь признаки следующих правонарушений: оскорбление, угроза, унижение чести и достоинства, речевой экстремизм.

Оскорбление как вид речевой агрессии. С общеязыковой точки зрения главным признаком оскорбления является перлокутивный эффект высказывания. Если адресант испытывает «скорбь» (см. внутреннюю форму термина), чувство унижения, обиды по поводу высказанных в его адрес суждений, то он вправе говорить о нанесенном ему оскорблении. Конфликтные тексты включают широкий спектр инвективных средств. Инвективную функцию может выполнять утверждение о факте, например, *«Марья Ивановна избивает своих учеников»*. В

этом случае перлокутивный эффект обусловлен искажением факта (например, допускается ложная генерализация). Чувства обиды можно добиться, высказав оценочное суждение: *«Марья Ивановна – жестокий человек и плохой педагог»*. Негативные эмоции в этом случае будут обусловлены чувством несправедливой оценки. Наконец, оценочное высказывание может быть осложнено экспрессивным компонентом: *«Марья Ивановна – садистка, Чикатило в юбке»*. Экспрессивная оценка может быть выражена как средствами литературного языка, так и формами, находящимися за его пределами. Именно этот, последний, случай соотносим с правовым понятием оскорбления. Соотношение инвективы и оскорбления в его юридическом понимании удачно выражено В.И. Жельвисом: «Обида – поношение в любой форме, тогда как обида в оскорбительной форме <...> превращает обиду в оскорбление» [Жельвис, 2000, с. 234]. Приведенное определение обнажает и основную проблему, которая встает перед экспертом-практиком, осуществляющим оценку акта речевой агрессии. Навязанное формулировкой закона понятие «неприличная форма» до сих пор не поддается определению, поскольку в экспертном сообществе нет единодушия в том, какой слой субстандартной лексики следует признать лишенным приличия. Этим объясняются и трудности создания экспертной методики по данной категории дел. Особую проблему представляют случаи проявления речевой агрессии в судебном заседании, попадающие под действие статьи 297 УК РФ «Неуважение к суду». Бытующее в среде государственных судебных экспертов соглашение о том, что неприличной формой следует считать лишь обценные выражения, наталкивается в данном случае на сопротивление языковой интуиции носителей языка (и прежде всего, самих судей). На самом деле неуважение к суду проявляется в явном, а потому преднамеренном, отступлении от норм официально-делового общения, не допускающего не только обценные выражения, но и любые экспрессивные негативные оценки в адрес участников процесса.

Второй особенностью конфликтных текстов, попадающих в зону действия закона об оскорблении, является их однозначно маркируемая конфронтационная иллокутивная функция. Процессуальная практика требует для признания выражений или действий оскорбительными наличия доказанного намерения оскорбить. Однако лингвистическая квалификация данного коммуникативного намерения в ряде случаев оказывается затруднительной, так как практически невозможно бывает решить, имел ли говорящий целью унизить другого или только выразил свои негативные эмоции по поводу его поведения. Пользуясь метаязыком семантических примитивов А. Вежбицкой, тесное перепле-

тение этих функций в коммуникативном акте можно выразить следующим образом:

1. Я оцениваю тебя крайне низко.
2. Я испытываю негативные эмоции по поводу этого.
3. Я хочу, чтобы и ты испытывал то же, что и я.

Таким образом, из сферы правового регулирования исключаются тексты, в которых негативная оценка выражается в отношении третьего лица, не участвующего в данном коммуникативном акте («*Я говорю это для него и для его тупой башки!*»). Не являются оскорблениями и те тексты, в которых выражается отношение не к лицу, а к отдельному поступку. Ср.: «*Все, что Вы говорите, – бред сивой кобылы!*» В обоих указанных случаях наличие конфронтационной иллюкутивной функции однозначно не доказуемо.

Унижение чести, достоинства и деловой репутации как вид речевой агрессии. Сравнивая такие виды правонарушения, как оскорбление и унижение чести и достоинства, можно отметить, что на их квалификацию огромное влияние оказывает состав участников речевого конфликта. Общеизвестно, что оскорбление как вид правонарушения считается состоявшимся, если объект речи, содержащей негативную информацию, и ее адресат совпадают. Унижение чести и достоинства, наоборот, не предполагает непосредственного контакта конфликтующих сторон, но обязательно требует хотя бы одного третьего участника коммуникации. Гражданско-правовые ограничения на запрет употребления порочащих высказываний касаются только сведений, которые распространены, то есть переданы третьему лицу. При этом сообщение порочащих сведений лицу, являющемуся объектом речи, не считается их распространением.

Для интерпретации речевой агрессии в аспекте правовой категорий «унижение чести и достоинства» от лингвиста требуется разграничение в оспариваемом тексте сведений и мнений. Состав данного правонарушения определяет только наличие порочащих сведений. Данная оппозиция, проецируясь в лингвистическую плоскость, коррелирует с делением семантического плана высказывания на фактивные и субъективные суждения. Утверждения о факте – тип суждений, обладающий следующими различительными признаками: дескриптивность (описывают объективную действительность), объективность (не выражают отношение говорящего субъекта или персонажа к действительности), верифицируемость (проверяемы на соответствие действительности). Класс субъективных суждений разнороден. В него входят оценки, мнения, предположения, суждения о намерениях другого лица,

суждения о его психологических состояниях и др. В отличие от утверждений о фактах, субъективные суждения имеют ментальную природу, они есть результат интеллектуального моделирования действительности. В естественном языке существует значительная группа высказываний, объединяющих объективную и субъективную информацию. В этом случае экспертной задачей является разграничение утверждений о фактах и субъективных суждений в пределах одного предложения [Доронина, 2009].

Так называемые объективность и субъективность высказываний маркируются самыми разнообразными средствами, из которых наиболее полно изучены только служебные лексемы, выражающие субъективную модальность. Таким образом, сведение воедино разрозненных исследований и построение целостной концепции информационного статуса высказывания, соотносимого с принципами юридической квалификации деяния, является актуальной задачей прикладной лингвистики.

Одним из главных средств создания субъективности высказывания являются дискурсивные слова и глаголы пропозициональной уставки. Отношение высказывания к действительности выражается в первую очередь при помощи слов с эпистемическим значением истинности, ложности, сомнения, уверенности (*несомненно, действительно, наверно, правда*). Однако данный смысл способны выражать и лексемы со значением коммуникативной модальности, осуществляющие референцию к речи автора или персонажа (*говорить, настаивать, уверять, подтверждать, по свидетельствам, якобы, мол, дескать*). Данная особенность коммуникативов обусловлена общим свойством диффузности модальных смыслов, возможностью их комплексного, нерасчлененного выражения.

Характер информации, содержащейся в тексте, может быть выражен и дискурсивными средствами [Доронина, 2011]. Иллокутивная функция «информирование» выполняется в высказывании, как правило, посредством создания развернутых описательных контекстов, использующих дескриптивную лексику и выражающих модальность достоверности. Оно также характеризуется эмоциональной нейтральностью, отсутствием речевых приемов, призванных скрыть информативные лакуны. Однако достаточно часто употребляются дискурсивные приемы, направленные на то, чтобы замаскировать содержательную неполноту высказываний:

«Тут всех потрясает страшное известие: в апреле 1997 года расстреляли директора мясокомбината Попова, который печатно обвинил “Траст” и Кузнецова в финансовых махинациях. На его похо-

роны пришел весь город – не было только никого из “Траста”. Люди чуть не пальцем показывали на заказчиков убийства – но милиция их так и не нашла». Интерпретационные затруднения в данном случае вызывает предложение «Люди чуть не пальцем показывали на заказчиков убийства», которое в рамках приведенного контекста обрастает косвенными смыслами. Решение вопроса о его значении и эпистемической функции зависит от того, насколько полно привлекаются к анализу внутритекстуальные связи. Пресуппозиция данного предложения «у убийства были заказчики» в сочетании со сведениями о конфликте между Поповым и Кузнецовым порождает следствие о том, что убийство – это месть за обнародованные обвинения. Таким образом, анализируемое предложение в рамках контекста приобретает импликацию «Кузнецов – заказчик убийства Попова». Данный смысл поддержан всем предшествующим контекстом, который создает резко негативный образ героя, представляет его как человека грубого, жестокого, лишённого моральных принципов и уважения к закону. Денотативный статус данного суждения определяется прагматическим смыслом выражения «люди показывали чуть ли не пальцем». ИмPLICITное суждение представлено в тексте как достояние множественной референтной группы (люди), очевидное для нее (показывали чуть не пальцем). Обозначение социальной группы вместо указания на конкретных людей служит для создания видимости общего мнения целой группы сведущих лиц. Подобные выражения зачастую оцениваются как манипулятивные приемы, позволяющие говорящему создать иллюзию объективности изложения информации. На уровне прагматики текста исследуемая пропозиция предстает как достоверный факт.

Таким образом, при оценке пропозиций текста по шкале «объективное – субъективное» оказывается явно недостаточно простого поиска лексических маркеров эпистемических смыслов в предложениях. Язык обладает значительно большим арсеналом средств выражения объективной и субъективной модальности. Поэтому лингвистическая интерпретация высказывания как факта или мнения требует обязательного рассмотрения вопроса в прагматической плоскости. При этом категория истины предстает не только как значение высказывания относительно реального положения дел в мире, но и как его функциональная характеристика в структуре целого текста.

Речевой экстремизм как вид речевой агрессии. К сожалению, речевой экстремизм – вид агрессии, прочно вошедший в российский дискурс. Речевая деятельность, носящая признаки экстремизма, ограничивается статьями 280 и 282 УК РФ. В последнее время в сферу пра-

вового регулирования по данной статье попадают высказывания, функционирующие не только в публичной, но и в межличностной сфере. Ср., например: *«Тварь нерусская! Я тебя пришибу, потому что чурка!»*. Главным признаком речевого экстремизма является адресованность конфронтационного высказывания лицу или группе лиц, объединенной по национальному или религиозному признаку¹. Таким образом, одной из главных задач лингвиста-эксперта является определение объекта речевой агрессии, что в современных экстремистских текстах не всегда выражено буквально.

*...Крушим уют заморских бар,
И верных холуев режима,
и тех проклятых чужаков,
Что к нам слетелись на поживу
Из своих грязных кишлаков.*

Темой данного стихотворения является оправдание насильственных действий русских скинхедов, при этом национализм как почва для возникновения агрессии выражен в тексте хоть и иносказательно, однако вполне однозначно. Об этом свидетельствует выражение *«чужаки, что к нам слетелись»*, которое обозначает лиц, приехавших в Россию и ранее в ней не проживавших, являющихся для нее чужими. Лексическое значение экзотизма *«кишлак»* указывает на место, откуда прибыли чужаки (кишлак – в Средней Азии: селение оседлых жителей. [Ожегов, Шведова, 1999; Ушаков, 2004]). Выражение *«слетелись <...> из кишлаков»* представляет собой прием метонимической замены, обозначения территории через отдельных характерный для нее признак.

Закон об экстремистской деятельности выполняет предупредительную функцию. Его главная цель – сохранение стабильности в многонациональном и конфессионально неоднородном обществе. Поэтому вопрос о перлокутивном компоненте конфронтационного высказывания не является значимым для квалификации высказывания. В то же время иллокутивный и перлокутивный компоненты текстов негативно-оценочного содержания далеко не всегда тождественны. Экспериментальное исследование экстремистских материалов зачастую обнаруживает эти расхождения. Например, крайне агрессивная листовка *«Я работать не хочу – Вам меня кормить! Буду все взрывать, Буду русскую свинью Из дома выживать...»* имеет, по данным проведенного опроса,

¹ Закон четко определяет, достоинство каких социальных групп не должно быть задето высказываниями: «по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии» [Ст. 282 УК РФ, URL].

практически нулевой прагматический эффект. На вопрос, может ли данный текст стать средством разжигания розни, люди русской национальности разных возрастов и типов речевой культуры ответили отрицательно. Яркие выпады в адрес русских были оценены как провокационные и не достойные того, чтобы воспринимать их всерьез. Вместе с тем, согласно утвержденной методике проведения экспертизы по данной категории дел, в данном тексте следует усмотреть коммуникативную цель возбуждения ненависти и вражды, поскольку иллокутивный компонент текста, содержащего негативную информацию, имеет решающее значение при квалификации его как экстремистского. Согласно методике по проведению судебной лингвистической экспертизы по делам об экстремизме и терроризме «экстремистскими» речевыми целями признаются любые формы открытой речевой агрессии: побуждения к насильственным действиям, угрозы, обвинения, унижение, причиной которого является принадлежность к этнической или религиозной группе.

В то же время речевой экстремизм, в отличие от оскорбления и унижения чести и достоинства, оказывается шире понятия «языковая агрессия». Пропаганда национальной гиперидентичности, выражающаяся в различных – эксплицитных и имплицитных – формах убеждения в превосходстве одной социальной группы над другой, не является проявлением речевой агрессии, однако представляет собой разновидность речевого экстремизма. Различия между агрессией и пропагандой заключаются, в первую очередь, в векторе воздействия. Агрессия направлена против группы, которой себя противопоставляет говорящий, пропаганда гиперидентичности – на группу, с которой он себя отождествляет. Агрессия предполагает использование экспрессивных языковых средств, для пропаганды же этот признак не является обязательным.

Таким образом, проявления агрессии являются главным источником правонарушений в области речи. И разграничение юридически значимых и незначимых форм выражения конфронтационной речевой стратегии является важной прикладной задачей лингвистики.

Литература

- Быкова Н. Языковое манипулирование общественным сознанием. Рабочая программа спецкурса. Красноярск, 1999.
- Доронина С.В. Факт: семантика и прагматика// Филология и человек. 2009. № 4.
- Доронина С.В. Дискурсивные приемы выражения мнения// Филология и человек. 2011. № 1.
- Муравьева Н.В. Язык конфликта. М., 2002.

Жельвис В.И. Слово и дело: юридический аспект сквернословия // Юрислингвистика-2. Барнаул, 2000.

Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М., 2006.

Кукушкина О.В. Сафонова Ю.А. Секераж Т.Н. Методика проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму. М., 2014.

Седов К.Ф. Речевая агрессия в повседневной коммуникации // Речевая агрессия в современной культуре. Челябинск, 2005.

Третьякова В.С. Речевой конфликт и гармонизация речевого общения. Екатеринбург, 2002.

УК РФ, Статья 282. Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства. [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/d350878ee36f956a74c2c86830d06beafce20149/

ИНСТРУМЕНТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЛИТЕРАТУРНОЙ КУЛЬТУРЫ В ГАЗЕТНЫХ ПУБЛИКАЦИЯХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1990-Х ГОДОВ.

Е.Г. Елина, Р.И. Павленко

Ключевые слова: текст, газетная литературная критика, литературная культура, рецензия, обзор, псевдоним.

Keywords: text, newspaper literary criticism, literary culture, review, pen-name.

А.А. Чувакин относится к тому типу исследователей, которых можно считать представителями сразу нескольких научных сфер. Для Алексея Андреевича, ведущего в нашей стране коммуниктивиста, открыты все стороны гуманитарного, культурологического и филологического знания, где главным действующим лицом выступает текст и востребованы разнообразные способы обращения к нему. В предлагаемой статье речь пойдет об одном из актуальных понятий современной филологии, нуждающихся в подробном представлении и аналитическом усмотрении – понятии литературной культуры. Хочется думать, что ключевые слова статьи самым прямым образом взаимодействуют с научными и образовательными интересами юбиляра. Проблемы литературной и речевой культуры, рассматриваемые в публикации, так или иначе решаются авторами, находящимися под влиянием идей А.А. Чувакина.

Новый текст, рожденный на стыке нескольких других текстов, – явная примета постмодернизма, являющегося магистральным направлением

середины 1990-х годов, – определяет глубину и самобытность газетной литературной критики исследуемого периода. При том, что очень многие издания так или иначе обращаются к литературе как основному механизму формирования новых культурно-эстетических ценностей, чаще всего своей миссией они видят все же просвещение и избавление читателей от дурновкусия. Большинство газетных литературных критиков работают чаще всего в назидательном ключе, в их текстах часто прослеживается менторский тон.

Есть и совершенно иной подход к литературе – она становится простым объектом информационного сообщения в коммерческом издании. И эта ситуация совсем не нова в отечественном медиапространстве. Столетие назад М.Е. Салтыков-Щедрин вывел типы журналистов, которые и в исследуемый период продолжают спекулировать в том числе и на литературной теме: «Салтыков устанавливает прямую связь капитала и газетного заказа, когда профессия журналиста воспринимается как удачный бизнес» [Елина, 2012, с. 215]. Здесь и Пушкин – герой рекламы компании «Кока Кола», без него же невозможно представить часы марки «Брегет», а Евгений Онегин – модник для глянцевого издания. То есть литература как часть культурного пространства в таком случае не существует, она становится бытовым элементом общественной жизни: книга – это просто книга (издание, его тиражность, распространение), автор – просто автор (сколько премий и наград он уже получил, какое направление представляет), литературная премия – просто «тусовка» самых популярных писателей и артистов. Таким образом нивелируется понятие литературной культуры, а литература оценивается в этом случае через призму исключительно ее вещественной формы и становится объектом информационных заметок и рекламных объявлений, способом привлечения внимания (через заголовки, включающие в себя элементы прецедентных литературных текстов¹) газет «Коммерсант», «Известия», «Российская газета», «Общая газета» и др.

На этом фоне в вопросе воспитания адекватной литературной культуры особенное место занимают газета «Сегодня» и «Независимая газета». Среди рассматриваемых нами материалов литературные критики этих изданий наиболее изящно и эффективно работают с литературными темами: они изобретают новые способы и технологии работы с текстом, общения с читателем, им присуща особая тщательность в проработке тем, посвященных литературной жизни. Со своей серьезной и четко сформулированной общественной позицией журналисты этих периодических обще-

---

¹ Например, «Кричали школьницы “ура”...», «Праздник, который все-таки увезли с собой», «Сказка – ложь, да в ней намек» (газета «Коммерсант», 1996), «Все, Солнце русской поэзии накатило!» («Независимая газета», 1999), «Большой брат и теперь живет всех живых» (газета «Комсомольская правда», 1999).

ственно-политических изданий не только утверждают великую мощь литературы, не только напоминают читателю об основополагающих именах русской национальной культуры и говорят, что стоит читать, а что – нет, они предлагают ему нечто принципиально новое для журналистики нового времени, а именно – качественный анализ литературного текста, тщательно проведенный газетным литературным критиком, означающий главенство художественно-образного, эстетического над бытовым и вещным в литературе.

Наиболее простым и привычным способом включения читателя в литературный процесс остается публикация рецензий на новые литературные произведения и дайджестов литературно-художественных общественно-политических журналов. Здесь главное место, несомненно, занимает критик Андрей Немзер, один из авторов отдела «Искусство» ежедневной деловой газеты «Сегодня». Он скрупулезно исследует, тщательно отбирает из огромного потока литературных и паралитературных новинок самые яркие (не всегда в положительном значении этого слова) и самые интересные примеры художественных произведений современной отечественной словесности и презентует их широкому читателю. Публикуя рецензии на новые книги, А. Немзер использует два основных способа их презентации: первый – короткая рецензия с емким и, чаще всего, едким комментарием в авторской рубрике «Крок» в отделе «Искусство». Здесь он, выступая под псевдонимом Крок Адилов, представляет обычно три-четыре книги, не объединенные ни общей темой, ни направлением, ни художественным методом, а только примерно одинаковым временем выхода в свет. Например, в указанной рецензии под общим названием «Филологические сочинения» Немзер представляет книги А.К. Жолковского и М.Б. Ямпольского «Бабель» и собрание переведенных «Дневников и писем сестры Пушкина». Представляя их как *«очень своевременную книгу»* [Адилов, 1995а, с. 11] (о «Бабеле») и *«любопытные штрихи семейных отношений и колоритные детали петербургского и варшавского жителя»* [Адилов, 1995б, с. 11], Андрей Немзер с явным намерением заинтересовать читателя в вышедших книгах пишет о небольших изъянах, которые в них нашел, раскрыл и теперь показывает читателю, чтобы тот в свою очередь еще более внимательно всмотрелся в них и постарался с азартом найти еще что-нибудь интересное и неожиданное для себя.

Второй же способ – это полная рецензия на наиболее значимую и любопытную, совсем недавно вышедшую книгу. Так, обращаясь к семи-томнику произведений Марины Цветаевой или к публикации в «Знамени» нового романа Чингиза Айтматова «Тавро Кассандры», Немзер не добавляет ничего нового к жанру рецензии и также убедительно и точно, скрупулезно и эмоционально разбирает книгу за книгой, роман за романом,

предоставляя читателю не столько право выбора, сколько безупречный список той литературы, которую читать надо, то есть происходит своеобразное управление читательскими литературными вкусами. Кроме Андрея Немзера, в газете «Сегодня» подобными способами пользуются Борис Кузьминский и Вячеслав Курицын. В более упрощенном, сжатом виде в газете «Коммерсант» – Татьяна Щербина, Екатерина Деготь, Михаил Новиков, в «Общей газете» – Мария Ремизова и многие другие газетные литературные критики.

Несколько иначе работают с читателем и формой литературной публикации журналисты «Независимой газеты». От системы управления читательским вкусом «НГ» переходит к его формированию путем погружения читателя в собственно литературный процесс. В ежедневных публикациях на седьмой полосе, на которой расположена рубрика «Культура», в подрубриках «Другие берега» и «Кафедра», критики и литературоведы подробно разбирают явления современной и ставшей уже классикой литературной жизни. В первом январском номере за 1996 год филолог Александр Пятигорский публикует развернутую статью – эссе «О постмодернизме. Как написать историю настоящего» [Пятигорский, 1996, с. 7]. Эссе представляет собой авторское размышление над литературным явлением постмодернизма, о влиянии его на национальную и мировую культуру, о его потенциале и возможностях. *«Когда этот момент, во многом исторически определивший модернизм прошел, то оставалось придумать название для того, что осталось, для самих себя, оставшихся без марксизма, без коммунизма, без Сталина, без Мао, без Сартра и Альтюссера. Оно было придумано: постмодернизм»* [Пятигорский, 1996, с. 7]. Автор таким образом выражает свою позицию по отношению к литературному явлению. Упоминание фамилий, к которым обращается Александр Пятигорский, в данном случае несет не только и не столько образовательную функцию, но и работает в качестве так называемого звоночка, определяющего круг читателей, близких автору по культурным и идейным параметрам: читатель «Независимой газеты», скорее всего, знает каждого исторического и литературного персонажа из перечисленных автором. В статье упоминаются, кроме указанных, имена Лиотара, Бодриера, Гирша, Кери, Дюма и т.д. Автору важны эти фамилии как символ разрушенного представления о стройности и стойкости тоталитарной идеи всеобщего равенства и братства, через них он показывает основную проблему российского и мирового сообщества – крушение идеалов, разрушение всего бытового уклада каждого члена любого общества, подвергнувшегося социалистической или коммунистической реструктуризации. Социальная проблема, явившаяся катализатором радикальных изменений в литературной среде, выдвинутая Пятигорским на первый план в данной статье, является

лучшим доказательством тесного контакта литературы и общества, контакта, в который сегодня отказываются верить и закрывают глаза на серьезные социально-литературные проблемы. Александр Пятигорский – философ, филолог, один из основателей Тартуско-московской семиотической школы – выходит к общественности посредством печатного СМИ. Смысл его материала заключается не в научном разыскании по поводу литературного вопроса, а в переложении результатов исследования на общесоциальную почву, рассмотрение общества через призму литературы. Этот способ интерпретации действительности и рассказ широкой аудитории о результатах научного поиска становится для ученого-филолога и философа одной из основных объективно значимых задач. Собственно вся серьезная научная работа имеет одной из основополагающих целей выход к читателю. Периодическое общественно-политическое издание, в данном случае «Независимая газета», дает автору такую возможность.

Восьмая полоса издания также имеет непосредственное отношение к литературной жизни. Здесь в рубрике «Стиль жизни» широкий спектр авторов публикуют свои публицистические произведения. В том же номере от 5 января читатель находит очерк Мелора Стуруа «Вошь как символ эгалите». Автор публикации использует имя известного советского писателя Льва Кассиля, приводя цитату из его «Кондуита и Швамбрании»: «Точка и ша. Уничтожим вша» – в качестве объяснения восприятия юным Стуруа в школьные годы вшей как символа низкого классового происхождения: *«Я верил, как в дедушку Ленина, в то, что вши – субстанция классовая. Вши заводятся у бедняков, которых эксплуатируют богатые»* [Стуруа, 1996, с. 8]. В рассуждении журналиста мы не находим более ни одной ссылки на упомянутое литературное произведение, но цитата в самом начале статьи имеет очень важный смысл для восприятия всего материала. Умозаключение о детском впечатлении по поводу классового неравенства и взаимосвязи его с насекомыми так и осталось бы умозаключением, не приведи автор статьи в подкрепление к нему цитату из классического детского литературного произведения. Цитата тем более важна, что она подчеркивает суть воспитания Стуруа-ребенка. Позже это восприятие, построенное во многом на социалистическом представлении о классовом равенстве, будет разрушено профессором истории Эпштейном, утвердившем в Стуруа-студенте представление о том, что вошь – не символ неравенства, а наоборот – равенства.

Здесь же, на восьмой полосе, с разной регулярностью публикуются обзоры недавно вышедших книг. Они очень похожи на обзоры Андрея Немзера в рубрике «Крок» газеты «Сегодня». Автор рубрики «Книготорговля» в «НГ» Александр Панов в критической манере разбирает несколько

ко новых изданий. В первом номере от 5 января, к примеру, колумнист рассказывает читателю о новинках: «Выражение и смысл» Валерия Подороги, «Избранная проза» Джека Керуака, «Кэрель» Жана Жене и «Разговоры с Вячеславом Ивановым» Моисея Альтегона. Форма подачи материала близка к литературно-критическому жанру рецензии, однако недостаток места на полосе не позволяет Панову развернуть в полной мере свой литературно-критический талант. *«Умиrotворенному после сладостных празднеств читателю предлагаем сразу окунуться в соляную кислоту сегодняшних книжных новинок, специально и, надеемся, со вкусом подобранных вашим рецензентом. Чтобы интеллектуальная жизнь медом не казалась»* [Панов, 1996, с. 8]. Автор в своем критическом монологе подбирает яркие иронические метафоры, саркастически высказываясь о литературном процессе, издательствах и авторах. Глаголы и обращения, используемые Пановым, не могут оставить статью без внимания читателя. *«Фонит, господа! – повторяет рецензент, – так вот, герои нашего обзора этим самым измерением обладают тоже. Выбиваются, подрывают и фонят»* [Панов, 1996, с. 8].

Автор рецензии талантливо и изяшно подбирает разговорные, просторечные и устаревшие слова для определения вектора развития литературного процесса, среди них – «тиснул», «окромя» и прочие.

Особое место в системе межтекстовых взаимоотношений на газетной полосе занимают литературные материалы, появляющиеся в колонке «Мизантропия», ведущий колонки – вымышленный персонаж Титус Советологов. От номера к номеру он хаотично меняет свое порядковое число – в номере от 6 января он 12-й, а в газете от 10 января – 3-й. Всего Титусов Советологовых в «Независимой газете» с 1996 по 1998 годы было 53. Под псевдонимом скрывались фельетонисты «Независимой газеты», публикующие едкие, сатирические, близкие к жанру фельетона материалы, обладающие неоспоримой ценностью как для газеты в частности, так и для всей структуры общественно-политической журналистики того времени в целом. Связано это не только с положением в газете – колонка выходит ежедневно на первой полосе сразу под заголовочным блоком, а не в подвале, как это обычно бывает в газетах «Известия» или «Коммерсантъ», но и с тем, что в популярных неотраслевых общественно-политических изданиях указанного периода жанр фельетона встречается крайне редко. Яркий стиль и тонкая игра слов, точно выраженная литературная позиция автора фельетона «Страна Лимония. Рождественские подарки о. Юрия (Черниченко) российскому народу» (книга является очередным сводом популярных объяснений сути Евангелия и Православной веры, раздаваемых бесплатно с киоска, продающего копченых кур) возвращают читателю забытый жанр, а вместе с ним и яркость образов, живость и остроту

стиля. Материал, подписанный Титусом Советологовым 12-м, вышел из-под пера заместителя главного редактора «Независимой газеты» и главного редактора книжного приложения «Ex libris» Игоря Зотова. *«Закончить чтение рассчитываю в сочельник. И предвижу: раскроются перед нами эдемские кущи, войдем мы туда все (то есть домашние мои) без остатка. А там кур копченых видимо-невидимо и Педигри Пала немерено! Я, кстати, всегда понимал, что в четырех Евангелиях есть некоторая незавершенность, ввиду четности их числа. Не хватало точки опоры. Пятого угла. О. Юрий (Черниченко) дал нам его. Бесплатно. Под Рождество. Божественный подарок»* [Советологов, 1996, с. 1]. Характерный для фельетона рубленый стиль написания и небольшой объем материала привлекают внимание читателя, приступающего к прочтению «Независимой газеты» от 6 января 1996 года.

Использование псевдонимов в истории новой российской журналистики является фактом общепринятым. Большинство журналистов публикуют свои материалы под вымышленными именами. Например, в газете «Сегодня» Андрей Немзер использует для своей рубрики коротких рецензий «Крок» псевдоним Крок Адилов. Фельетоны в «Независимой газете» намеренно подписываются парадоксальными именами, структурой своей напоминающими наименование римских патрициев. При этом, чаще всего подобные статьи носят автобиографический характер, имеют непосредственное отношение к дню сегодняшнему, актуальны и не имеют отношения к историческим событиям античности. Такого рода изначальное противоречие имени автора и содержания фельетона усиливает его эмоциональную нагрузку, интенсивнее влияет на читателя, концентрирует его внимание и заставляет сосредоточеннее относиться к материалу. Эффект усиливается еще и благодаря порядковому числу, приписываемому к имени. Создается ощущение некоторой мистификации самого материала.

Анализ текстов, связанных с литературой и литературными материалами на газетной полосе, показывает, что при всем их жанрово-стилевым разнообразии, при том, что авторами становятся очень разные творческие индивидуальности, именно эти материалы и формируют надежный пласт литературной культуры в российской журналистике 1990-х годов. Напрашивается и еще один вывод: радикальное снижение количества литературных материалов в газетных изданиях последних лет не лучшим образом влияет на состояние литературной культуры в современной газете.

Литература

- Адилов Крок. Очень своевременная книга // Сегодня. 1996а. № 19.
Адилов Крок. Родные люди вот какие 2 // Сегодня. 1996б. № 19.

- Войцеховский Б. Большой брат живее всех живых // Комсомольская правда. 1999. № 16.
- Елина Е.Г. Щедринские типы в современной журналистике // От девятьсот двадцатых к двухтысячным. Литература, журналистика, литературная критика. Саратов, 2012.
- Кабанова О. Обретенное поколение // Коммерсантъ. 1996. № 135.
- Кричали школьницы «ура»... // Коммерсантъ. 1996. № 176.
- Кузьминский Б. Магия на блюдецке с голубой каемочкой // Коммерсант. 1998. № 40.
- Немзер А. В соответствии с заказом // Сегодня. 1995. № 21.
- Павленко Р.И. Литературные материалы «Независимой газеты» и общественная жизнь середины 90-х годов XX // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. 2013. Вып. 3.
- Панов А. Индивидуальное коммуникативное измерение // Независимая газета. 1996. № 1.
- Праздник, который все-таки увезли с собой // Коммерсантъ. 1996. № 180.
- Пятигорский А. О постмодернизме. Как написать историю происходящего // Независимая газета. 1996. № 1.
- Сказка – ложь, да в ней намек // Коммерсантъ. 1996. № 131.
- Советологов Титус Все! Солнце русской поэзии накатило // Независимая газета. 1999. № 125.
- Стура М. Вошь как символ эгалите // Независимая газета. 1996. № 1.
- Щербина Т. Как продлить молодость // Коммерсантъ. 1997. № 93.

ОТРИЦАНИЕ В БОЛГАРСКОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ (НА ФОНЕ РУССКОГО)

Е.Ю. Иванова

Ключевые слова: отрицание, отрицательное предложение, отрицательная частица, смещение частного отрицания, болгарский язык.

Keywords: negation, negative sentence, negative particle, negation shift, the Bulgarian language.

Изучение показателей отрицания в языках мира является одной из актуальных задач современной типологии и сопоставительной лингвистики. В данной статье будут представлены типологически наиболее значимые особенности болгарского отрицания. На наш взгляд, это следующие типологически значимые характеристики: а) наличие разных отрицательных средств во временных и модальных формах глагола (при едином рус. *не*); б) превалирование смещенного к предикату отрицания и более частое, чем в русском, явление «подъ-

ема отрицания»; в) возможность использования не только двойного, но и одинарного отрицания при множественном союзе *ни(то)*. Остановимся также на болгарских эквивалентах русских построений типа *ей не с кем поговорить, мне некуда пойти*: замечательной особенностью болгарского языка является эксплицитно выраженная бытийная структура подобных предложений (*няма с кого да поговори* букв. 'нет с кем [ему/ей] поговорить', *няма къде да отида*, букв. 'нет куда [мне] пойти'), подтверждающая идею об имплицитной бытийности русских аналогов¹. В статье не затрагиваются проблемы отрицательных показателей словообразовательного уровня, как и средства выражения имплицитного отрицания.

Современная лингвистика, как известно, различает семантическое и синтаксическое отрицание, см., прежде всего, [Падучева, 2011; 2013].

С семантической точки зрения различается **общее и частное отрицание**. При общем отрицании сферой действия отрицания является все предложение: *Не съм пристрастен към алкохола, не обичам празни компании, пияни дърдорковци, ласкатели* (П. Вежинов). – Я не любитель выпить, не люблю шумных сборищ, пьяных болтунов, вообще богемы (пер. М. Тарасовой)². Отрицание является частным, если в сферу его действия входит фрагмент смысла, не составляющий предложения [Падучева, 1974]: *За това село отговарям аз, а не вие* (Г. Караславов). – За это село отвечаю я, а не вы.

С синтаксической точки зрения различается **предикатное** (при финитном глаголе или предикативе) и **непредикатное** («присловное» [Падучева, 2011]) **отрицание**, ср. *Поканените докладчици не дойдоха*. – Приглашенные докладчики не приехали и *Не всички от заявените участници дойдоха на тази конференция*. – Не все из заявленных участников приехали на эту конференцию.

Введение этих двух пар терминов (общее / частное, предикатное/непредикатное отрицание) позволяет адекватно описывать специфику формирования отрицания как в отдельном взятом языке, так и при его сопоставлении с другими.

Рассмотрим поочередно основные **средства выражения отрицания** в болгарском предложении и специфику их употребления на фоне русского языка.

¹ Об их принадлежности к полю бытийности см. [Арутюнова, Ширияев, 1983, с. 26, 92], несколько иная версия экзистенциальной трактовки представлена в [Апресян, Йомдин, 1989].

² В работе использованы, в основном, примеры из двуязычных параллельных корпусов (<http://rbcorpus.com/index2.php>).

1. Частица *не*. Основное средство формирования отрицательно-го предложения в болгарском языке, как и в русском, – это отрицательная частица *не*¹. Как и в русском, частица *не* – это показатель отрицания с максимально широкой сочетаемостью (иначе, элемент с высокой дистрибутивностью), но указанные выше особенности болгарского отрицательного предложения значительно сужают сферу ее дистрибутивности по сравнению с русским языком: частица *не*, во-первых, чаще оказывается при глаголе в результате смещения частного отрицания к предикату и, во-вторых, в ряде временных и модальных форм выбираются другие показатели отрицания – глаголы *ням* и *няма*, частицы *ням* и *недей(те)*, см. далее.

При общем отрицании частица ставится перед сказуемым (и пишется с ним отдельно): *Брат ми не замина, той е тук.* – Брат не уехал, он здесь; *Не знам какво става с мен.* – Не знаю, что со мной происходит. От простого сказуемого *не* может быть отделено клитиками, которым частица передает ударение: *Не тѐ видях*; *Не му̀ се сърди* (о порядке болгарских клитик в цепочке см. [Иванова, Градинарова, 2015, с. 507-526]).

Если составное сказуемое содержит фазисный глагол, отрицательная частица располагается обычно перед ним: *Не спря да вика дори когато му направихме забележка.* – Он не прекратил кричать, даже когда мы ему сделали замечание. Отрицание перед основным глаголом не исключено, но требует введения альтернативной информации: *Вече започвам не да се тревожа, а направо да се депресирам.* – Я уже начинаю не тревожиться, а прямо-таки впадать в депрессию.

В составном сказуемом с модальными глаголами *мога* ('мочь'), *може* ('можно'), *не може* ('нельзя') частица ставится перед тем глаголом, который входит в сферу действия отрицания, ср.:

Не може да знае това. – Он не может этого знать ('У него нет возможности это знать').

Може (и) да не знае това. – Он может этого (и) не знать ('Возможно, он этого не знает').

Однако при глаголах со значением долженствования *не трябва* 'не должен', *не бива* 'не стоит' частица *не* может быть истолкована как результат т.н. «подъема» отрицания из подчиненной клаузы, ср. о русском *должен* в [Падучева, 2011]: *Ти не трябва да се безпокоиш.* – Ты не должен беспокоиться (=Ты должен не беспокоиться); *Не бива*

¹ Частица *не* употребляется и самостоятельно в качестве отрицательного ответа (ср. рус. Нет), при этом оно обязательно ударное: *Искаш ли сладолед? – Не.*

да излизаш днес. – Не стоит сегодня тебе выходить (= Тебе стоит не выходить).

В предложении с неглагольным сказуемым *не* стоит перед вспомогательным глаголом (который в болгарском языке в норме не опускается): *Той не е виновен*. – Он не виновен; *Той не е тук*. – Он не здесь.

При частном отрицании частица *не* отрицает какой-л. фрагмент смысла предложения. Если частица при этом не смещается к сказуемому, а остается при отрицаемом компоненте (см. далее), она в норме имеет ударение¹: *Те отидоха там не по своя воля*. – Они пошли туда не по своей воле; *Ако не от мене, от децата си се засрамете!* – каза им той (Елин Пелин). – Если не меня, так детей своих постыдитесь, также: *Не винаги успяваше да се обуздае* (Е. Манов); *Не за нея днес е думата* [Вътов, 1987, с. 77].

Основное отличие болгарского языка от русского состоит в нормативном оформлении частного отрицания как предикатного. Это явление смещения отрицания состоит в том, что отрицательная частица *не* уходит со своего синтаксического (присловного) места и передвигается к сказуемому, хотя в сфере действия отрицания находится другой член предложения. Таким образом, в болгарском языке предложение оказывается построено по (синтаксически) предикатному типу как в случае (семантически) общего, так и (семантически) частного отрицания, ср. соответственно: *Не нося вестници* и *Не нося вестници, а списания*, в отличие от русского: *Я не принес газет*² и *Я принес не газеты, а журналы*.

Из всех средств выражения отрицания в болгарском языке смещаться, вообще говоря, может только частица *не*, но при этом глагольное сказуемое, принимая смещенное отрицание, требует в некоторых формах использования иных отрицательных элементов – *нямам, няма* (см. ниже). Другие отрицательные средства не включаются в это перемещение.

В болгарском языке, в связи со смещением болгарского присловного отрицания к предикату, больше, чем в русском, случаев

¹ «Собственное ударение» болгарской частицы *не* «фонетически проявляется только при ударении, когда она стоит не перед глаголом и не перед клитиками»: *Не ти; Не в гората* [Пенчев, 1984, с. 63], то есть при непередикатном отрицании.

² Вопрос о том, как отражается в болгарском языке специфика русского падежа при отрицании, требует отдельного описания. Здесь лишь заметим, что, в отличие от нереферентных выражений (*Не нося вестници*), референтные именные группы в болгарском языке будут подвергнуты топиализации и удвоены местоимением: *Вестниците не ги нося*. – Газеты я не принес.

двойного толкования отрицательных предложений. Так, отдельно взятое предложение *Не загубих ключа* может означать 'Я не потерял ключ' или 'Я потерял не ключ'.

Во многих языках со смещенным отрицанием выявить двусмысленность помогает интонация. В болгарском это затруднено. Как отмечалось выше, болгарское *не* ударно в тех случаях, когда стоит «присловно», то есть в исходном месте частного отрицания. Но, смещаясь к глаголу, частица *не* теряет свою ударность, например: *Не за лична изгода правя това* ('Я не ради личной выгоды это делаю') → *Не прáвя това за лична изгода*, так что при смещении синтагменное ударение то же, что и при обычном предикатном отрицании. Контрастное ударение в болгарском языке, которое могло бы очертить зону отрицания, также акустически недостаточно результативно для выявления двусмысленности, так как контрастный акцент в болгарском менее выражен, чем в русском (о фонетических причинах этого см. в: [Сопоставительная болгарско-русская грамматика, 2009, с. 247]). Поэтому для снятия двусмысленности наиболее релевантной является роль контекста. Зону исходного отрицания помогают очертить следующие средства:

а) зона альтернативной информации. Иначе говоря, сфера действия отрицания оценивается в соответствии с зоной альтернативной информации [Тополиньска, 2009, с. 25-27], далее эта зона подчеркнута: *Той не замина вчера, а преди една седмица*. – Он уехал не вчера, а неделю назад (*букв.* Он не уехал вчера, а неделю назад); *Не е казал това, а нещо съвсем друго*. – Он сказал не это, а что-то совсем другое (*букв.* Он не сказал это, а что-то совсем другое);

б) распространители сказуемого, которые при толковании отрицания как общего были бы неуместны: *Не го е убил с чук* (*букв.* Он не убил его *молотком*); *Не чувам добре* (*букв.* Я не слышу *хорошо*);

в) наличие им. падежа личного местоимения на фоне обычного его отсутствия: *Не съм го казал аз!* – √∇Я этого не говорил (ср. общее отрицание *Не съм го казал*). В сферу действия отрицания в таком случае входит только актант, выраженный им. падежом личного местоимения;

г) полная форма косвенного падежа личного местоимения вместо краткой: *Не чаках теб*. – √∇Тебя я не ждал (ср. общее отрицание *Не те чаках*. – Я тебя не ждал) или наряду с краткой: *Тебе не те чаках*. Первый вариант *Не чаках теб* указывает, что местоимение находится в зоне «логической» выделенности, и предполагает расширение высказывания положительной частью: *Не чаках теб, а Стоян*. – Я

ждал не тебя, а Стояна, второй вариант появляется при топикализации местоимения: *Тебе не те чаках*. – Тебя-то я и не ждал;

д) нестандартный порядок слов. Так, Р. Кордовска [Кордовска, 1998, с. 4] отмечает вынос рематического второстепенного компонента в предглагольную позицию: *Повече от друг път не работеха* (букв. Больше, чем обычно, они не работали), по сравнению со стандартным присловным отрицанием: *Работеха не повече от друг път*. – Они работали не больше, чем обычно.

К показателям порядка слов относятся и случаи, когда сегмент, находящийся в сфере действия частного отрицания, занимает не характерное для данного элемента предложения место, как обстоятельство *всеки ден*, разрывающее группу V + O в примере: *Очевидно в това малко ресторантче не пиеха всеки ден херес* (П. Вежинов). – Не каждый день, видно, в этом кабачке заказывали херес (пер. М. Тарасовой), *букв. ...не пили каждый день херес*.

Хотя для болгарского языка более распространено смещенное отрицание, в ряде случаев постановка отрицания при отрицаемом непредикатном компоненте является единственно возможным вариантом. Так, всегда сохраняет свое положение *не* при инверсии отрицаемого члена предложения с целью его акцентирования: *Не Стоян, а жена му го е казала*. – Не Стоян, а его жена это сказала; *Не за нея мисля*. – Не о ней я думаю. При отрицании сочиненных групп смещения тоже не происходит: *Брат ми замина не вчера и не за Санкт Петербург*. – Брат уехал не вчера и не в Санкт-Петербург; *Упрекваше вече не Мария, не съдбата, а себе си* (С. Мокрев). – Он упрекал уже не Марию, не судьбу, а самого себя. При этом отрицание ставится перед каждым из сочиненных элементов.

В некоторых типах сложных предложений тоже наблюдается смещение отрицания – от подчинительного союзного средства к сказуемому главного предложения: *Не го казах, за да те обидя*, *букв. Я не сказал это, чтобы тебя обидеть* (ср. *Казах го, не за да те обидя*). Это явление известно как «подъем отрицания». Ни при одном типе сложных предложений такое смещение не является обязательным. Наиболее регулярно смещается отрицание в предложениях цели: *Не дойдох тука, за да се карам с вас*. – Я пришел сюда не для того, чтобы ссориться с вами (*букв. не пришел сюда для того, чтобы...*); *Не е отишъл да я арестува, а да я убие*. – Он пошел не арестовать ее, а убить (*букв. Он не пошел, чтобы арестовать ее, а убить*), однако для многих других разновидностей придаточных предложений передвижение частицы нехарактерно. Важным условием для подъема отри-

цания в сложном предложении является вхождение отрицаемой подчиненной предикации в тему высказывания.

Условия, при которых сохраняется (или предпочитается) несмещенный вариант отрицания, еще требуют изучения. На данный момент они остаются не до конца решенным вопросом болгарской лингвистики, как и допустимость самих вариантов с несмещенным отрицанием (см.: [Грамматика..., 1983; Вътов, 1987; Лашкова, Шверчек, 1979; Илиева, 1995 и др.]).

2. Глаголы *нямам* и *ням* являются средством общего отрицания.

Спрягаемый глагол *нямам* является отрицательным коррелятом глагола *имам*: *Нямам приятел.* – У меня нет друга; *Нямат ли съвест тези хора?* – Неужели у этих людей нет совести, букв. Нет ли совести у этих людей?

Безличный глагол *ням* – это отрицательный коррелят глагола *има*, основного бытийного глагола в болгарском языке: *Тук няма интернет.* – Здесь нет интернета; *Няма никакви хора тук.* – Здесь нет никаких людей.

3. Неизменяемая частица *ням* входит в состав отрицательной глагольной формы будущего времени, ср. положительную форму, образуемую с помощью частицы *ще*, и отрицательную, образуемую с помощью частицы *ням* и *да*-конструкции от основного глагола: *Ще вали.* – *Няма да вали* ‘Будет дождь. – Не будет дождя’; *Събев ще дойде тази вечер.* – *Събев няма да дойде тази вечер* ‘Сыбев придет вечером. – Сыбев не придет вечером’.

Частица *ням* входит в состав отрицательных форм еще ряда времен: будущего в прошедшем (*Нямаше да те позная*), будущего предварительного (*Няма да се е приготвил до 6 часа*) и нескольких отрицательных пересказывательных и конклюдивных форм: умозаключительного будущего (*Нямало е да бъде това, което е днес*), умозаключительного результативного будущего (*Нямало са да са пристигнали в селото и затова е трябвало да се изчака*), пересказывательного будущего (*Болното дете нямало да издържи толкова пътуване с кола*), пересказывательного результативного будущего (*Опасява се, че нямало да съм приготвил добре урока си, ако дойде да ме повика в пет часа*) и некоторых других, очень редких (см.: [Кучаров, 2007, с. 388-406]).

4. Частица *недей* и форма для мн. ч. *недейте* входят в состав отрицательной аналитической формы повелительного наклонения 2 л. (ед. и мн.ч.). Степень категоричности варьируется от категорического запрета ‘прекрати’, ‘не смей’ до просьбы, утешения ‘не надо’,

ср.: *Недей да казваш глупости!* – Прекрати говорить глупости!; *Недей да плачеш, миличката.* – Перестань плакать, милая.

5. Отрицательные частицы / союзы *ни*то и *ни* (это генетически исходный для *ни*то, но более редкий в современном языке вариант), как и русская частица *ни*, могут употребляться однократно в качестве усилительной частицы (***Нито*** дума! – Ни слова!; ***Ни*** крачка назад! – Ни шагу назад!) либо многократно в качестве повторяющегося союза, например: *Не бях нито стреснат, нито ядосан, нито изненадан дори* (П. Вежинов). – Я не был ни взволнован, ни возмущен, ни даже удивлен (пер. М. Тарасовой).

Выступая в качестве многоместного союза *ни(то)...* *ни(то)*, эти частицы, однако, имеют некоторые специфические характеристики, определяющие их особое место в структуре болгарского отрицательного предложения:

а) они могут применяться как для общего, так и для частного отрицания, ср. соответственно:

Морис, лошо ми е, отвори! И понеже нито отварям, нито давам признаци на живот, жената се обслужва сама и натиска бравата (Б. Райнов). – Морис, мне плохо, открой! Но поскольку я не открываю и не подаю признаков жизни, женщина переходит на самообслуживание – нажимает на дверную ручку (пер. А. Собковича), букв. И поскольку я ни открываю, ни подаю признаков жизни....;

Само че Ришар не се обажда нито на следващия ден, нито на по-следващия (Б. Райнов). – Однако господин Ришар не дает о себе знать ни на другой день, ни на третий (пер. А. Собковича);

б) находясь в препозиции к сказуемому, они могут самостоятельно сформировать предложение общеотрицательной семантики, что для их русских аналогов невозможно, см. об этом также [Блажев, 2007, с. 152]. Иначе говоря, сказуемое при препозиции *ни*то и *ни* выступает в положительной форме:

Нито елегантната униформа, ***ни***то лачените ботуши, които бе сложил сега, ***можеха*** да скрият в телосложението му печата на старостта, жалката сломеност на грохнал и разнебитен от алкохола мъж (Д. Димов). – Ни элегантный мундир, ни обутые ради случая лаковые сапоги не могли стереть (букв. могли стереть) печать преждевременной старости, жалкого безволия сломленного пьянством человека (пер. Н. Попова и др.).

През свободните минути нашите разговори вървят все в този тон, понеже сме се разбрали, че нито в хотела, нито тук ще говорим за по-сериозни неща (Б. Райнов). – И в свободные минуты наши разговоры носят примерно такой же характер, поскольку нам стало

ясно, что ни в отеле, ни здесь о серьезных вещах говорить не приходится (*букв.* будем говорить) (пер. А. Собковича).

При этом отрицательные местоимения и наречия заменяются на неопределенные, что доказывает статус данных частиц-союзов как самостоятельного средства общего отрицания: *Аз нито съм ви предлагал нещо, нито съм искал нещо* (Б. Райнов). – Я вам ничего не предлагал и вас ни о чем не просил (пер. А. Собковича), *букв.* Я вам ни что-то предлагал, ни что-то просил у вас;

в) располагаясь в постпозиции к сказуемому, *ни(то)* – лишь средство создания полинегации (кумулятивного отрицания): *Учудването, което изигравам, не е нито много силно, нито много слабо* (Б. Райнов). – Удивление, которое я изображаю на своем лице, не слишком сильное, но и не слабое (пер. А. Собковича), *букв.* ... не является ни слишком сильным, ни слишком слабым.

Интересной структурной особенностью отрицательного союза *ни(то)*... *ни(то)* является его способность функционировать с опущением первой составляющей. Это происходит тогда, когда в первом конъюнкте уже содержится предикатное отрицание. При этом:

– если *нито* отрицает непредикатный элемент, то в первом конъюнкте союз факультативен, ср. примеры ниже с опущением первого компонента *нито* и с его экспликацией: *Бунтовниците не влязоха в града О тая нощ, нито на другия ден* (Д. Димов). – Бунтовщики не вступили в город ни ночью, ни на следующий день (пер. Н. Попова и др.), *букв.* ...не вступили в город ночью, ни на следующий день; *Увлечена, тя не забелязва нито намиганията, нито гримасите на сестра ми* (П. Вежинов). – Увлеченная, она не замечает ни подмигиваний, ни гримас сестры (пер. Л. Лихачевой);

– если отрицается предикат, то совместное употребление предикатного отрицания и первого элемента союза в первом конъюнкте становится невозможным: *Не съм оставяла документи, нито съм подавала молби* (Б. Райнов). – Я ни документов не оставляла, ни заявления не подавала (пер. А. Собковича), *букв.* Я документов не оставляла, ни заявления подавала.

6. Отрицательные местоимения и наречия *никой, ничий, никакъв, нищо, никога, никак, никъде* и др. (образуются с помощью префикса *ни* от вопросительных местоимений и наречий) сами по себе, без общего отрицания, не создают отрицательной пропозиции. Они образуют, как и в русском языке, кумулятивное отрицание – многократное употребление отрицательных элементов в рамках одного простого предложения при сохранении отрицательного значения предложения [Лашкова, 1976]: *Лекари с писалки сновяха загрижено*

между тях, **никой никого не поглеждаше и не поздравяваше** (П. Вежинов). – Врачи с авторучками в руках озабоченно сновали среди них, **никто ни на кого не** обращал внимания и не здоровался.

Использование отрицательных наречий и местоимений вне отрицательного предиката недопустимо. Только в неполном предложении, где предполагается опущение бытийных глаголов *нямат*, *няма*, эти отрицательные элементы являются единственным эксплицированным отрицательным средством: *Никакво движение, никакви признаци на живот* (Й. Йовков). – Никакого движения, никаких признаков жизни.

7. И в болгарском, и в русском языках имеются специфические отрицательные построения **идиоматического характера** типа рус. *Не о чем говорить*, которые строятся с участием местоимений и местоименных наречий. В болгарском языке их аналогами служат предложения с бытийным глаголом *има / няма*. Важно, что акцентированный бытийный глагол присутствует в болгарском не только в положительной (как в русском), но и в отрицательной форме настоящего времени. Болгарский язык, таким образом, эксплицирует скрытую в русском языке «бытийную» сущность данных построений [Арутюнова, Ширяев, 1983, с. 26, 92; Апресян, Иомдин, 1989], ср. болг. и русские примеры с положительной и с отрицательной структурой:

Има какво да правим. – Нам есть чем заняться; *Има кого да запитам.* – Мне есть кого спросить; *Няма защо да се безпокоиш.* – Незачем тебе беспокоиться (букв. Нет зачем...); *Няма за кого да се грижи.* – Ему (ей) не о ком заботиться (букв. Нет о ком...).

Помимо глаголов *има/няма* в требуемой временной форме, в болгарскую конструкцию входит вопросительное местоимение или наречие с последующей *да*-конструкцией (на месте русского инфинитива). Глагол в *да*-конструкции имеет форму, координирующую с выраженным или закадровым субъектом основной предикации. При экспликации субъекта он обозначается синтаксически независимой формой именной группы: *Радка има за кого да се грижи.* – Радке есть о ком заботиться, а при местоименном выражении – формой им. падежа: *Тя има за кого да се грижи.*

Ср. и другие примеры с эксплицитным субъектом и без него:

Има за какво да помислим. – [Нам] есть о чем подумать (букв. Имеется о чем [нам] подумать); *Ще има с кого да сътрудничи.* – [Ему (ей)] будет с кем сотрудничать; *Няма защо да ходиш там.* – Незачем [тебе] туда ходить; *Детето няма какво да яде.* – Ребенку нечего есть; *Няма за какво да говориш с него.* – Не о чем [тебе] с ним разговаривать.

Итак, для болгарского языка характерны следующие основные особенности выражения отрицания: разнообразие отрицательных грамматических средств; смещение показателя частного отрицания к сказуемому; способность союза *ни(то)* служить самостоятельным маркером предикатного отрицания. При этом, как и в русском, болгарский язык способен выражать кумулятивное отрицание.

Дальнейшего изучения требует специфика выражения отрицания в сложноподчиненном предложении, в частности условий для «подъема» отрицания из подчиненной клаузы в подчиняющую.

Литература

Апресян Ю.Д., Иомдин Л.Л. Конструкции типа *негде спать*: синтаксис, семантика, лексикография // Семиотика и информатика. М., 1989. Вып. 29.

Арутюнова Н.Д., Ширяев Е.Н. Русское предложение: Бытийный тип (структура и значение). М., 1983.

Блажев Б. Типы предложений по наличию или отсутствию отрицания // Русский и болгарский языки. Сопоставление грамматических систем. Вопросы перевода. София, 2007.

Вътов В. По въпроса за отрицателните изречения в българския език // Език и литература. 1987. № 5.

Грамматика на съвременния български книжовен език. София, 1983. Т. 3.

Иванова Е.Ю., Градинарова А.А. Синтаксическая система болгарского языка на фоне русского. М., 2015.

Илиева Л. Отрицанието и езиковата структура: *Grammatica contra logicam* // Съпоставително езикознание. 1995. № 1.

Кордовска Р. Изречения с асиметрично отрицание в съвременния български език // Български език и литература. 1998. Кн. 3.

Куцаров И. Теоретична граматика на българския език: Морфология. Пловдив, 2007.

Лакова М. Въпросно-отговорни единства в съвременния български книжовен език // Български език. 1978. Кн. 5.

Лашкова Л. За спецификата на синтактичното отрицание в сръбскохърватски и български език // Сборник за филологию и лингвистику. 19. 1976. 1.

Лашкова Л., Шверчек Л. Някои проблеми на синтактичното отрицание в българския и полския език // Съпоставително езикознание. 1979. № 3.

Падучева Е.В. О семантике синтаксиса. М., 1974.

Падучева Е.В. Отрицание. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М., 2011.

Падучева Е.В. Русское отрицательное предложение. М., 2013.

Пенчев Й. Строеж на българското изречение. София, 1984.

Сопоставителна българско-русская граматика. Шумен, 2009. Т. 1.

Тополинска З. Полски-Македонски: граматичка конфронтација. 9: Негација. Скопје, 2009.

СРЕДСТВА ФОРМИРОВАНИЯ ЦЕЛЕВОЙ УСТАНОВКИ ИНФОРМИРОВАНИЯ В ТЕКСТАХ ИМИДЖЕВЫХ СТАТЕЙ

Е.И. Клинк

Ключевые слова: целевая установка, информирование, имиджевая статья, воздействие, языковые средства.

Keywords: aim, informing, image article, impact, linguistic means.

Исследование целевых компонентов текста является одной из центральных проблем:

- **коммуникативного лингвистического направления**, которое рассматривает цель текста как одну из важнейших составляющих в структуре коммуникативного акта [Колшанский, 1984; Городецкий, 1989 и др.];
- **риторического направления**, которое восходит к трудам Аристотеля и развивает идею о существовании различных типов речей в зависимости от их целей [Зарецкая, 2002; Сопер, 2005 и др.];
- **прагмалингвистического направления**, идеи которого развивали Г.П. Грайс, Дж.Л. Остин, Дж.Р. Серль и др. (см. книги «Новое в зарубежной лингвистике», выпуски 16, 17 – «Лингвистическая прагматика» и «Теория речевых актов», М., 1985 и 1986 годы соответственно).

А.А. Чувакин, рассматривая в одной из своих работ модель коммуникативного акта, высказал идею, которая объединяет эти три направления: «<...> на современном этапе развития теории текста он начинает представлять как более сложный, чем язык, лингвистический объект, напрямую “завязанный” на человеке в единстве его речевой и неречевой деятельности, в его мышлении-сознании. <...> Целевые компоненты занимают особое место в модели: они являются сквозными, связующими, пронизывают все другие компоненты. Это во многом объясняется целенаправленностью как атрибутом человеческой деятельности, целевыми характеристиками языка. <...> Таким образом, рассмотрение текста в аспекте цели выводит текст на уровень исследования его прагматической значимости и коммуникативной направленности» [Чувакин, 2010, с. 16, 22, 23]. Это означает, что именно в тексте как коммуникативном целом наиболее полно проявляется прагматическая составляющая языка, то, что принято называть «человеческим фактором» в языке.

Задача данной статьи – рассмотреть языковые средства, с помощью которых в текстах имиджевых статей формируется целевая установка информирования, и определить особенности их функционирования. Исследование проводится на материале текстов, опубликованных в журнале «Эксперт» и его региональных приложениях «Эксперт-Сибирь» и «Эксперт-Юг» в период с 2008 по 2010 год.

Целевая установка является ситуативным компонентом высказывания, то есть она не заложена прямо в структуре высказывания, но извлекается из него посредством рассмотрения дискурсивной составляющей. Идея о зависимости высказывания от ситуации общения была высказана В.Н. Волошиновым: «Внесловесная ситуация отнюдь не является, таким образом, только внешней причиной высказывания, она не воздействует на него извне, как механическая сила. Нет, ситуация входит в высказывание как необходимая составная часть его смыслового состава» [Волошинов, 1926, с. 251]. В.Н. Волошинов рассматривал категорию социальной оценки как категорию, относящуюся к «внесловесной ситуации», и как один из факторов, определяющих форму высказывания: «Существенная оценка, таким образом, совершенно не заключена в содержании слова и не выводима из него, но зато она определяет самый *выбор* слова и *форму* словесного целого» [Волошинов, 1926, с. 252]. То же самое относится и к целевой установке высказывания.

Эти идеи В.Н. Волошинова были позднее развиты М.М. Бахтиным, который поставил вопрос о взаимосвязи целевой установки и РЖ выразил данную идею в терминах предметно-смысловой исчерпанности высказывания и речевого замысла говорящего: «В каждом высказывании <...> мы охватываем, понимаем, ощущаем речевой *замысел* или *речевую волю* говорящего, определяющую целое высказывания, его объем и его границы. Мы представляем себе, что *хочет* сказать говорящий, и этим речевым замыслом, этой речевой волей (как мы ее понимаем) мы и измеряем завершенность высказывания. Этот замысел определяет <...> и выбор той жанровой формы, в которой будет строиться высказывание» [Бахтин, 1986, с. 270].

Мы, в свою очередь, будем использовать понятие *целевой установки текста* (и синонимичное ему понятие *цели текста*), непосредственно связывающее последний с его создателем.

Выделяя в структуре коммуникативной ситуации вслед за Б.Ю. Городецким коммуникативные и практические цели [Городецкий, 1989, с. 14], мы полагаем, что в целом прагматика жанра имиджевой статьи связана с воздействием, однако воздействие осуществляется посредством реализации конкретных практических задач (воздействие через

информирование, воздействие через убеждение и т.п.). Соответственно, воздействие следует считать наиболее общей глобальной целью текстов данного жанра, понимая при этом, что существуют частные цели, набор которых в каждом тексте индивидуален. Частная цель может быть единичной или же это может быть множество целей, которые ранжируются по степени доминантности в зависимости от каждой конкретной ситуации. Таким образом, необходимо говорить о целевой доминанте – ведущей целевой установке текста. Данное разделение объясняется интердискурсивностью и жанровым разнообразием текстов СМИ (в том числе и PR-текстов, опосредованных через СМИ): «Медиадискурс обладает весьма мощной и разветвленной жанровой системой, включающей тексты различной жанровой природы, что обусловлено стратификацией глобальной коммуникативной интенции оказания речевого воздействия на ряд частных микроинтенций <...> Функция воздействия раскрывается через дополнительные вторичные функции. Число и набор подобных функций варьируется от жанра к жанру» [Желтухина, 2010, с. 25–26].

В ходе анализа текстов имиджевых статей было выявлено, что одним из вариантов целевой установки, характерных для текстов этого жанра, является установка на *информирование* адресата.

Далее охарактеризуем данную целевую установку по следующему принципу: 1) сущность; 2) способы реализации; 3) иллюстративный материал.

Информирование как целевая установка связано с попыткой адресанта передать некоторые сведения адресату, сделать эти данные частью картины мира последнего. В текстах имиджевых статей содержится информация о базисном субъекте PR, его партнерах, непосредственном событии или событиях, связанных с его деятельностью. Отбор и структурирование информации происходят по принципу «правильной расстановки акцентов», иными словами, автор целенаправленно обращает внимание читателя на тот или иной аспект деятельности базисного субъекта PR.

Такая установка реализуется в тексте посредством высокоинформативных языковых единиц, к которым относятся числительные, имена собственные, специальные термины. Рассмотрим в качестве примера серию статей, опубликованных в журнале «Эксперт» под рубрикой «Дискуссии на тему “Сделаем планету разумнее”» (2009: № 33, 35, 39, 45, 48; 2010: № 8, 9, 11, 21). Данные тексты посвящены проблеме рационального использования технологий в современном мире для улучшения качества жизни и уровня общественного развития в целом. Тексты обладают высокой степенью информативности, которая создается за счет большого количества статистических и исторических данных (дат и

цифр). Для удобства представим полученные в ходе анализа результаты в виде таблицы (табл. 1):

Название статьи и выходные данные	Текстовый фрагмент с употреблением высокоинформативных единиц	Вид высокоинформативных единиц
«Удобный момент для реализации новых возможностей?» // Журнал «Эксперт». 2009. № 35	«Мы живем в мире, где каждый день генерируется 43 000 гигабайт информации»	Числительное+термин
«Разумные преобразования IT-систем» // Журнал «Эксперт». 2009. № 33	«Сегодня сервер иногда бывает загружен не более чем на 6% . В некоторых организациях до 30% серверов работают не на полную мощность. Случается, что до 70% бюджета , выделенного на ИТ, можно было бы пустить не на наращивание новых возможностей, а на управление, администрирование , обеспечение безопасности и обновление существующих систем»	Числительное+термин
«Иден начинаются с цифр» // Журнал «Эксперт». 2009. № 48	«Возможно, именно поэтому в прошлом году 80% компаний из первой двадцатки рейтинга 500 крупнейших компаний, составляемого журналом Fortune , проводили оценку своего финансового менеджмента с помощью IBM »	Числительное+термин+имя собственное
«Разумная аналитика для разумной планеты» // Журнал «Эксперт». 2009. № 39	«За последние 50 лет качество и количество информации, доступной руководителям, изменились коренным образом», «С какой же скоростью увеличивается объем цифровой информации? Ее ежедневный прирост в 350 раз превышает фонды всех университетских библиотек США », «Чтобы работать с той же скоростью, с которой сегодня совершаются транзакции , системы должны получать в реальном времени данные о разного рода событиях, сопоставлять и анализировать их, совершать более чем 60 000 действий в секунду, то есть работать в 300 раз быстрее, чем колибри машет крыльшками»	Числительное+термин+имя собственное

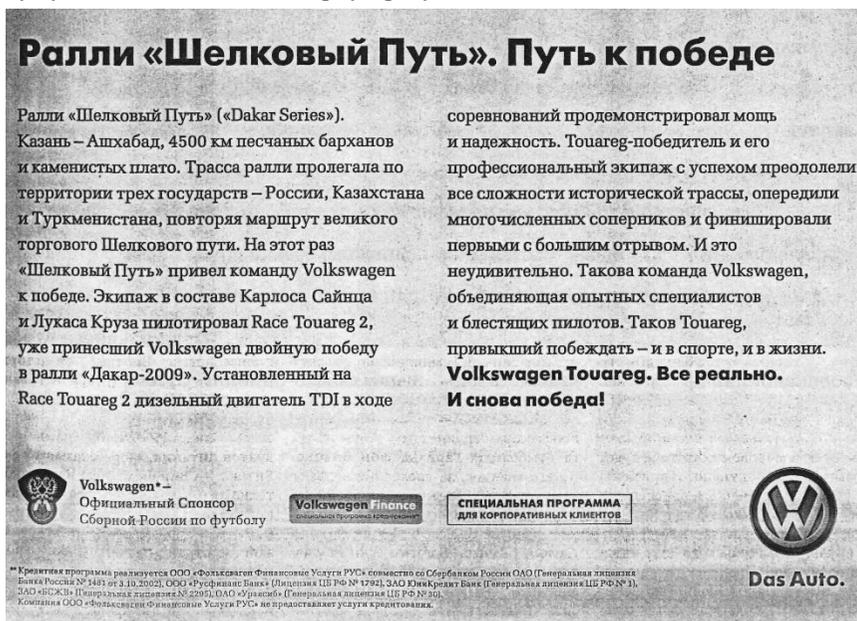
«Растущий бизнес – двигатель разумных перемен» // Журнал «Эксперт». 2010. № 21	<i>«К 2011 году в Интернете будет два миллиарда и триллион соединенных между собой объектов»</i>	Числительное
«Разумное преобразование рабочего процесса» // Журнал «Эксперт». 2010. № 8	<i>«Корпорация IBM в 2006 году привлекла к участию в инвестиционной программе по обмену инновационными идеями своих клиентов, партнеров, сотрудников и членов их семей – всего более 150 тысяч человек из 70 организаций. Было собрано 46 тысяч предложений, и на настоящий момент в реализацию десяти из них IBM уже инвестировала 70 млн. долл., причем за последние два года доход от этих инвестиций составил почти 300 млн долл.»</i>	Числительное+термин+имя собственное
«Планета разумных городов» // Журнал «Эксперт». 2010. № 11	<i>«В 1900 году в городах проживало лишь 13% населения мира. А к 2050 году эта цифра вырастет до 70%», «Сегодня на нашей планете 450 городов с населением более миллиона человек, и они являются генераторами экономической, государственной, культурной и технологической энергии в эпоху глобальной урбанизации»</i>	Числительное+термин

Таблица 1. Использование высокоинформативных языковых единиц для реализации целевой установки информирования.

Прокомментируем примеры, представленные в таблице. В рассмотренных текстах числительные и специальные термины из разных областей знаний (информатика, менеджмент, экономика) используются для создания проблемной ситуации – служат для доказательства существования проблемы, для более объективного ее представления. Случаи употребления имен собственных связаны с введением имени базисного субъекта PR (компания IBM) в контексте описания возможных способов разрешения существующей проблемы.

К синтаксическим средствам реализации установки информирования относятся номинативные предложения. Они выполняют интродуктивную функцию – «вводят, представляют для адресата место, время, обстоятельства, которые являются рамкой дальнейшего повествования, то есть рисуют картину, которую должен себе представить адресат» [Кустова, 2013, с. 86]. Добавим, что в текстах имиджевых статей

интродукция касается прежде всего действующих лиц – тех, кто участвует в описываемом событии. Рассмотрим на примере статьи «Ралли “Шелковый путь”». Путь к победе» («Эксперт». 2009. № 38). Номинативные предложения в начале статьи формируют образ происходящего через описание обстоятельств события (см. рис. 1): «Ралли “Шелковый путь” («Dakar Series»). Казань – Ашхабад. 4500 км песчаных барханов и каменистых плато». Статья посвящена победе команды Volkswagen в одном из престижных гоночных соревнования. В описании обстоятельств события заключено значение сложности соревнования и, как следствие, важности и ценности победы в нем. Данное значение формируется посредством использования распространенных номинативных предложений, в которых в качестве второстепенных членов используются прилагательные (*песчаные барханы, каменистые плато*). Завершается статья следующим фрагментом, в котором также присутствуют номинативные предложения: «*Volkswagen Touareg. Все реально. И снова победа!*». Имя субъекта в данном случае помещается в один контекст со словом «победа», тем самым формируется связь между субъектом и значением триумфа, успеха.

Ралли «Шелковый Путь». Путь к победе

Ралли «Шелковый Путь» («Dakar Series»). Казань – Ашхабад, 4500 км песчаных барханов и каменистых плато. Трасса ралли пролегла по территории трех государств – России, Казахстана и Туркменистана, повторяя маршрут великого торгового Шелкового пути. На этот раз «Шелковый Путь» привел команду Volkswagen к победе. Экипаж в составе Карлоса Сайнца и Лукаса Круза пилотировал Rase Touareg 2, уже принесший Volkswagen двойную победу в ралли «Дакар-2009». Установленный на Rase Touareg 2 дизельный двигатель TDI в ходе соревнований продемонстрировал мощь и надежность. Touareg-победитель и его профессиональный экипаж с успехом преодолели все сложности исторической трассы, опередили многочисленных соперников и финишировали первыми с большим отрывом. И это неудивительно. Такова команда Volkswagen, объединяющая опытных специалистов и блестящих пилотов. Таков Touareg, привыкший побеждать – и в спорте, и в жизни. **Volkswagen Touareg. Все реально. И снова победа!**

 Volkswagen* –
Официальный Спонсор
Сборной России по футболу

 Volkswagen Finance
Специальная программа кредитования

 СПЕЦИАЛЬНАЯ ПРОГРАММА
ДЛЯ КОРПОРАТИВНЫХ КЛИЕНТОВ

 Das Auto.

* Кредиты в программе предоставляются ООО «Фольксваген Финансовая Услуга» (РУС) совместно со Сбербанком России ОАО (Пензенская лицензия Банка России № 1481 от 3.10.2002), ООО «Русфинанс Банк» (Лицензия ЦБ РФ № 1792), ЗАО Юнискредит Банк (Лицензия ЦБ РФ № 1), ЗАО «НСЖВ» и Центральная лицензия № 2295), ОАО «Грифон» (Лицензия ЦБ РФ № 30), Компания ООО «Фольксваген Финансовая Услуга» (РУС) не предоставляет услуги кредитования.

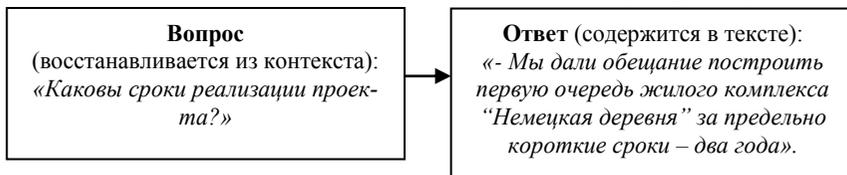
Рис. 1. Статья «Ралли “Шелковый путь”. Путь к победе» («Эксперт». 2009. № 38)

Другой способ усиления информативности текста – применение вопросно-ответной формы изложения материала. В таких случаях автор пытается предугадать те вопросы, которые могли бы возникнуть у аудитории, если бы, например, имел место непосредственный контакт говорящего с ней (ситуация пресс-конференции, встречи с представителями целевой общественности и т.п.). Тексты, в которых реализуется данный способ изложения материала, представляют собой своеобразное самоинтервью, то есть автор интервьюирует сам себя, пытаясь выступать одновременно и от собственного лица, и от лица целевой аудитории. Это позволяет создать эффект вовлеченности адресата в описываемое событие – автор ведет диалог с подразумеваемым читателем. Например, в статье «Citroen пришел надолго» («Эксперт-Сибирь». 2010. № 24-25) большая часть текста построена в виде интервью. При этом интервьюер неизвестен, так как статья не имеет авторской подписи, что позволяет нам предположить, что вопросы были сформулированы самим базисным субъектом PR как наиболее ожидаемые и интересные для целевой аудитории.

Рассматривая в одной из работ различные виды заголовков, мы приводили примеры случаев, когда заголовок построен в виде вопроса, а сам текст статьи представляет собой развернутый ответ на данный вопрос (подробнее см.: [Клинк, 2011]). Такую форму представления материала, мы полагаем, можно отнести к одному из способов выражения целевой установки информирования. Например, в статье «*Кто он – генеральный партнер “Зернового Давоса”?*» («Эксперт». 2010. № 4-5) целевая установка извлекается из текста путем переформулирования вопроса, заявленного в заголовке, в изъяснительное предложение: «Моя цель – рассказать Вам о том, кто является генеральным партнером “Зернового Давоса”».

Разновидностью использования вопросно-ответных конструкций в текстах имиджевых статей является имплицитная форма представления вопроса и эксплицитная форма представления ответа. Речь идет о тех случаях, когда вопросы не выражены вербально, а лишь подразумеваются и могут быть легко восстановлены из контекста. С одной стороны, опущение вопросов может быть связано с экономией места на журнальной или газетной полосе. С другой стороны, подобный способ организации текстового материала наглядно демонстрирует ход мыслей автора – он задает себе вопросы, потенциально интересные аудитории, и выстраивает текст с опорой на базовые тематические блоки, задействованные при формулировании ответов. Пример данной разновидности использования вопросно-

ответной формы изложения содержится в статье «“Немецкая деревня”: от проекта к бренду», в которой речь идет о создании в Краснодаре жилого комплекса «в духе уютных европейских городков» («Эксперт-Юг». 2009. № 42-43). В ответных репликах главных действующих лиц содержится основная информация о проекте создания Немецкой деревни (специфика, сроки реализации и т.п.); вопросы при этом легко восстанавливаются из контекста (см. рис. 2):

Рис. 2. Эксплицитно-имплицитная вопросно-ответная конструкция в статье «“Немецкая деревня”: от проекта к бренду» («Эксперт-Юг». 2009. № 42-43).

Таким образом, особенностью реализации целевой установки *информирования* в текстах имиджевых статей является то, что определенные виды языковых средств направлены на выполнение конкретных практических задач:

- высокоинформативные языковые единицы используются для создания в тексте проблемной ситуации и введения субъекта PR, имеющего средства для решения проблемы;
- номинативные предложения используются для описания события / ситуации;
- вопросно-ответная форма изложения материала, которая становится общим принципом организации текста в целом или его отдельных фрагментов, используется как прием антиципации (предвосхищение ожиданий слушающего) и способ вовлечения адресата в коммуникативный акт.

Использование перечисленных средств в совокупности позволяет автору имиджевой статьи создать в тексте такую ситуацию, при которой адресату необходимо обратиться к базисному субъекту PR для решения проблемы (на схеме далее показано взаимодействие языковых средств и выполняемых ими функций – см. рис. 3):

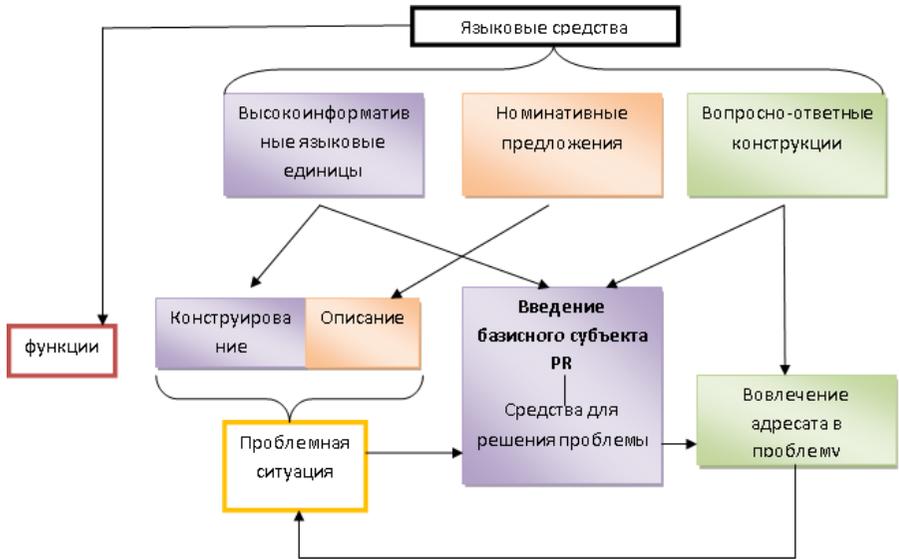

Рис. 3. Взаимодействие языковых средств, формирующих целевую установку информирования в текстах имиджевых статей.

Итак, целевая установка информирования в текстах имиджевых статей формируется с помощью определенных языковых средств (высокоинформативные языковые единицы, номинативные предложения, вопросно-ответные конструкции). Специфика использования языковых средств для реализации этого варианта целевой установки проявляется в их комбинации. При этом каждое средство выполняет свою функцию, а в совокупности они являются звеньями одной коммуникативной цепочки, которая формирует образ события / ситуации в тексте.

Литература

- Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Эстетика словесного творчества. М., 1986.
- Волошинов В. Слово в жизни и слово в поэзии. К вопросам социологической поэтики // Звезда. 1926. № 6.
- Городецкий Б.Ю. Компьютерная лингвистика: моделирование языкового общения // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1989. Вып. 24.
- Грайс Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып. 16.
- Желтухина М.Р. Медиадискурс: структурная специфика // Медиатекст: стратегия

гии – функции – стиль. Орел, 2010.

Зарецкая Е.Н. Риторика: Теория и практика речевой коммуникации. М., 2002.

Клинк Е.И. Заголовок имиджевой статьи как элемент композиции: способы моделирования // Лингвистика, лингводидактика и межкультурная коммуникация. Вып. 5. Томск, 2011.

Колшанский Г.В. Коммуникативная функция и структура языка. М., 1984.

Кустова Г.И. Синтаксис современного русского языка. М., 2013.

Сопер П.Л. Основы искусства речи: книга о науке убеждать. Ростов-на-Дону, 2005.

Чувакин А.А. Текст как объект и предмет лингвистики // Теория текста. М., 2010.

МОДАЛЬНАЯ ОФОРМЛЕННОСТЬ ВЫСКАЗЫВАНИЯ КАК ОДИН ИЗ МАРКЕРОВ НАЦИОНАЛЬНОГО СТИЛЯ КОММУНИКАЦИИ

Л.А. Козлова

Ключевые слова: коммуникация, когнития, национальный стиль коммуникации, модальность, вежливость.

Keywords: communication, cognition, national style of communication, modality, politeness.

«– Щекн, – говорю я, – тебе хотелось бы жить на Пандоре?»

– Нет, мне нужно быть с тобой.

Ему нужно быть. Вся беда в том, что в их языке всего одна модальность. Никакой разницы между “нужно”, “должно”, “хочется”, “может” не существует. И когда Щекн говорит по-русски, он использует эти понятия словно бы наугад. Никогда нельзя точно сказать, что он имеет в виду».

А. и Б. Стругацкие.

В широкой палитре научных интересов А.А. Чувакина вопросы теории коммуникации занимают центральное место. Говоря о задачах теории коммуникации в современном обществе, А.А. Чувакин подчеркивает ее междисциплинарный характер, необходимость ее сотрудничества с другими науками, объектом которых является человек во всех его ипостасях [Чувакин, 2009, с. 103–105]. Данная точка зрения абсо-

лютно созвучна характеристике современной научной парадигмы лингвистики, которая определяется многими исследователями как когнитивно-коммуникативная. Как отмечала Е.С. Кубрякова, языковое явление может считаться адекватно описанным и разъясненным только в тех случаях, если оно рассмотрено на перекрестке когниции и коммуникации» [Кубрякова, 2004, с. 16]. На самом деле, анализировать коммуникативную деятельность без обращения к тому, что делается в голове человека, то есть к работе сознания, может быть, и можно, но вряд ли это продуктивно. Столь же непродуктивны попытки понять, как работает сознание, без обращения к анализу языковых фактов, которые могут приоткрыть «окно» в сознание. Наиболее продуктивным оказывается путь от анализа языковых фактов к гипотезе о том, как работает сознание и далее – к поиску новых фактов для подтверждения гипотезы. Примеры такого подхода находим, например, в работе А. Вежбицкой, которая проводит сопоставление культур через посредство лексики и прагматики, реконструируя т.н. культурные сценарии, которые выстраиваются в сознании в процессе коммуникации и отражают его этнокультурную специфику [Вежбицкая, 2001, с. 126–217].

Сегодня никто не оспаривает тезис об этнической маркированности сознания, которое формируется в различных географических, климатических, политических, экономических, социальных, религиозных и других условиях, оказывающих влияние на наше восприятие и интерпретацию мира с помощью языка, что и обуславливает его этническую маркированность. Совокупность всех вышеперечисленных условий формирует культуру общества, понимаемую в самом широком смысле этого слова как «сложный комплекс представлений, организованный в кодекс отношений и ценностей: традиций, религий, законов, политики, этики, искусства – всего того, чем человек, где бы он не родился, пропитан до самых глубин своего сознания и что направляет его поведение во всех формах деятельности» [Бенвенист, 2002, с. 31].

Основной формой деятельности сознания является язык как «самое человеческое в человеке», а потому именно язык в своих формах, единицах и категориях несет на себе отпечаток культуры того общества, которое использует его в качестве средства общения. Этнокультурный потенциал языковых единиц различных уровней находит свою актуализацию в процессе употребления языка как средства коммуникации (подробнее см.: [Добричев, Козлова, Пшенкина, 2013]). Коммуникативный кодекс, то есть набор конвенций и правил коммуникации, формируется под влиянием тех культурных ценностей и установок, которые сложились в рамках того или иного лингвокультурного сообщества и обеспечивают его жизнедеятельность. Незнание этих правил,

а также сознательное нежелание им следовать (часто под влиянием этноцентризма) может приводить к различным конфликтам как в рамках одной культуры, так и «поверх границ культур».

Актуальность проблемы национально-культурной специфики коммуникации, продиктованная не только теоретической, но практической потребностью – глобализацией мирового сообщества, (а сегодня – миграционными процессами, ставящими под угрозу сохранение европейской культуры), обусловила появление значительного числа работ, в которых данная проблема рассматривается на материале различных языков и культур [Куликова, 2009; Прохоров, Стернин, 2005; Стернин, Ларина, Стернина, 2003 и др.]. Центральным понятием этих исследований является понятие национального стиля, или этностила коммуникации, который определяется Т.В. Лариной как «исторически сложившийся, предопределяемый культурой и закреплённый традицией тип коммуникативного поведения народа, проявляющийся в выборе и предпочтительности определенных средств коммуникации (вербальных и невербальных), используемых в процессе межличностного общения [Ларина, 2009, с. 33].

Национальный стиль коммуникации, отражающий специфику этнического сознания и культурные ценности лингвокультурного сообщества, формируется за счет использования самых различных языковых средств. Его маркерами могут выступать фонетические особенности речи, ее эмоциональная насыщенность, предпочтения в использовании именных или глагольных способов номинации, соотношение эксплицитных и имплицитных способов выражения смысла, модели построения дискурса. Одним из таких маркеров является модальная оформленность высказывания, анализу которой посвящена данная статья. Анализ проводится на материале английского языка, в отдельных случаях для сопоставления привлекается материал русского языка.

Категория модальности является одной из тех языковых категорий, в которых антропоцентрическая сущность языка проявляется наиболее полно. Само определение данной категории включает говорящего («Понятийная категория со значением отношения говорящего к содержанию высказывания и отношения содержания высказывания к действительности...» [Ахманова, 1969, с. 237]).

Несмотря на многочисленные спорные вопросы в области изучения данной категории, которая относится к числу наиболее сложных, а потому наиболее дискутируемых, большинство авторов сходится в мнении о том, что модальность неоднородна по своему составу и функциям, что объясняет целесообразность выделения в ней двух слов, или разновидностей. Первичная (или т.н. объективная) модальность

выражает отношение содержания высказывания к действительности в плане его достоверности, гипотетичности или противоречия реальному положению дел, устанавливаемое говорящим, и, таким образом, входит в состав предикативности, находя свое языковое выражение в грамматических формах наклонения. Вторичная (или т.н. субъективная) модальность также неоднородна и включает деонтическую и эпистемическую виды модальности. Деонтическая модальность выражает отношения между действием, выраженным сказуемым, и субъектом действия, выраженным подлежащим предложения, в плане возможности, невозможности, желательности, необходимости его выполнения и актуализируется модальными глаголами в их первичных значениях, а также словообразовательными показателями, а именно суффиксом – *able* в составе прилагательных (*readable, talkable*). Поскольку она оказывается «встроенной» в предикат, она определяется как *action, or root modality*. Эпистемическая модальность, или модальность мнения (*epistemic, or belief modality*) выражает различную степень уверенности говорящего в достоверности информации, содержащейся в высказывании и, таким образом, представляет собой проекцию говорящего на содержание всего высказывания [Jacobs, 1995, p. 225–226].

Не входя в существо многочисленных дискуссий относительно категории модальности (критический анализ работ по категории модальности см., например, в: [Беляева, 1985; Palmer, 2001; Gisborne, 2007 и др.]), отметим лишь, что термины «объективная» и «субъективная модальность», при всем уважении к традиции и авторитету исследователей, предложивших данные термины (В.В. Виноградов, В.З. Панфилов и др.), представляются нам не вполне удачными как не отражающие сущности различий между двумя видами модальности. Первичная модальность может считаться объективной лишь в том смысле, что она выражает соответствие содержания высказывания истинному положению вещей в объективной действительности. Однако это положение устанавливается говорящим, и именно поэтому в само определение так называемой объективной модальности включается говорящий, то есть субъект высказывания, что и мешает определению данного вида модальности как объективной. Поэтому термины «первичная» и «вторичная» модальность кажутся нам более точными, поскольку они более адекватно отражают разный статус видов модальности: первичная модальность лежит в основе построения предложения и является компонентом предикативности (отсюда ее обязательный характер), а вторичная модальность представляет собой дополнительный слой, выражающий деонтический смысл или эписте-

мическую оценку говорящим истинности информации, содержащейся в высказывании.

Средства выражения как первичной, так и вторичной модальности принимают участие в формировании национального стиля коммуникации. Так, хорошо известно, что, несмотря на наличие прототипического средства выражения побуждения – повелительного наклонения, наиболее частотным средством выражения побуждения в англоязычной культуре являются вопросительные предложения типа «*Could I borrow your pen?*», «*Why don't we postpone it for a while?*», а также косвенные просьбы и даже приказания, как, например, в следующем отрывке, представляющем собой разговор между руководителем и подчиненным: «*Thanks, Brian. I expect you've got work to do.*» *Everthorpe departed with obvious reluctance* (D. Lodge). В таких случаях мы имеем возможность наблюдать, что действуют не столько правила грамматики, сколько правила вежливости. Примечательно, что в таких речевых актах, как приглашение или предложение, не относящихся к числу т.н. ликоущемляющих, употребление императива считается коммуникативной нормой, например: «*Take a seat, please*» (D. Lodge).

В русском языке употребление императива как прототипического способа выражения побуждения считается нормой, а вежливость и уважение к личному пространству собеседника выражаются другими способами: интонацией, использованием вежливого «Вы», уменьшительно-ласкательными формами обращения типа «сестричка», фраз типа «Будьте так добры», разговорного «Будь ласка» и т.п. Асимметрия в средствах использования побуждения в русской и английской лингвокультурах приводит к тому, что в своей англоязычной деятельности русскоязычные коммуниканты нередко переносят коммуникативные конвенции родного языка в свою англоязычную речь, употребляя императив так же часто, как в русском, что свидетельствует о наличии лингвокультурной интерференции.

Наибольший интерес для анализа в лингвокультурологическом аспекте представляет эпистемическая модальность, так как именно в ней находят наиболее полное отражение национально-специфичные концепты и культурные ценности лингвокультурного сообщества. Как показывает сопоставительный анализ средств выражения эпистемической модальности, в английском языке этот вид модальности получает наиболее детальную языковую репрезентацию, что лишь подтверждает культурную значимость тех концептов, которые находят свою актуализацию в этих средствах. Эпистемическая модальность выражается, прежде всего, специальным классом слов – мо-

дальными словами, число которых в английском языке значительно превышает их число в других европейских языках. Так, по данным А. Вежбицкой, английский язык насчитывает 18 модальных слов (*probably, possibly, clearly, evidently, obviously, apparently, supposedly, seemingly, conceivably, undoubtedly, allegedly, reportedly, arguably, unquestionably, likely, certainly, presumably*), что значительно превышает их число в немецком (8), датском (9) и французском (5) [Wierzbicka, 2006, p. 248]. При этом следует учитывать и тот факт, что данный список является принципиально открытым и может пополняться за счет модальных наречий, которые могут отщепляться и переходить в состав модальных слов, а также выступать в качестве операторов эпистемической модальности, оставаясь при этом в составе своего класса, как это происходит с наречием *hopefully*, обладающим достаточно высокой частотностью в современном англоязычном бытовом и публицистическом дискурсе.

Вторым по частотности средством выражения эпистемической модальности являются т.н. перформативные глагольные выражения, или эпистемические глагольные фразы (*epistemic verbal phrases*), называющие речевые и ментальные действия (*I think, I suppose, I believe, I presume, I guess, I suspect, I trust, I perceive, I gather, I am afraid*), число и частотность которых в английском языке также значительно больше, чем в других языках. По данным сопоставительных исследований, частотность «*I think*» в английском устном дискурсе составляет 51 на 10 000 слов, в то время как частотность его датского эквивалента *ik denke* составляет 9 на 10 000 слов, а его немецкого эквивалента *ich denke* – 6 (Aijmer 1997). При этом высокая частотность употребления отдельных перформативных глаголов, таких, как *know*, настолько велика, что это приводит к их десемантизации и превращению в так называемые *conversational hedges*, или *hesitation fillers*.

Высокой частотностью в сфере выражения эпистемической модальности обладают и модальные глаголы, употребляющиеся в своих вторичных значениях, развившихся на основе первичных деонтических значений возможности, позволительности, необходимости. Развитие эпистемических значений модальных глаголов проходило по схеме: *You may go – You are permitted to go → He may be sick – Evidence permits me to think that he is sick* [Jacobs, 1995, p. 234–236].

Наибольшей частотностью в сфере эпистемической модальности обладают глаголы *can, may, must*, менее частотны *will, should, ought*. Глагол *have*, обычно функционирующий как средство выражения деонтической модальности, также может употребляться в эпистемическом значении, выражая высокую степень уверенности говорящего,

основанную на фактах, которые «заставляют, вынуждают так считать», например: *She could sense that he did not want her to comment on either the questions or his answer, but her instant reaction was that whether he admitted it to himself or not, there had to be a connection between his wife's death and the subject of his book* (Clark, 80).

Другими средствами выражения эпистемической модальности являются так называемые модализованные глаголы (*seem, appear*), наречия-аппроксиматоры (*sort of, kind of*), а также т.н. *confirmative questions* (*He is not very competent, is he?*), употребление которых способствует снижению категоричности высказывания, а также интонация, которая может отражать различную степень уверенности говорящего в истинности сообщаемого факта.

Спецификой англоязычного дискурса является высокая плотность средств выражения эпистемической модальности, которые, употребляясь в высказывании, передают широкий спектр различных прагматических значений. Например: «*I don't wish to seem spiteful but I am afraid she can't have been a very nice woman. – Oh, she was a very nice woman*» (S. Maugham). В данном примере средства эпистемической модальности (модализованный глагол *seem*, перформативная фраза *I am afraid*, модалный глагол *can* в эпистемическом значении, в сочетании с приемом недосказа, или преуменьшения (*understatement*) (*she can't have been a very nice woman*), также весьма характерном для англоязычного дискурса, используются говорящим для того, чтобы смягчить отрицательную характеристику, которая дается персонажу в данном высказывании. Ответная ремарка, содержащая положительную характеристику женщины, о которой идет речь, напротив, звучит весьма лаконично и даже несколько категорично.

В следующем примере темой разговора становятся отношения между супругами, и говорящий предваряет каждое свое высказывание перформативной фразой, тем самым подчеркивая, что это лишь его личное впечатление, которое может оказаться ошибочным, даже если он уверен в своих оценках: «*I don't think for a moment that you are in love with your husband. I think you dislike him. I shouldn't be surprised if you hated him. But I'm quite sure that you're afraid of him*» (S. Maugham).

Таким образом, многочисленные и разнообразные средства выражения эпистемической модальности используются в англоязычном дискурсе для выражения постепенности перехода от мнения к знанию и необходимости четко проводить различие между первым и вторым, а также для снижения ассертивности высказывания, представления сообщения как личного мнения и признания иной точки зрения на

обсуждаемую ситуацию. При этом следует отметить, что говорящие иногда выбирают модальные средства очень скрупулезно, особенно в тех случаях, когда это касается таких аспектов, как, например, отношения между странами. Так, высокопоставленный военачальник США в своем интервью вскоре после событий 11 сентября, когда велись активные поиски Осамы Бен Ладена, высказал предположение о том, что тот может скрываться в Пакистане. На второй день, вновь отвечая на вопросы корреспондента, который сказал: «*You said there was a **probability** of Osama bin Laden being in Pakistan*», он поправил корреспондента: «*I did not say there was a **probability**, I said there was a **possibility***». Такая замена существительного *probability* на *possibility*, выражающего меньшую степень уверенности, убедительно демонстрирует то значение, которое придается в англоязычной культуре модальному оформлению своей речи, поскольку оно показывает степень уверенности говорящего в истинности сообщаемых им фактов, а также ответственность говорящего за содержание сообщения. Примечательно, что в данном примере эпистемическая модальность получает свою языковую репрезентацию не в глаголе, а в существительном, однако ее функция остается прежней, что еще раз подтверждает множественность способов языковой репрезентации данного вида модальности. Это различие в модальной оформленности высказывания необходимо учитывать в межкультурной коммуникации. Так, комментируя недавно очередную информацию американских СМИ о том, что во время российских авиаударов в Сирии якобы гибнет мирное население, представитель Минобороны РФ И. Конашенков привел целый ряд убедительных фактов, опровергающих эту информацию. При этом он упомянул и то, что в данных сообщениях американских СМИ используются слова типа «вероятно», что, по его мнению, свидетельствует об отсутствии у них фактов. На наш взгляд, употребление модальных маркеров типа *probably*, *possibly* и т.д. в сообщениях американских СМИ вряд ли может использоваться в качестве аргумента в пользу того или иного мнения, поскольку их употребление в значительной мере продиктовано нормами англоязычного коммуникативного стиля.

Истоки такого понимания функционального назначения эпистемической модальности были заложены еще Джоном Локком, который в своих фундаментальных трудах, оказавших огромное влияние на формирование сознания и традиций не только британской, но и всей англоязычной (американской, австралийской и канадской) культуры, унаследовавшей эти принципы, обосновал необходимость как для развития науки, так и конструктивного общения проводить четкое

различие между знанием и мнением. Эта мысль Дж. Локка наиболее полно представлена в следующем высказывании: *«Our knowledge, as has been shown, being very narrow and we are not happy enough to find certain truth in everything that we have an occasion to consider; most of the propositions we think, reason, discourse – nay, act upon, are such as we cannot have undoubted knowledge of their truth. <...> But there being degrees therein, from the very neighbourhood of certainty and demonstration, quite down to impossibility and unlikeliness, even to the confines of impossibility; and also degrees of assent from full assurance and confidence, quite down to conjecture, doubt and distrust»*. – «Наше знание, как было показано, довольно ограничено, и нам не всегда удается найти истину во всем, что нам приходится рассматривать; большинство суждений, о которых мы думаем, размышляем и дискутируем, и, более того, в соответствии с которыми мы действуем, таковы, что мы не располагаем достаточными знаниями относительно их истинности <...> Поэтому существуют различные степени, от почти полной уверенности и убежденности, до невероятности и неправдоподобности, а также различные степени согласия, от полной уверенности и доверия до предположения, сомнения и недоверия (перевод наш. – Л.К.) (цит. по: [Wierzbicka, 2006, p. 35]).

Вторая, не менее важная идея, высказанная Дж. Локком, тесно связанная с идеей об ограниченности нашего знания и необходимости разграничивать знание и мнение, заключается в необходимости быть осмотрительными и осторожными в своих суждениях и не навязывать собственное мнение другому, заключена в следующих словах: *«It is unavoidable to the greatest part of men, if not all, to have several opinions, without certain and indubitable proof of their truth. <...> For where is the man that has incontestable evidence of the truth of all that he holds, or the falsehood of all he condemns; or can say that he has examined to the bottom all his own, or other men's opinions? The necessity of believing without knowledge, nay often upon very slight grounds, in this fleeting state of action and blindness we are in, should make us more busy and careful to inform ourselves than to constrain others»* – «У большинства, если не у всех людей, может быть несколько (разных) мнений, без неоспоримых доказательств их истинности (правильности). Потому что где найти такого человека, у которого имеется неопровержимое подтверждение истинности того, что считает он, или ложности того, что он осуждает; или который может сказать, что он до конца разобрался в собственном мнении или во мнении других людей? Необходимость верить без достаточного знания, даже часто на незначительном основании, в этом постоянно меняющемся

состоянии действия и неосведомленности, в котором мы пребываем, должна побудить нас к тому, чтобы мы заботились о том, как самим получать знания (стать более информированными), чем ограничивать (сдерживать) других (перевод наш. – Л.К.) (цитируется по [Wierzbicka, 2006, p. 39]).

Эти идеи Дж. Локка имели основополагающее значение для развития англоязычной культуры мышления и общения, и, соответственно, для развития английского языка. В своих трудах Джон Локк показал связь между рациональным, свободным от эмоций мышлением, и уважением к иному мнению (что всегда способствует прогрессу в любой области знаний). Именно на этой основе сформировался принцип толерантности относительно иных взглядов и мнений, правило не навязывать свое мнение другому, тем самым не вторгаясь в его личное ментальное пространство, стремление избегать ассертивности, категоричности высказываний, что в целом позволяет характеризовать английский язык как язык компромиссов, язык, обладающий богатым ресурсом средств, позволяющих избегать конфликтов в общении. Характеризуя специфику научного дискурса в разных культурах, сирийский исследователь Риббани отмечал, что идеал восточного ума – это пророк и всевидящий (в полном соответствии с религиозной традицией), в то время как идеал британского ума – ученый и философ [Ribbany, 1920, p. 81–83].

При этом, говоря о широкой палитре и высокой частотности языковых средств выражения эпистемической модальности как отличительной особенности английского языка, исследователи подчеркивают важность тех культурно-исторических факторов, которые привели к уникальной «модальной сцене» [Aijmer, 1997, p. 39]. К числу этих факторов относится интенсивное развитие научной мысли, которое способствовало становлению идеала английского языка как языка, отвечающего потребности максимально точно выражать научную, свободную от эмоций мысль, а также позволяющего выразить уважение к иному мнению, что является залогом развития любой науки.

С другой стороны, становление Британии как империи, «над которой никогда не заходит солнце», и обусловленная этим потребность в использовании языка для ведения международной политики и дипломатии способствовали развитию таких языковых средств, которые необходимы для достижения компромисса, для ухода от прямых ответов, для развития амбивалентности, недосказанности и имплицатур, которые широко используются в языке дипломатии. Широко известна следующая характеристика английского языка: «*Language is*

deceptive; and though English is subtle it also gives a clever person – one alert to the ambiguities of English – to play tricks with mock precision and to combine vagueness with politeness. English is perfect for diplomats and lovers» (Paul Theroux). – «Язык обманчив, и хотя английский очень хорошо передает различные тонкости, он также позволяет умному человеку, хорошо чувствующему способность английского языка передавать двусмысленность, использовать с мнимой точностью различные приемы для того, чтобы сочетать уклончивость с вежливостью. Английский язык идеально подходит для дипломатов и любовников» (перевод наш. – Л.К.).

Говоря о Франции, В.Г. Гак отмечал, что Франция – это цивилизация цвета, имея в виду тот факт, что французский язык чаще, чем, например, русский, использует для именовании цветовые обозначения: зеленое пространство (сквер), зеленая Европа (соглашение по вопросам сельского хозяйства стран Общего рынка), оранжевая карточка (проездной билет), алая карточка (льготный билет для пенсионеров), серая карточка (техпаспорт автомобиля) [Гак, 2000]. Говоря о Британии и ее языке, можно сказать, что это цивилизация разума (А. Вежбицка именует это сочетанием *cool reason*). Именно эта традиция лежит в основе правила сдержанности суждений, необходимости проведения четких различий между фактами и мнениями, стремлении не навязывать свое мнение собеседнику, избегать излишней категоричности, что находит свое языковое воплощение в использовании широкой палитры средств выражения эпистемической модальности. Весь путь от предположения к признанию чего-то как неоспоримого факта «устлан» многочисленными средствами передачи модальности мнения. Характеризуя Россию, есть все основания утверждать, что это – цивилизация чувства, что находит отражение как в ключевых словах русской культуры, так и в особом характере модальности, чаще всего ассертивной, сочетающейся с эмоциональной оценкой. Очевидно, именно этим можно объяснить наличие большего, по сравнению с английским языком, количества частиц в русском языке, выражающих различные эмоциональные оттенки, и большую частотность их употребления в различных типах дискурса. Ср., например: «А ведь шинель-то моя!» (Н.В. Гоголь). «Что же ты не одета?» (А.С. Пушкин).

По мнению исследователей, *epistemic commitment*, то есть особое внимание, уделяемое эпистемической оценке в английском языке, отличает английский от других языков, и умению использовать эти средства в англоязычном общении должно уделяться много места и времени, поскольку от правильного использования этих средств во

многим зависит успех адаптации к новой культуре [Holmes, 1982, p. 27]. Развивая эту мысль, А. Вежбицка считает, что значимость языковых средств выражения эпистемической оценки сопоставима со значимостью суффиксов вежливости (*honorifics*) в японском языке, без овладения которыми невозможно успешное общение на этом языке [Wierzbicka, 2006, p. 251].

Все сказанное выше позволяет сделать вывод о том, что средства выражения модальности вносят значительный вклад в формирование национального стиля коммуникации, а потому овладение этими средствами в процессе изучения иностранного языка является одним из условий успешного межкультурного общения.

Литература

- Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1969.
- Беляева Е.И. Функционально-семантические поля модальности в английском и русском языках. Воронеж, 1985.
- Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974.
- Вежбицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики. М., 2001.
- Гак В.Г. Язык как форма самовыражения народа // Язык как средство трансляции культуры. М., 2000.
- Добривич С.А., Козлова Л.А., Пшенкина Т.Г. Этнокультурный потенциал языковых единиц различных уровней. Барнаул, 2013.
- Куликова Л.В. Коммуникативный стиль в межкультурном общении. М., 2009.
- Ларина Т.В. Категория вежливости и стиль коммуникации. Сопоставление английских и русских линвокультурных традиций. М., 2009.
- Кубрякова Е.С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1.
- Прохоров Ю.Е., Стернин И.А. Русское коммуникативное поведение. М., 2005.
- Стернин И.А., Ларина Т.В. Стернина М.А. Очерк английского коммуникативного поведения. Воронеж, 2003.
- Чувакин А.А. Коммуникация как объект исследования современной филологии // Университетская филология – образованию: регулятивная природа коммуникации. Барнаул, 2009. Ч. 1.
- Aijmer K. *I think: An English Modal Particle* // *Modality in the Germanic Languages*. Berlin, 1997.
- Carter R., McCarthy M. *Exploring Spoken English*. Cambridge, 1997.
- Gisborne N. *Dynamic Modality*. [Электронный ресурс]. URL: http://www.skase.sk/Volumes/JTL09/pdf_doc
- Holmes J. *Expressing Doubt and Certainty in English* // *RELC Journal*. 1982. № 13(2).
- Jacobs B. *English Syntax. A Grammar for English Language Professionals*. Oxford, 1995.
- Palmer F. *Mood and Modality*. Cambridge, 2001.
- Ribbany A.M. *The Syrian Christ*. Lnd., 1920.
- Wierzbicka A. *English. Meaning and Culture*. N.Y., 2006.

**МУЖ-ВОСПИТАТЕЛЬ:
ГЕНДЕРНАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ
МИХАИЛА ЗОЩЕНКО И НИКОЛАЯ ОСТРОВСКОГО**

А.И. Куляпин

Ключевые слова: сюжет, гендер, пародия, социалистический реализм, мотив.

Keywords: plot, gender, parody, socialist realism, motive.

Знаменитая гегелевская формула «исторические события повторяются дважды: первый раз как трагедия, а второй – как фарс» далеко не всегда отвечает реалиям советской эпохи. Исторические события в культуре 1920–30-х годов могут разыгрываться сначала в виде фарса, и только потом уже – в виде трагедии. Вероятно, этим объясняются факты создания советскими писателями пародий на еще ненаписанные произведения. Парадоксальная вывернутость литературного процесса связана с попытками официозных писателей защитить идеи и ценности, ранее подвергнутые писателями-попутчиками осмеянию. Принципиально новых аргументов «за» близкие к власти литераторы выдвинуть не в состоянии, а значит остается только пафосно повторять то, над чем так весело поиронизировали их более талантливые предшественники.

Зощенко – замечательно тонкий диагност социальных болезней своего времени. Историки и культурологи не случайно так часто приводят его рассказы в качестве наилучшей иллюстрации к той или иной особенности советской жизни. Характеризуя семейную политику двадцатых годов, именно к Зощенко апеллирует В. Паперный. По его мнению, в культуре первого послереволюционного десятилетия устремления государственной власти были «направлены на редукцию семьи до уровня сожигания», «...описание нового отношения культуры к браку находим в рассказе М. Зощенко “Свадьба”» [Паперный, 1996, с. 147, 148].

«Свадьба» (1927), безусловно, яркое, но, пожалуй, не самое наглядное описание нового отношения к браку. В фельетоне «Брачный аппарат “Тустеп”» (1928) Зощенко вообще предлагает «полностью механизировать» регистрацию браков и оформление разводов, установив уличные автоматы, при помощи которых за гривенник можно «без задержек» провести эти процедуры [Зощенко, 1991, с. 295–296]. Еще интереснее и масштабнее та же тема решена в рассказе «Горько» (1929). Герой этого рассказа подобно Витьке Завитушкину из «Свадь-

бы» паразитально легко заключает и расторгает браки, но в отличие от него подводит под свои поступки серьезную идеологическую платформу.

«Ответственный работник товарищ П.» разводится со своей прежней женой и женится на барышне, выражающей собой *«мелкобуржуазную стихию»* [Зошенко, 2000, с. 722, 723]. Делает он это для того, чтобы *«заново ее воспитать и привить ей новые взгляды»*. Верочка – *«безусловно, так сказать, чуждый элемент»*, но, – заверяет товарищ П., – *«не пройдет и полгода, как все это переменится, и это будет вполне сознательный товарищ, спутник трудовой жизни, полноправный гражданин, у которого на первом месте классовый интерес, а уж потом все такое остальное»* [Зошенко, 2000, с. 723].

Опыт по перековке человеческого материала блестяще удается: *«меньше чем через полгода эта барышня очень удивительно переменялась к лучшему»*:

«Она перестала мазать свои губки. Она пошла себе длинные платьица. Она начала ходить с портфельчиком. И так далее, и тому подобное.»

Короче говоря, это была воспитательная работа, достойная всеобщего удивления.

В короткое время пустую барышню он превратил в достойного спутника своей жизни, с которым он пошел рука об руку к намеченным идеалам.

Правда, шли они так недолго. Месяца два или полтора, чего-то вроде этого. После чего тов. П. развелся с ней и женился на другой молодой барышне» [Зошенко, 2000, с. 724].

Несложно догадаться, что история повторится, и, судя по всему, не один раз.

Зошенко верен своей обычной тактике – утверждая нечто, он тут же подрывает к этому утверждению доверие. Перевоспитать человека можно, но человеческая природа останется неизменной, – примерно так можно передать мысль сатирика.

Зошенко еще до того, как каноны соцреализма были окончательно закреплены в творчестве писателей тридцатых годов, представил принципиально важные для этого направления мотивы в комическом освещении. «Истинным мужем», по наблюдению М. Литовской и Е. Созиной, литература соцреализма признает только того, кто «выполняет функцию вожакого-учителя» [Литовская, Созина, 2004, с. 286]. Опережающая пародия Зошенко вряд ли могла бы смутить Н. Островского, даже в том случае, если бы он был с ней знаком. В

романе «Как закалялась сталь» (1934) Павка Корчагин выведен как раз таким мужем-воспитателем, над которым горько посмеялся Зощенко.

Островский ориентируется, разумеется, не на Зощенко, а на Чернышевского. «Расширение умственных горизонтов женщины с целью ее освобождения легло в основу тактики русского феминизма и было распространенным занятием молодежи» 1850–60-х годов. В этой атмосфере «брак, осознаваемый как долг, превращается в дело спасения женщины» [Паперно, 1996, с. 84, 113–114].

Корчагин спасает Таю Кюцам из мещанского болота, подобно тому, как в романе Чернышевского «Что делать?» спас Веру Павловну Лопухов, правда, брак героев Островского не фиктивен изначально.

«– Заваруха в семье только начинается. Отсюда надо выбирать-ся на свежий воздух, подальше от этого гнезда, – убеждает Корчагин Таю. – Жить надо начинать заново. Раз уж я в эту драку влез, будем доводить ее до конца. И у тебя и у меня личная жизнь сейчас безрадостна. Я решил запалить ее пожаром. Ты понимаешь, что это значит? Ты станешь моей подругой, женой? <...>

Я уже решил: союз наш заключается до тех пор, пока ты не вырастешь в настоящего, нашего человека, а я это сделаю, иначе грош мне цена в большой базарный день. До тех пор мы союза врать не должны. А вырастешь – свободна от всяких обязательств. <...>

– Сейчас же я предлагаю тебе дружбу и любовь» [Островский, 1955, с. 385–386].

Свое предложение Тае Корчагин делает сразу после того, как произносит *«последнюю свою речь на большом собрании»* [Островский, 1955, с. 384]. Надежд на выздоровление больше нет – только став негодным для борьбы в большом мире, он собирается заняться обустройством личной жизни, что означает для него «запалить ее пожаром».

Корчагин воспроизводит, в этом отношении уже невольно, модель поведения даже не Лопухова, а самого Чернышевского. Как показало исследование И. Паперно: «Чувство неполноценности побудило Чернышевского искать такую невесту, чье положение улучшилось бы благодаря браку с ним» [Паперно, 1996, с. 89]. Корчагин выбирает Таю в спутницы жизни в точке невозврата к нормальной телесности.

Впрочем, чувство неполноценности определяло гендерное поведение Корчагина (и еще ряда мужских персонажей романа) и до обострения болезни. Как типичный герой соцреализма он соединяет «эротический мазохизм с политическим» [Смирнов, 1994, с. 257]. Павка всегда пасует перед женщинами. Симптоматична сцена его знакомства с Анной Борхарт:

«Девушка, слушая шутовское представление Дубавы, рассматривала Корчагина. Поправила выбившийся из-под сиреневой повязки вихор волос.

С глазами Корчагина встретилась – несколько секунд длилось немое состязание. Глаза ее, иссиня-черные, вызывающе искрились. Пушистые ресницы. Павел отвел взгляд на Дубаву. Почувствовал, что краснеет, невольно нахмурился» [Островский, 1955, с. 215].

Бегство Павки от любви суперполноценной Риты Устинович к робкой, задавленной отцом-тираном Тае Кюцам закономерно. Не зря сцена знакомства Корчагина с Таей зеркальна по отношению к сцене его знакомства с Анной Борхарт: *«Здороваясь с Павлом, она смущенно подала ему руку и до кончиков маленьких ушей покраснела перед незнакомым молодым человеком. Павел не сразу отпустил ее крепкую, с ощутимыми бугорками мозолей руку»* [Островский, 1955, с. 374]. От роли воспитуемого, в положении которого Павка был во время политечебы у Риты Устинович, он переходит к роли вожатого-учителя.

План, намеченный Корчагиным, реализуется полностью. Его союз с Таей плавно трансформируется в «комфракцию», так он именуется свою семью после того, как Тая сообщает: *«я кандидат партии»*. *«– Итак, товарищ Корчагина, мы с тобой составляем комфракцию»*, – говорит Павел [Островский, 1955, с. 394]. Переход на канцелярский язык совершенно неуместен, но как бы комично не звучала пафосно-официозная фраза Корчагина, напрасно было бы искать здесь авторскую иронию. При этом объективно сквозь текст Островского просвечивает второй план, в котором легко опознать стиль Зоценко.

По мере превращения Таи из подружки в товарища семейные связи становятся для нее все менее обременительными:

«Мало видит ее Павел. Чем глубже уходит она в работу, тем реже у нее свободные вечера, и Павлу вспоминаются слова Берсенева:

“Если у большевика жена – товарищ по партии, они редко видят друг друга. Тут два плюса: не надоедят друг другу, и ссориться некогда!”

Что же он может возразить? Этого надо было ожидать. Были дни, когда Тая отдавала ему все свои вечера. Тогда было больше теплоты, больше нежности. Но тогда она была только подружкой, женой, теперь же она воспитанница и товарищ по партии.

Он понимал, что чем больше будет расти Тая, тем меньше часов будет отдано ему, и принял это как должное» [Островский, 1955, с. 397].

Сходство сюжетов Островского и Зоценко усиливается благодаря намеку на потенциальную серийность действий Корчагина. Еще до

встречи с Тайей он старается «привить новые взгляды» («серенькой мешаночке») Муру Волынцевой. Во время вечеринки Мура очень недвусмысленно кокетничает с Корчагиным, он же спешит перевести эротический дискурс в политический. Тем не менее, когда Мура вместе с Павлом покидает вечеринку, ее подруга многозначительно роняет: «*Ого! Заело, значит?*» [Островский, 1955, с. 285].

Как ни странно, в своих любовных увлечениях идейно закаленный большевик Корчагин беспартиен. В поле его внимания попадают и интеллигентка Тоня Туманова, и коммунист Рита Устинович, и мешанка Тая Кюцам. Под запретом только чувство к аристократкам.

Любовь рабочего к аристократке – общее место литературы 1920–30-х годов. Одна из самых колоритных и показательных вариаций на эту тему появляется в романе В. Зазубрина «Горы» (1933). Герой романа рассказывает о своих любовных похождениях времен революции:

«Обернулся я, значит, в Питер. Дурь женская из головы у меня не выходит. Приглядел одну, дознался – настоящая столбовая графиня. Свела меня с ней старуха, бывшая ее стряпка. Насильничать я не любитель, купил ее за два пуда ржаной муки и фунт сала свиного. Выдача пайковая ей была легкая, как нетрудовому элементу, на день осьмушка семечек подсолнечных. Взошел я в графскую спальную. На полочках безделушки, недотрожки. Постеля – узоры, цветочки, кружева. Взял я свою графиню за белы рученьки, повалил на подушки. Сапоги из озорства не снял. Простыни, одеяло вывозил дегтем и грязью, ровно по ним мужик на телеге проехал. Не поглянулась мне графиня.

Встал я с постели в сердцах, плюнул и матерное выражение сказал» [Зазубрин, 2012, с. 105].

Массовое увлечение историями о любви большевика к аристократке вскоре стало предметом пародий. В повести С. Крижановского «Возвращение Мюнхгаузена» известный своей правдивостью барон, изучая проблемы советской семьи и брака по книгам и газетам, обнаруживает и в самом деле существенное противоречие: «*Кипы советской беллетристики привели меня к чрезвычайно отрадным выводам и прогнозу: в то время как газеты твердят о непримиримой ненависти класса к классу, беллетристика их не признает никакой иной любви, кроме как любви чекиста к прекрасной белогвардейке, красной партизанки к белому офицеру, рабочего к аристократке и детитулированного князя или графа к простой черноземной крестьянке»* [Крижановский, 2001, с. 207].

Зошенко разрабатывал фабулу о любви нового человека к аристократке и в серьезном, и в комическом ключе. Этой теме посвящен один из первых его рассказов – «Любовь» (1922). По свидетельству жены

писателя, этот рассказ был написан отчасти под влиянием «сватовства» к ней юного комиссара Коли Брыкина, «отчасти под влиянием истории Шуры Николаевой, кот<орая> в действительности выходила в ту зиму замуж за “пролетария” – какого-то комиссара, большевика... И эта история почему-то сильно волновала тогда Михаила... <...>» [Михаил Зошенко, 1997, с. 63]. Истории эти взволновали Зошенко потому, что он, как и его герой, увидел тут «историческую перспективу»: *«Тут, ух как широко! Тут, можно сказать, – история. Да-с, история и инстинкт женщины. Скажем, через сорок лет голубую кровь, хе-хе, им перельем»* [Зошенко, 2000, с. 57].

В.В. Зошенко утверждает, что в лице длинноусого инженера, безропотно смирившегося с уходом жены к новому человеку, Зошенко «отчасти изобразил себя, вернее – одного из представителей интеллигенции, кот<орая> не могла, не умела ни сильно чувствовать, ни бороться за свою любовь, за свою “женщину”... А в уста героини рассказа, Натальи, вложил он мою фразу, кот<орую> порой в минуту раздражения его пассивностью, кажущейся мне бездеятельностью, я бросала ему – “неживой ты! Сделай что-нибудь!..”» [Михаил Зошенко, 1997, с. 64]. Героиня рассказа «Любовь» действительно повторяет слова В. В. Зошенко: *«Не живой ты. Ну, сделай что-нибудь человеческое. Убей меня, что ли, Гришку, наконец, убей»* [Зошенко, 2000, с. 57].

В середине 1930-х годов у самой В.В. Зошенко завязался роман с кадровым партийным работником Николаем Авдашевым. В дневнике она называет причину, подтолкнувшую ее к измене: «Как ни странно – только с ним, “большевичком”, с таким простым человеком, мне, изломанной интеллигентке, было по-настоящему хорошо...» [Михаил Зошенко, 2002, с. 14].

Под влиянием философии Ницше в мире раннего Зошенко возникла поляризация двух мужских образов – «зверя» и «неживого человека»: «Первый из них связывается Зошенко со здоровым, волевым, жизнеспособным, но нерефлектирующим и некультурным началом, а второй – с рефлектирующим, культурным и утонченным, но “мертвым” и безвольным» [Кадаш, 1996, с. 5]. В рамках этой классификации Гришка – конечно, «зверь», а длинноусый инженер – «неживой человек». Зошенко еще в начале 1920-х годов предугадал, что выбор «аристократок» будет однозначным. Героини Зошенко, как и его жена, отдают предпочтение «зверю».

Тот же выбор и по сходным мотивам делает героиня Островского. Павка Корчагин привлекает Тоню Туманову именно тем, что он «живой», в отличие от мужчин из ее окружения. Тоня восхищается им: *«Сколько в нем огня и упорства! И он совсем не такой грубиян, как*

мне казалось. Во всяком случае, он совсем не похож на всех этих слюнявых гимназистов...» [Островский, 1955, с. 71].

Как бы ни тянуло «аристократок» к «простым людям» и «простых людей» к «аристократкам», союз между ними не мог быть прочным. «Не поглянулась» графиня герою В. Зазубрина, столь же быстро разочаровываются в аристократках персонажи Зошенко и Островского. Характерно совпадение сюжетов и даже фраз у этих представляющих противоположные полюса советской литературы, и совершенно непохожих писателей.

«Аристократка» Зошенко начинается с откровенного признания рассказчика: *«Я, братцы мои, не люблю баб, которые в шляпках. Ежели баба в шляпке, ежели чулочки на ней фильдекосовые, или мопсик у ней на руках, или зуб золотой, то такая аристократка мне и не баба вовсе, а гладкое место»* [Зошенко, 2000, с. 233].

Герою Зошенко вторит Павел Корчагин. На двусмысленно соблазнительную фантазию Нелли Лецинской он отвечает со всей пролетарской прямоотой:

«– Что бы вы со мной сделали, если бы вам удалось взять Варшаву? Тоже изрубили бы в котлету или же взяли бы себе в наложницы?»

Она стояла в дверях, грациозно изогнувшись; чувственные ноздри, знакомые с кокаином, вздрагивали.

– Кому вы нужны? <...> Я бы тебя даже как бабу не взял – такую!» [Островский, 1955, с. 282–283].

С персонажами Зошенко и Островского не поспоришь, назвать аристократок «бабами» язык, действительно, не поворачивается.

Интересно, что во всех рассмотренных выше примерах пародия появляется раньше объекта пародирования. Ю.Н. Тынянов в свое время писал: «Если пародией трагедии будет комедия, то пародией комедии может быть трагедия» [Тынянов, 1977, с. 226]. Эта формула подходит и к описываемому случаю. Впрочем, комедия Зошенко не так уж и смешна, а трагедия Островского не лишена элементов комизма.

Литература

Зазубрин В.Я. Горы // Зазубрин В.Я. Алтайская баллада. М., 2012.

Зошенко М.М. Уважаемые граждане: Пародии. Рассказы. Фельетоны. Сатирические заметки. Письма к писателю. Одноактные пьесы. М., 1991.

Зошенко М. Сочинения. 1920-е годы: Рассказы и фельетоны. Сентиментальные повести. М.П. Синягин. Ранняя проза. СПб., 2000.

Кадаш Т.В. Мировоззренческие аспекты творчества М. Зошенко: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1996.

Кржижановский С. Возвращение Мюнхгаузена // Крижановский С. Клуб убийц букв. Собрание сочинений. СПб., 2001. Т. 2.

- Литовская М., Созина Е. От «семейного ковчега» к «красному треугольнику»: адюльтер в русской литературе // Семейные узы: Модель для сборки. М., 2004. Кн. 1.
- Михаил Зошенко. Материалы к творческой биографии. СПб., 1997. Кн. 1.
- Михаил Зошенко. Материалы к творческой биографии. СПб., 2002. Кн. 3.
- Островский Н. Как закалялась сталь // Островский Н. Собрание сочинений: в 3-х тт. М., 1955. Т. 1.
- Паперно И. Семиотика поведения: Николай Чернышевский – человек эпохи реализма. М., 1996.
- Паперный В. Культура «Два». М., 1996.
- Смирнов И.П. Психодиахронология. Психоистория русской литературы от романтизма до наших дней. М., 1994.
- Тынянов Ю.Н. Достоевский и Гоголь (к теории пародии) // Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977.

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ КАК ДОМИНАНТА ИДИОСТИЛЯ ПУБЛИЦИСТА¹

Е.А. Нахимова, А.П. Чудинов

Ключевые слова: политическая коммуникация, прецедентные феномены, идиостиль публициста, доминанта политического текста, доминанта идиостиля, связность и цельность текста.

Keywords: political communication, precedent phenomena, idio-style of a political writer, dominant feature of a political text, dominant feature of idiostyle, text coherence and integrity.

Проблемы исследования индивидуального стиля автора с давних пор привлекают внимание А.А. Чувакина, который максимально детально рассмотрел идиостиль В.М. Шукшина и подготовил уникальный трехтомный словарь-справочник [Творчество В.М. Шукшина..., 2004–2007]. Интерес к языку и стилю литераторов обнаруживается и в творчестве других представителей «чувакинской» научной школы. В последние годы внимание специалистов все больше привлекают черты индивидуальных стилей не только писателей, но и журналистов, политических лидеров, ученых. Не менее показательный процесс – расширение круга явлений, которые рассматриваются с точки зрения поиска признаков, которые определяют творческую индивидуальность автора.

---

¹ Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда: проект 14-04-00268 «Политическая лингвистика: проблематика, методология, аспекты исследования и перспективы развития научного направления».

К числу таких явлений в полной мере относится использование прецедентных феноменов.

Для современной политической коммуникации характерно активное использование прецедентных феноменов, что способствует восприятию текста как частицы общего политического дискурса и – шире – как элемента национальной культуры (В.Н. Базылев, Д.Б. Гудков, Н.И. Клушина, В.В. Красных, Н.А. Кузьмина, Е.А. Нахимова, С.И. Сметанина, Г.Г. Слышкин, А.П. Чудинов и др.). Современные политические тексты часто создаются и воспринимаются как своего рода диалог с другими текстами: автор развивает и детализирует высказанные ранее идеи, полемизирует с ними, дает свою интерпретацию фактов, подчеркивает собственную позицию на фоне обширного дискурса. Такой текст оказывается насыщенным множеством прецедентных имен и ситуаций, отсылок к прецедентным высказываниям и текстам, аллюзий и реминисценций, прецедентных метафор и устойчивых выражений. Полное восприятие такого текста возможно только в дискурсе, с учетом множества фоновых знаний из различных областей знания.

Многообразны функции прецедентности в политических текстах. Д.Б. Гудков, один из наиболее авторитетных специалистов в этой сфере науки, выделяет для прецедентных феноменов следующие функции: экспрессивную, оценочную и парольную [Гудков, 2003, с. 157–158]. С.И. Сметанина, рассматривая прецедентные феномены в медиатекстах, указывает, что они «интеллектуализируют изложение, формируют новые смыслы, своеобразно вводя событие текущей жизни в общеисторический и культурный контекст» [Сметанина, 2002, с. 123]. По мнению Н.В. Немировой, прецедентность контекста «позволяет наиболее ярко выразить политические пристрастия автора-публициста» [Немирова, 2003, с. 153]. В публикациях Н.И. Клушиной выделены две основные тенденции в использовании антропонимов в современном газетном языке. Первая из них состоит в экспрессивной игре со словом, которая призвана привлечь внимание читателя. Вторая тенденция – идеологическое использование антропонима, «когда он становится оценкой (часто противоречащей сложившемуся в обществе этическому канону), являясь грозным оружием в руках умелых журналистов» [Клушина, 2002, с. 53]. Другие специалисты выделяют следующие функции прецедентных феноменов:

- оценочную (А.А. Филинский, Д.Б. Гудков, В.Н. Базылев, Е.В. Михайлова, Ю.А. Гунько, О.А. Ворожцова);
- поэтическую, к которой близки эстетическая и декоративная (Н.В. Васильева, А.А. Филинский, Е.В. Михайлова,

- О.А. Ворожцова, Н.А. Фатеева, Г.Г. Слышкин);
- экспрессивную (В.Н. Базылев, О.А. Ворожцова, Д.Б. Гудков, Ю.А. Гунько);
  - консолидирующую, к которой близка парольная и опознавательная функции (В.Н. Базылев, Д.Б. Гудков, Г.Г. Слышкин, А.А. Филинский);
  - номинативную, а также близкие к ней референтивную и референционную (О.А. Ворожцова, Е.В. Михайлова, Г.Г. Слышкин, А.А. Филинский);
  - коммуникативную (О.А. Ворожцова, Ю.А. Гунько, Н.А. Фатеева);
  - людическую, связанную с языковой игрой, привлечением внимания к формальной организации текста (Г.Г. Слышкин, М.В. Терских, А.П. Чудинов);
  - прагматическую (О.А. Ворожцова, С.Л. Кушнерук, Ю.Б. Пикулева, М.В. Терских).

Особый интерес представляют случаи, когда прецедентные феномены образуют в тексте своего рода систему, которой присущи сильные внутритекстовые и дискурсивные связи. Эта система может выступать как стилистическая доминанта текста, обеспечивать его связность и цельность, она усиливает эстетическую значимость и прагматический потенциал текста, обеспечивает его интертекстуальность и связи с общим политическим дискурсом.

В качестве примера рассмотрим комплекс прецедентных феноменов в статье Вячеслава Костикова «Партбилет для Буратино», опубликованной в газете «Аргументы и факты» (2015, № 19). Уже в заголовке статьи использовано прецедентное имя «Буратино», которое весьма активно используется в современной политической коммуникации [Нахимова, 2007]. Использование названного обозначения обычно носит иронический характер и позволяет выразить негативное отношение к субъектам соответствующей ситуации, а также многие иные концептуальные смыслы. Вместе с тем яркие аллюзии, связанные с широко известным произведением, легко воспринимаются читателями и помогают автору ярко представить важные детали, образно охарактеризовать соответствующую ситуацию и ее активных субъектов.

Показательна иллюстрация к статье: на фоне советского герба изображен В.И. Ленин, с атрибутами Буратино (колпак, длинный нос, золотой ключик и др.) и семь стилизованных деревянных человечков в легко узнаваемых колпаках. Подобное взаимодействие изобразительного ряда и вербальных знаков весьма характерно для современных СМИ.

Интересно, что в концовке статьи Вячеслав Костиков вновь обращается к прецедентному миру «Приключения Буратино», то есть рассматриваемый образ оказывается в наиболее сильных позициях текста, что очень характерно для текстовой доминанты. Ср.:

*Есть опасение, что новая стратегия воспитания выдаст нам не новых Курчатовых, Сахаровых, Лихачевых и Гагариных, а обеспечит массовое производство обтесанных под шаблон, веселеньких и неунывающих во время кризисов **Буратино**. Интересно, какие характеристики Академия российских патриотов будет выдавать своим выпускникам. Может быть такие?*

*«Патриот, сторонник особого пути, защитник русского мира **от кота Базилио**. Социально активен. В порочащих связях с **лисой Алисой** не замечен. К врагам партии безжалостен. Характер еловый, при встрече с врагами легко воспламеняется. В быту неприятязателен. Хобби: резьба по дереву, песни у костра. Особые приметы: любит вставать с колен»...*

Отметим, что в рассматриваемой концовке используются еще две активные в современной российской политической коммуникации смысловые сферы-источники, образующие яркие прецедентные миры. Первая из них – это «мир Штирлица» – героя культового советского сериала «Семнадцать мгновений весны», снятого режиссером Татьяной Лиозновой. Характеристика Буратино – по существу перифраз партийной характеристики Штирлица: *«Истинный ариец. Характер нордический, выдержанный. С товарищами поддерживает хорошие отношения. Безукоризненно выполняет служебный долг. Беспощаден к врагам рейха. Отличный спортсмен. Холост; в связях, порочащих его, замечен не был».*

Еще один актуальный для рассматриваемой статьи прецедентный мир – это имена выдающихся деятелей отечественной науки и культуры (в широком смысле), а также литературных героев, символизирующих «героев своего времени». Уже в первом абзаце основного текста статьи использован весьма характерный для Вячеслава Васильевича Костикова прием – перечисление прецедентных имен, символизирующих «героев своего времени». Ср.: *В последние месяцы разгорелась дискуссия о «стратегии воспитания». О том, какой «новый человек» нужен стране. Мы ведь без нового человека не можем! То нам Печорина подавай, то Базарова, то Веру Павловну, то Павку Корчагина, то Стаханова. Традиция, однако...*

Активное использование разнообразных прецедентных феноменов, символизирующих «героев своего времени», продолжается и в последующем тексте. Ср.: *Росмолодежь уже затребовала из бюджета*

та 2 млрд рублей. На эти деньги наши новые Уваровы обязуются увеличить производство Павликов Морозовых и Корчагиных на 8%.

Автор постоянно использует также прецедентные имена политических лидеров и моральных авторитетов, символизирующих атмосферу той или иной эпохи (*Ленин, Сталин, Немцов, Достоевский, Лесков, Горький*), а также обогащает повествование за счет широко известных прецедентных высказываний (*каждая кухарка может управлять государством, человек как винтик в государственном механизме, широк русский человек, я бы его сузил, двухминутки ненависти, патриот, труженик, солдат и православный семьянин в одном флаконе*).

Рассматриваемый прием – весьма характерен для авторского стиля Вячеслава Костикова. В качестве еще одного примера рассмотрим особенности комплекса прецедентных феноменов в статье «Возвращение «лишних людей», имеющей подзаголовок «Молодой россиянин на фоне Кремля» («Аргументы и факты». 2014. № 7). Уже в самом заглавии статьи использовано прецедентное наименование «лишние люди» (восходит к названию повести И.С. Тургенева) и прецедентное имя «Кремль», которое выступает как традиционный в России символ властных структур. Активное использование прецедентных феноменов характерно и для других сильных позиций рассматриваемого текста.

Как отмечается в лиде, *«образ молодого россиянина и в жизни, и в литературе, и в кино, претерпел множество изменений. Героев было много, и все они так или иначе отражали политические, социальные, экономические и нравственные поиски и шатания России»*. Такой лид заставляет читателя предположить, что автор обратится к последовательному анализу доминантных антропонимов, символизирующих различные исторические эпохи. Эти ожидания в полной мере оправдываются.

Основной текст начинается с развернутой метафоры, включающей доминантные для соответствующей эпохи имена и словосочетания. Ср.:

После революции Россия шумно и без большого сожаления похоронила прежних кумиров: Онегиных, Ленских, Печориных, Обломовых, Чацких, «трех сестер» и даже «дядю Ваню» – всех этих вечно сомневающихся, «лишних (по выражению Тургенева) людей». Похоронены были все, кто олицетворял нравственные и сердечные метания России XIX века.

В следующем фрагменте сосредоточено множество прецедентных феноменов атрибутов, относящихся к эпохе социалистической революции и гражданской войны. Ср.:

Новому поколению, рожденному революцией и вышедшему из крестьянского тулупа, матросского бушлата и солдатской шинели, было не до душевных сомнений. Матрос с крейсера «Аврора», пальнувший в Зимний из корабельной пушки, не сомневался в новой революционной правде. Как не сомневались и Любовь Яровая, и Анка-пулеметчица, и простодушный чапаевец Петька. Все они отреклись от «старого мира» и были нацелены (как пелось в первом гимне новой эпохи «Интернационале») на разрушение «до основанья, а затем...». О том, что будет построено на пепелище, поколение, рожденное революцией, не думало. Страна заговорила. «Мы наши, мы новый мир построим, – Кто был ничем, тот станет всем». Молодежь училась жить без Бога, без истории, без памяти.

В данном фрагменте стилистическую доминантность обеспечивают прецедентные антропонимы *Любовь Яровая, Анка-пулеметчица, чапаевец Петька*, прецедентный кароним «*крейсер «Аврора»*», прецедентные выражения (в том числе трансформированные) *отречемся от «старого мира», «до основанья, а затем...», «Мы наши, мы новый мир построим, – Кто был ничем, тот станет всем»*, прецедентное название партийного гимна «*Интернационале*»). Рассматриваемый комплекс дополняют прецедентные атрибуты *поколение, вышедшее из крестьянского тулупа, матросского бушлата и солдатской шинели*, обозначение прецедентной ситуации «*выстрел «Авроры» по Зимнему дворцу (матрос с крейсера «Аврора», пальнувший в Зимний из корабельной пушки)*». Далее в тексте следуют упоминания о «гнилой интеллигенции», «философском пароходе» и старом миропорядке, ошельмованном «Демьянами Бедными».

В сознании современников и потомков каждая историческая эпоха олицетворяется комплексом доминантных прецедентных феноменов. Поэтому вполне закономерно, что центром следующего фрагмента стал Павка Корчагин, а среди героев войны с фашистами названы «герои-краснодонцы, Маресьев, женщины-летчицы, отважные разведчики и партизаны». Послевоенный период обозначен как «преодоление новой разрухи, стройки коммунизма, покорение целины, освоение Севера и – как апофеоз советского героизма – космонавты с молодым, улыбчивым Юрием Гагариным».

При обращении к современности снова активно используются прецедентные феномены. Автор начинает с главных вопросов: «Каков нынешний облик молодого россиянина? О чем думают, чем живут, о чем мечтают нынешние Павка Корчагин и Любка Шевцова? Есть ли среди них «лишние люди»?». Вспоминая прецедентные строки Владимира Маяковского «Я себя под Лениным чищу, чтобы плыть в револю-

цию дальше...», Вячеслав Костиков спрашивает: *«А под кем чистят себя нынешние 17–20-летние? С кого они лепят свой образ? С Путина, Медведева, Зюганова, Жириновского? Или им ближе Шевчук, Макаревич или (прости Господи) Навальный или Удадьцов?»*.

Чтобы ответить на этот вопрос, автор обращается к исследованию, проведенному Комитетом гражданских инициатив под руководством Алексея Кудрина, которое показало, что в новом поколении не так уж много «желающих осваивать целину, раздуть новые домны, строить дороги и даже лететь в космос». Вместо этого предпочитают «гарантированную работу под руководством авторитетного руководителя» и хорошую зарплату.

Причины создавшегося положения Вячеслав Костиков видит в том, что в последние годы в стране «первыми и самыми высокооплачиваемыми лицами стали финансисты, маркетологи, юристы и пиарщики». Это положение развивает яркая гипербола, в которой опять же используются прецедентные имена: *«Высоко ценятся пресс-секретари. В России их уже, похоже, миллионы. И мало кто удивится, если собственные «песковы» и «маркины» появятся у дворников и протитуток»*.

Разумеется, далеко не все прецедентные феномены использованы в настоящем тексте одинаково удачно. Это относится, в частности, к обозначению профессии пресс-секретаря при помощи прецедентных имен «песковы» и «маркины». Едва ли все читатели газеты «Аргументы и факты» хорошо знакомы с деятельностью генерал-майора Владимира Ивановича Маркина, возглавляющего Управление взаимодействия со СМИ Следственного комитета РФ и пресс-секретаря Президента Путина, кадрового дипломата Дмитрия Сергеевича Пескова. Встретив фамилию «Песков», многие читатели вспомнят прежде всего об однофамильце пресс-секретаря журналисте Василии Михайловиче Пескове, который был очень далек от пресс-службы и политики в целом.

В заключительном абзаце текста удачно использован прием антитезы, в рамках которой современное поколение противопоставляется кумирам золотого века русской литературы. Ср.: *«Вывод неутешителен: в стране растет поколение амбициозных приживал. «Лишние люди» возвращаются. Но в отличие от Чацкого и Онегина они совершенно безлики. Да и Базарова среди них, похоже, нет. Поднимут ли они Россию с колен? Или лягут на диван, как Обломов?»*.

Заканчивая инвентаризацию прецедентных феноменов, следует отметить, что они действительно служат стилистической доминантной текста, обеспечивают его связность, целостность и единство. Показа-

тельно, что знаки интертекстуальности, во-первых, используются практически в каждом абзаце, во-вторых, украшают самые сильные, привлекающие особое внимание читателей позиции текста (заголовок, подзаголовок, лид, зачин, каждая из трех основных частей и концовка), а в-третьих, обеспечивают историческую динамику текста, принадлежат к трем эпохам в истории нашей страны – досоветской, советской и постсоветской.

Можно соглашаться или не соглашаться с основным выводом автора, но следует признать его стилистическое мастерство, умение удачно подобрать прецедентные феномены и сделать их комплекс стилистической доминантой текста. Рассматриваемая статья написана и должна рассматриваться в рамках характерной для Вячеслава Костикова постмодернистской парадигмы, типичными признаками которой служат интертекстуальность, языковая игра, интерстилевое тонирование, метафоричность, знаковость, сложная диалектика реального и виртуального.

Каждый прецедентный феномен в рассматриваемых текстах – это знак бесконечного диалога различных сфер культуры, различных ее поколений, но вместе с тем это еще и показатель интеллектуального уровня автора и того, насколько он доверяет эрудиции и герменевтическому потенциалу читателей. Творческая индивидуальность автора и автономность текста проявляются в оригинальном отборе элементов интертекстуальности, в умелом отборе самых удачных компонентов из предшествующего опыта человечества для создания нового оригинального текста.

Использование когнитивно-дискурсивного лингвокультурологического анализа существенно расширяет возможности традиционной лингвистики текста. Такое исследование позволяет полнее охарактеризовать комплексы прецедентных феноменов в их взаимосвязи не только внутри текста или в рамках авторского идиостиля, но и в общем континууме современности.

Литература

- Васильева Н.В. Собственное имя в мире текста. М., 2005.
Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М., 2003.
Гудков Д.Б., Захаренко И.В., Красных В.В., Багаева Д.В. Некоторые особенности функционирования прецедентных высказываний // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология 1997. № 4.
Клушина Н.И. Общие особенности публицистического стиля // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. М., 2003.
Клушина Н.И. Интенциональные категории публицистического текста (на материале периодических изданий 2000–2008 гг.): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2008.

Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. М., 2002.

Нахимова Е.А. Прецедентные онимы в современной российской массовой коммуникации: теория и методика когнитивно-дискурсивного исследования. Екатеринбург, 2011.

Нахимова Е.А. Прецедентное имя Буратино в современных СМИ // Известия Уральского государственного университета. Сер. 1 Вопросы образования, науки и культуры. 2007. № 52.

Немирова Н.В. Прецедентность и интертекстуальность политического дискурса // Лингвистика. Бюллетень Урал. лингвистического общества. Екатеринбург, 2003. Т. 11.

Сметанина С.И. Медиа-текст в системе культуры (динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века). СПб., 2002.

Творчество В.М. Шукшина. Энциклопедический словарь-справочник. Барнаул, 2004–2007. Т. 1–3.

Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. Екатеринбург, 2003.

ДИСКУРСИВНЫЕ АКТУАЛИЗАЦИИ ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ ЭССЕ Т. ТОЛСТОЙ)

Н.В. Панченко

Ключевые слова: Т. Толстая, текст, дискурс, эссе, композиция, композиционная стратегия; композиционное пространство.

Keywords: T. Tolstaya, text discourse, essay, composition, compositional strategy, compositional space.

Идеи коммуникативной ориентированности современной филологии, развиваемые А.А. Чувакиным, создают предпосылки дискурсивного описания такой сугубо текстовой категории, как композиция: «В конце XX – начале XXI в. встречное движение филологии и коммуникативных наук имеет некоторые новые проявления, в том числе складываются междисциплинарные области знания: филологическая теория коммуникации <...> коммуникативная парадигма филологии <...>, заполняющие современное пространство филологических и коммуникативных наук; коммуникативные модели ряда объектов, которые одинаково важны и для филологии и для коммуникативных наук: модели текстов и эффективной коммуникации; учение о дискурсе и др.» [Куляпин, Чувакин, 2013, с. 151].

Текст получает дискурсивную актуализацию в конкретных условиях коммуникативного акта; дискурс задается определенными параметрами институционального, и / или тематического, и / или субъект-

ного характера, либо характером коммуникативной деятельности (аргументативная, аксиологическая, экспрессивная, аналитическая и др.). Таким образом, любой текст может быть актуализирован (если позволяют его текстовые единицы) в условиях любого типа дискурса (см., например, использование художественноречевых, мультипликационных, кинотекстов в рекламном дискурсе, и наоборот). Необходимо найти точки пересечения потенциально существующих текстовых единиц и соответствующих характеристик дискурса (или принятых единиц дискурса). (См. свидетельство тому попытки встроить в советский революционный дискурс тексты А.С. Пушкина, И.С. Тургенева и др.). В том или ином дискурсе текст приобретает различные коммуникативные и структурные характеристики. В этом смысле композиция текста является его базовой категорией, что позволяет управлять дискурсивной актуализацией текста имманентно, и, в силу внутреннего характера данной категории текста, приспосабливать последний к той или иной среде существования.

Взаимодействие всех потенциальных актуализаций текста создает композиционное пространство, в пределах которого композиционные варианты взаимодействуют друг с другом, образуя структуру, обладающую характеристиками объемности и структурной множественности.

Жанр эссе в современной речекоммуникативной практике выдвинулся едва ли не на первое место среди других малых жанров, как в художественноречевом, так и в медийном дискурсах: «... в современном мире возрождения гуманитарного мышления эссе стало играть роль интеллектуального ускорителя: вирус эссе витает во всем медиaprостранстве <...> вместе с массовой интернетизацией идет бурный процесс эссеизации всего и вся» [Кайда, 2008, с. 6].

Эссе, будучи, по замечанию исследователей эссеистики, «свободным» жанром (см., например: Л.Г. Кайда: «... наблюдаем мы иллюстрацию того, что делает эссе – эссе: свободную композицию» [Кайда, 2008, с. 17]; М.Н. Эпштейн: «Это жанр, который только и держится своей принципиальной внежанровостью» [Эпштейн, 2005, с. 372–373]), представляет большой интерес в плане изучения его композиционного построения. Свобода текстопорождения предопределяет и свободу дискурсивной актуализации, тем самым умножая потенциальные композиционные варианты и создавая особое композиционное пространство.

«Эссеистический дискурс сам становится коммуникативным пространством междисциплинарности» [Кайда, 2008, с. 38], или мультидискурсивности. Так, в эссе Т. Толстой «Сирень» смешиваются дискурс инструкции, поэтический, искусствоведческий и бытовой дискурс

сы (подробнее анализ композиции текста эссе Т. Толстой «Сирень» см. в работе: [Панченко, 2013]); в эссе «Белые стены» представлены дискурсы различных исторических эпох и разнопериодные рекламные дискурсы; эссе «Битва креветки с рябчиком» построено как пересечение кулинарного, литературного, бытового дискурса, дискурса массовой культуры. А в эссе «Переводные картинки» сопряжены дискурсы различных литературных эпох и национальных литератур, дискурсы литературоведческий и переводоведческий, дискурс массовой культуры. Это реперезентируется посредством формирования элокутивного варианта композиционного построения текста эссе.

Композиция эссе рождает «полную иллюзию спонтанности» [Кайда, 2008, с. 39], что осуществляется благодаря ассоциативному способу соединения частей текста, с одной стороны, и множественностью потенциальных способов этих соединений, с другой. Тем не менее это хорошо организованная спонтанность: каждым композиционным вариантом управляет вектор композиционного построения, направленный ретро- и / или проспективно. Композиционный вариант актуализируется в определенной единице текста и трансформирует все последующие и предыдущие текстовые элементы в направлении избранного изотопного признака. Так, в текстах Т. Толстой «Битва креветки с рябчиком», «Белые стены», «Мороженое», «И сбоку бантик», «Сирень», «Стена», «Город», «Без», «Переводные картинки» и др. дискурсивная актуализация текста запускает механизм композиционной организации всякий раз по-разному.

Дискурсивная актуализация текста может быть осуществлена, по крайней мере, тремя способами: в рамках тематически единого дискурса, в рамках стратегически единого дискурса, в рамках функционально единого дискурса.

Дискурсивная актуализация текста в рамках **тематически единого дискурса** задается единством изотопных построений, потенциально возможных в данном тексте. Продемонстрируем указанный тип дискурсивной актуализации на материале эссе Т. Толстой «Белые стены».

Объемность композиционного построения текста реализуется через потенциальную множественность изотопных построений, базирующихся на нескольких равнозначных изотопных признаках, выбор которых равновероятен: 'история', 'следы', 'очищение', 'жизнь сначала', 'как у всех'. При этом изотопии 'история' и 'жизнь сначала' актуализированы уже в начале текста и имеют проспективный вектор развертывания, трансформируя все последующие элементы текста в соответствующем направлении. Признак 'как у всех' актуализируется в конце текста и ретро-проспективно организует предшествующие текстовые элементы. Транс-

формация же текста в направлении изотопных признаков ‘следы’ ‘очищение’ носит разнонаправленный характер, так как данные признаки актуализированы в середине текста и семантически уподобляют не только последующие, но и предшествующие текстовые элементы.

Дата (и ее повторяемость) актуализирует исторический контекст уже в первом предложении текста («*Аптекарь Янсон в 1948 году построил дачу*»), тем самым задавая изотопию с предикативным признаком ‘история’. Указанный признак сопровождается актантами: 1) конкретность, 2) прецедентность (именная, артефактная, ситуативная), 3) историческая и / или прогностическая функция.

Данная изотопия задана в начале текста, но при этом носит оппозитивный характер, так как актант ‘историческая и / или прогностическая функция’ реализуется в тексте в двух направлениях. С одной стороны, даты задают движение от прошлого (1948) к настоящему (1997) и будущему – евроремонт, чистые, белые стены, как принято сейчас («*И в городе, у себя дома каждый **сделает** то же самое. Белое – это просто и благородно. Ничего лишнего. Белые стены. Белые обои. А лучше – просто малярная кисть или валик, вододисперсионная краска или штукатурка, – шарах – и чисто. Все так делают. – И я так **сделаю**. – И я*»). С другой стороны, срывание обоев и старых газет со стен, разбор вещей в сундуках образует иное направление – собственно исследовательское в области истории – история осмысливается из сегодняшнего дня, постепенно двигаясь в обратном направлении к исходной точке начала истории: «*Под валенками лежали, аккуратно убранные в стопочку, темные платя на мелкую, как птичка, жемчужину: под платьями – уже распадающиеся на кварки серо-желтые кружева <...> на дно сундука, туда, где лежала растертая и просыпанная временем, пыль неопознаваемого, неизвестно чье, какого-то чего-то*»; «*Под белыми в зеленую шашечку оказались белые в синюю рябу, под рябой – серовато-весенние с плакучими березовыми сережками, под ними лиловые с выпуклыми белыми розами, под лиловыми – коричнево-красные, густо записанные кленовыми листьями, под кленами открылись газеты – освобождены Орел и Белгород, праздничный салют; под салютом – “народ требует казни кровавых зиновьевско-бухаринских собак”*»; *под собаками – траурная очередь к Ильичу. Из-под Ильича пристально и тревожно, будто и не мазали их крахмальным клестером, глянули на нас бравые господа офицеры, перепоясанные, густо усатые, групповой снимок в Галиции. И уже напоследок, из-под этой братской могилы, из-под могил, могил, могил и могил, на самом дне – крем “Усатин” (а как же!) и: “Все высшее общество Америки употребляет только чай Kokio букет ландыша. Склады чаев Дублина. Москва Петровка, 51”*, и: “Отчего я так красива и моло-

да? – *Ионачивара Масакадо, выдается и высылается бесплатно*”, и: *“Покупая гильзы, не говорите: “Дайте мне коробку хороших гильз”, а скажите: “ДАЙТЕ ГИЛЬЗЫ КАТЫКА, лишь тогда вы можете быть уверены, что получили гильзы, которые не рвутся, не мнутся, тонки и гигиеничны. ДА, ГИЛЬЗЫ ТОЛЬКО КАТЫКА”*».

Признак ‘история’ создает собственную изотопию, актуализацией которой являются эксплицитные текстовые элементы: даты, прецедентные имена (*«хрущевского пошива», «чингисханова орда», «за год до смерти Сталина»* и др.); и семы, имплицитно присутствующие в тексте в обозначении артефактов (платьев, вещей, старых газет). Поиск прошлого не привел ни к чему. Но желание поменять стены позволило пройти через все слои истории, произошло возвращение к начальному, первобытному состоянию, к тому, когда еще ничего не было, прошлое же изгнано, содрано, счищено: *«Мы сорвали всю бумагу, всю подчистую, мы прошли наждачной шкуркой по босым, оголившимся доскам; азарт очищения охватил все четыре поколения, мы терли и терли»; «Мы выскребли все...»; «Мы протерли доски добела, до проступившего рисунка годовых колец на скобленном дереве*. В прогностическом отношении уничтожение прошлого не позволило создать желанное новое будущее: *«Эффект, конечно, вышел совсем не дворцовый и, честно говоря, совсем не европейский, – ну, промахнулись, с кем не бывает <...> получился сарай в цветочках*».

Сходным образом реализуется в тексте изотопия ‘жизнь сначала’, которая задана уже в названии рассказа (*«Белые стены»* – ср.: *«жизнь с чистого листа», «переписать набело»* и др.). Основной предикативный признак осложнен атрибутивным (*белое, новое*) и акциональным актантом (чтобы начать новую жизнь необходимо совершить некоторые действия: *подготовить (очистить от прежнего, сорвать старое)* и *покрыть (заклеить обоями или закатать валиком)*).

Изотопии ‘следы’ (*«пройдет, оставит следы»*) и ‘очищение’ (*«азарт очищения охватил все четыре поколения»; «аэрозоли для стирания памяти, кислоты для выведения прошлого»; «Мы выскребли все...»*)), трансформирующие все элементы текста как в проспективном, так и в ретроспективном направлении, носят оппозитивный характер. Желание устранить следы прошлого оборачивается поиском следов Янсона; стремление очистить, отскрести добела превратило дом в «приют убого, слепорожденного чухонца» и не принесло желаемой чистоты, а лишь сделало мир вокруг «отбеленным, отстиранным, продезинфицированным».

Изотопия ‘как у всех’ актуализируется в конце рассказа (*«Все сейчас так делают. – И я так сделаю. – И я. / И я тоже»*); трансформация

начала текста в этом направлении семантически уравнивает в отношении данного признака индивидуальность дома Янсона, помещая и жизнь, и дом последнего в контекст общей истории.

Все приведенные изотопии равнозначны по отношению к образованию смысла данного текста и не могут быть рассмотрены как иерархически организованные. Отношения между ними носят характер пересечения / непересечения, но не подчинения. Каждая из них управляет дискурсивной актуализацией текста в пределах одного заданного композиционного варианта, а не способствует созданию глобального смыслового единства текста.

Другой способ дискурсивной актуализации текста может быть осуществлен в рамках **стратегически единого дискурса** за счет применения нескольких стратегий композиционного построения: композиция может быть организована в направлении предмета, цели, жанра, адреса-та, как соотношение языковых и метатекстовых элементов.

Рассмотрим, как создается композиция эссе с применением референциальной, телеологической, элокутивной, генристической, рецептивной и метатекстовой стратегий на примере текста эссе Т. Толстой «Переводные картинки». К данному тексту в полной мере можно отнести характеристику Л.Г. Кайды «Опытов» Монтеня: это «дневник читателя» [Кайда, 2008, с. 18]. Именно жанр дневника задает один из генристических вариантов композиционного построения текста данного эссе. Текст складывается как читательский дневник, хоть и без четкости датировок как обязательного формального атрибута дневниковости. Однако косвенным образом не даты, а определенные периоды или исторические вехи в тексте присутствуют:

- детство: *«Я начала читать с трехлетнего возраста...»; «Так меня мучали с пятилетнего возраста и до поступления в университет»; «Я не помню его: он умер, когда мне было четыре года...»;*
- подростковый возраст, юность: *«Потом позже...»; «... всех я прочтала в 15-летнем возрасте...»; «Когда же началась школа...»;*
- зрелость: *«Как-то раз мне попались в руки две книги Корнея Чуковского...»; «Сейчас “земную жизнь пройду до середины”...».*

В одни периоды прочитанное излагается подробно («Самой же любимой книгой были “Мифы Древней Греции” Н.А. Куна: в свои пять лет я знала генеалогию всех олимпийских богов, всех героев и всех достойных упоминания смертных. Я и сейчас думаю, что это лучшая книга на свете, в ней есть все: и ручьи, и моря, и корабли, и битвы, и колесницы, и плющ, и мирт, и лавр, и ласточки, и лабиринт, и зубы дракона, и страсти, и слезы, и коварство, и любовь, и мужество, а главное – весь мир шелестит богами и наполнен их незримым, но несо-

мненным присутствием»), в других – пунктирно, скороговоркой, уплотняя время, фиксируя только имена писателей, названия их произведений («Потом позже – Бальзак, Золя, Мопассан, Вальтер Скотт, Сигрид Унсет (“Кристина, дочь Лавранса”; кого на спросишь – никто не читал, а ведь нобелевская лауреатка), Ромен Роллан, Диккенс, Хемингуэй, Оскар Уайльд, Сомерсет Моэм, Олдос Хаксли»). Отдельные тексты автор характеризует подробно: развертывает характеристику прочитанного, иногда пересказывает, переходит к рецензиям и рекомендациям.

Конец текста эссе – попытка подвести итог, закончить дневник, создав виртуальный список книг мировой литературы, которые нужно спасти и / или преподавать студентам. Дневник движется от того, что читалось в детстве, к тому, что рекомендуется прочитать другим. Одновременно в дневнике читателя вырабатываются критерии отбора хороших книг: интересное / неинтересное, качество перевода, качество языка, занимательность и познавательность сюжета.

Другой композиционный вариант порождается рецептивной стратегией – формирование и отбор «своего» читателя (Ю.М. Лотман видит суть взаимоотношений текста и адресата в том, что текст деформируется в процессе его дешифровки адресатом, и одновременно любой текст содержит в себе образ аудитории, который «активно воздействует на реальную аудиторию, становясь для нее некоторым нормирующим кодом» [Лотман, 2002, с. 169]), который обладает тем же набором культурных знаний, тем же опытом чтения, что и автор. Рецептивный композиционный вариант актуализируется уже ближе к концу текста, пересекаясь с генристическим композиционным вариантом, и реализуется прежде всего как рекомендация читателю.

Ретроспективно предшествующий текст выстраивается как своеобразная программа чтения / программа учебного курса иностранной литературы: «*А вопрос о том, что делать “если завтра война, если завтра потоп” – традиционный, но нечестный <...> и вот встала задача, каким образом, лавируя между Сциллой и Харибдой (Харибда в данном случае – политкорректность, и такая прожорливая, господа, что спутникам Одиссея и не снилось), – как вместить в четыре семестра “канон” западной литературы, который, ясное дело, и в десять семестров не вмещается. <...> а там проблема: “Отелло” включать или нет? Вроде бы он негр, так что реверанс сделан, но ведь убийца же? Дальше: “Илиаду” и “Одиссею” обязательно надо включить, но они такие длинные, займут весь семестр!*». Ретроспективно направленный вектор композиционного построения организует в отношении основного предикативного признака ‘программа чте-

ния / канон западной литературы’ остальные элементы текста – через дополнительный актантный признак ‘личные предпочтения автора’: «Даже очертания латиницы мне не нравились: нарочно придумано, чтобы мучить человека»; «Я читала всегда – за едой, в постели, в автобусе, – но по-русски – с удовольствием, а на иностранных языках – с отвращением»; «Книги Чуковского меня устыдили и поразили»; «Из европейских писателей я люблю Исак Динезен (она же Катрин Бликсен)...»; «Кафку я обожаю. Пруста осилила, но перечитывать скучно. Джойса знаю плохо. Фолкнера – тоже. Сартр – не сошлись характерами. Гессе очень любила»; «Из древней литературы я люблю “Гильгамеша” <...> волнует меня и древнеегипетская литература...». При этом ретроспективно текст организуется от объектов предпочтения к причинам избирательного отношения к литературе (‘плохой / хороший переводчик’, ‘кириллица / латиница’).

Это создает общий перцептивный фон и способствует отождествлению Я автора и Я читателя. Таким образом, в процесс эссеизации вовлечен и адресат текста: он теперь не только и не столько наблюдает за самораскрытием авторского Я (что характерно для дневника), но и активно приобщается к этому самораскрытию, становясь участником процесса и раскрывает свое уже читательское Я. Тем самым рецептивный композиционный вариант текста пересекается с телеологическим композиционным вариантом, создавая композиционный узел (см. подробнее о композиционных узлах в работе: [Панченко, 2012]).

Телеологический вариант композиции задается как создание образа авторского Я (что, как отмечают все исследователи, и является жанрообразующим признаком эссе). И снова характеристика классического эссеистического текста Монтеня как нельзя лучше подходит к характеристике текста Т. Толстой: «Автор обрывает свои рассуждения на полуслове. Да это и не удивительно: мысль делала свои замысловатые зигзаги, вращаясь вокруг опыта чтения, опыта заимствований, опыта зарождения новых мыслей. Отражен процесс думания, спонтанного круговорота мыслей, процесс отрывочного пополнения своих ощущений жизни и вписывания всех ее проявлений в орбиту своих координат и измерений. Взгляд со стороны и разглядывание изнутри, или, что то же самое, “я в мире” и “мир во мне”» [Кайда, 2008, с. 18–19]. Телеологический композиционный вариант текста эссе Т. Толстой «Переводные картинки» развертывает процесс обретения читательского опыта, процесс восприятия всей мировой литературы, сопровождаемый жадным желанием вместить в свой собственный авторский мир все лучшее и интересное, а в конце текста возникает желание поделиться этим своим литературным миром с другими.

Отчасти телеологический и рецептивный композиционные варианты находятся в конверсивных отношениях.

Метатекстовый композиционный вариант образуют прецедентные феномены различного уровня прецедентности [Гудков, 2003]: здесь и автопрецеденты («Примеры из Альфонса Доде, а потом и чтение самого Альфонса вызывали удушье»; «В результате для меня зарубежная литература – это то, что написано латиницей, а русская – то, что написано кириллицей. Русскими книжками были в разное время: О. Генри, Эдгар По, Дюма (в первую очередь “Граф Монте-Кристо”), Марк Твен, Конан Дойл, Уилки Коллинз (“Лунный камень”), Герберт Уэллс, Мери Мейпл Додж (“Серебряные коньки”), “Голубая цапля”, “Маленький лорд Фаунтлерой”, “Хитопадеша” (индийские легенды)...»); «“Война и мир” тоже ведь начинается с нескольких страниц французского текста, а у нас дома стояло издание дореволюционное, с ятями, набранное каким-то волосатым неудобочитаемым шрифтом, и я долго избегала Льва Николаевича, держа его за иностранца и зануду»); и поданные через личные ощущения социальные прецеденты («Бальзак почему-то стоял на полках каждого дома, куда мы ходили в гости, темнел огромным собранием сочинений: обложка у него была зеленая»; «“Я список кораблей прочел до середины...” Мандельштам прочел, а наши студенты не прочтут и о существовании списка не узнают. Немножко из первой песни, потом в серединочке почитают, потом в конце, – узнать, чем дело кончилось, пала ли Троя, или доплыл ли, скажем, Одиссей до дома, или съел его Полифем. Кусочек Еврипида в суп кинули. Новый Завет тоже нарезали на кусочки: основу взяли от Матфея, пунктиром, – получилось, что Христос быстренько зачался, родился, распялся и воскрес, с бешеной скоростью, мультфильм “Том и Джерри”...»), и национальные прецеденты, окрашенные в тона субъективного восприятия («Из старых писателей замечателен Мелвилл, которого сами американцы долго не ценили, а теперь обнаружили, что проспали гения. “Моби Дик” – одна из вершин мировой литературы. О. Генри тоже гений, но американцы об этом не знают. Им кажется, что слишком простенько. Ну, спите дальше, дорогие товарищи. Читайте своего Андайка, который хорош только на растопку»).

Метатекстовый композиционный вариант находится в отношениях пересечения с элокутивным вариантом композиционного построения текста эссе, последний предстает как смешение дискурсов разной природы: литературного, литературоведческого, переводоведческого, дискурса рецензии, пересказа, дискурса массовой культуры.

Пространство композиционного построения текста эссе организуется взаимодействующими композиционными вариантами в ретроспективном и проспективном направлении. Точки пересечения композиционных вариантов создают композиционные узлы – типы композиционных единиц, которые способны к актуализации более одного композиционного варианта. В тексте эссе «Переводные картинки» такими являются прецедентные феномены, выступающие единицами организации большинства композиционных вариантов. В одних случаях они являются предикативным признаком (метатекстовый композиционный вариант), в других – актантным признаком. В случае элокутивной стратегии прецедентный феномен предстает как маркер того или иного дискурса – литературного, переводческого, медицинского, философского, филологического и т.д. Рецептивная стратегия задействует прецедентные феномены как маркер формирования общего для автора и читателя круга чтения и общего восприятия прецедентного текста. При генристической стратегии прецедентные феномены являются предметным наполнением дневника, при референциальной – зарубежной и русской литератур.

Функциональное единство дискурса. Еще один способ множественной дискурсивной актуализации текста состоит в использовании в процессе текстообразования дискурсивных способов и правил рече-производства, принятых в той или иной сфере социального взаимодействия. Рассмотрим такой способ текстовой организации на примере эссе Т. Толстой «Битва креветки с рябчиком».

В эссе «Битва креветки с рябчиком» актуализация текста может быть осуществлена в рамках нескольких дискурсов, каждый из которых по-своему распределяет композиционно значимые / незначимые элементы.

Гастрономический дискурс задает такую жанровую организацию текста, как меню. Использование генристической стратегии композиционного построения текста выдвигает предлагаемые блюда: *«Рябчики, дупели, перепелки, глухари и тетерева... Креветки, омары, устрицы, мидии и друг морей тунец...»*. Перед читателем, смешиваясь и конкурируя, развертываются два меню: меню русской кухни и меню восточных кухонь.

Все текстовые элементы трансформируются в направлении этого жанра гастрономического дискурса. Строчками в меню становятся и авторы литературных и кинопроизведений, архитектурные сооружения, культурные и утилитарные ценности: *«Сегодня Россия хочет быть Востоком Акиро Куросавы, Ямамото и «Мицубиси» <...> Прекрасны готические соборы, но стрелчатые шпиль и*

прозрачно-цветные окна у нас не получают, не вписываются почему-то то ли в пейзаж, то ли в душу. Нам милее мягкие, покатые линии, дома, расплывающиеся вширь; наши купола – луковицы да репки, свеклы да редьки, их мы едим, на них и крестимся». Еще один признак – ‘пища духовная / пища насущная’. В русском меню происходит слияние этих двух видов пищи, тогда как чужое, экзотическое лишено духовной составляющей: «Русской кулинарии – как и русской культуре в целом – свойственно заимствовать и перерабатывать все достижения чужих культур, придавая чисто русское своеобразие всему пересаженному на нашу почву», а «Креветки, омары, устрицы, мидии и друг морей тунец правят бал, причем все чаще являясь на этот бал голыми и холодными, как сиротка в рождественский вечер».

Этнокультурный дискурс оценивает все текстовые элементы с точки зрения ‘русское / нерусское’ и актуализирует телеологический композиционный вариант. Практически каждое предложение в начале текста строится на основе данной оппозиции: «**Битва креветки с рябчиком в сегодняшней русской кухне закончилась полной победой креветки. Чужое море победило блеклые и облачные среднерусские небеса, и холодные гады морские вползли на наши столы и вытеснили из наших сердец некогда столь милых птичек**»; «**Купец у Островского заказывает “вальдишнепов жареных в кастрюлке”, сегодняшний московский купец просаживает состояние в суши-баре, убедив самого себя, что ему вкусно**» и т.д. Во втором абзаце антиномичные феномены разводятся по разным предложениям: «**Сегодня Россия хочет быть Востоком Акиро Куросавы, Ямамото и “Мицубиси”**». Широкий русский человек! **В прежние времена самой дальней границей наших appetitов был Китай, и, видит Бог, мы взяли у жителей Поднебесной лучшее, что у них было, – чай, превратив его в наш национальный напиток**. Ни одного из классических, любимейших китайских лакомств мы при этом **не позаимствовали: ни медвежьи ладоши, ни мозг живой обезьянки, ни соловьиные язычки не соблазнили наш маленький трудолюбивый народ**. Только эксцентрики от любовного отчаяния решались на **какого-нибудь трепанга или сунчик из акульих плавников...**».

Этнокультурный дискурс пересекается с дискурсом историческим (как проявление научно-исторического дискурса), задавая признак ‘новая Россия – прежняя Россия’. Прежнее – это достояние русской культуры, то, что ассимилировалось, что было исконно русским либо превратилось в таковое: «**Мы заимствовали квас из Скандинавии, и что же? – одни мы его и пьем, а скандинавы с изумлением и недоверием обходят свой родной напиток стороной. Мы заимствовали “макаро-**

ни” из Италии, но они не стали “пастой”, а превратились в “макарошки”, совершенно особое русское блюдо, которое достают вечером из холодильника и разогревают на сковороде – технология, неизвестная на Аппенинском полуострове. Мы заимствовали гречку, – судя по имени, из Греции, ее другое название “сарацинская крупа”, но так, как едим ее мы, ее не ест никто. Она настолько обрусела, что словом “каша” иностранцы обозначают именно гречку, хотя каш, как мы знаем, много».

В последнем абзаце текста и вовсе остается то, что соответствует «русскому»: *«И мне хочется, чтобы в нашу кухню вернулись птицы небесные, с их темным мясом, пропахшим няниными сказками и еловыми шишками. Чистые, вольные, надыхавшиеся воздухом диких лесов, насмотревшиеся с высоты на всю нашу прекрасную, просторную страну красными бусинками глаз, побежденные в равной борьбе, веселые до своего последнего мига и передающие свое веселье, свою радость жизни и нам, грешным и благодарным обжорам».*

Актуализация литературного дискурса продолжает противопоставление своего и чужого через отрицание и ассимилирование инокультурных и инолитературных элементов: с одной стороны, Островский, с другой – Акиро Куросава; с одной стороны, японские «маленькие стишки», которые приятно рассматривать, с другой – цитаты из Окуджавы и Пушкина.

В дискурсивной актуализации текста данного эссе доминирующими являются дискурсы гастрономический и этнокультурный, которые подчиняют себе остальные типы дискурсов – научный, литературный, публицистический.

Таким образом, актуализация текста в рамках того или иного дискурса, сигналы которого присутствуют в элементах текста, позволяет организовать тот или иной композиционный вариант, соответствующий определенным ситуационно-коммуникативным условиям, заданным определенным тематическим, стратегическим или функциональным репертуаром дискурса.

Литература

- Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М., 2003.
Кайда Л.Г. Эссе: стилистический портрет. М., 2008.
Куляпин А.И., Чувакин А.А. Филология и коммуникативные науки во встречном движении: от Бахтина до наших дней // Филология и человек. 2013. № 4.
Ломан Ю.М. Текст как семиотическая проблема // Лотман Ю.М. История и типология русской культуры. М., 2002.

Панченко Н.В. «Энциклопедическая компетенция» читателя как фактор управления композиционным построением текста // Филология и человек. 2013. № 3.

Панченко Н.В. Композиционный узел как фактор организации композиционного пространства текста // Филология и человек. 2012. № 3.

Эпштейн М.Н. Постмодерн в русской литературе. М., 2005.

ФУНКЦИИ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ В РЕЧИ ПЕРСОНАЖЕЙ «ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ»

В.С. Савельев

Ключевые слова: древнерусская устная речь, формы настоящего времени.

Keywords: Old Russian oral speech, present tenses.

Как известно, речевая деятельность носителей языка не является однородной. Текстовая деятельность связана с созданием письменного текста, адресат которого разделен с автором в пространстве и времени. Дискурсивная деятельность подразумевает создание устных речевых произведений в канонической ситуации общения. Отступления от этих условий коммуникации приводят к изменению в использовании коммуникативных языковых средств.

Изучение функционирования глагольных форм в памятниках церковнославянского и древнерусского языков вполне естественно связано с текстовой деятельностью книжников – объектом изучения являются письменные тексты. Однако это не означает, что у нас нет возможности проследить, как именно использовались глагольные формы в древнерусской устной речи. В частности, в летописных статьях представлено описание коммуникативных событий разных типов, неотъемлемой частью которых являются высказывания собеседников. Безусловно, реальная устная речь и устная речь, фиксируемая или имитируемая в письменном тексте, не тождественны друг другу, но эта отрицательная характеристика материала одновременно является и его положительной чертой: воспроизводя устную речь персонажа, летописец реализует свое представление о том, каковы отличительные ее признаки.

В рамках данной статьи будет рассмотрено функционирование глагольных форм настоящего времени в речи персонажей «Повести временных лет» (далее – ПВЛ). На первый взгляд, среди всех финит-

ных форм они являются наиболее простыми, наиболее понятными. Традиционно их употребление связывают с названием действия, которое одновременно моменту речи (*настоящее актуальное*). Между тем, стоит задуматься о том, до какой степени в живой речи вообще необходимо сообщать о действии, которое одновременно моменту речи? Если речь идет о канонической ситуации общения, может ли иметь коммуникативную ценность сообщение о подобном действии говорящего или – в еще большей степени – его собеседника? Если же сообщается о действии лица, не участвующего в диалоге, то возможно ли при этом в принципе выражение значения настоящего актуального в канонической ситуации общения? Эти вопросы заставляют обратиться к анализу материала и определить некоторые из типичных случаев употребления форм настоящего времени в речи персонажей ПВЛ.

Настоящее актуальное, узуальное, гномическое

Выражение значения *настоящего актуального* является крайне редким и связано с передачей информации вполне определенного типа – говорящий сообщает о местонахождении или перемещении субъекта, не участвующего в диалоге:

(1) *И рече ему воевода итень и Свънгелдъ: «Поиди, княже, иколо на конѣхъ, стоять бо печенъзи в порозьхъ»* (6479 / 971)¹.

Такое употребление свойственно как инициальным, так и реактивным репликам в вопросно-ответных единствах: говорящий требует информацию о местонахождении, собеседник эту информацию сообщает. В этом случае речевое поведение говорящего тесно связано со следованием постулату истинности: он делится своим **предпо-**

¹ Здесь и далее в качестве материала исследования используется текст ПВЛ, воспроизведенный в издании «Полное собрание русских летописей, изданное по Высочайшему повелению Императорскою Археографическою Комиссиею. Т. 2. Ипатьевская летопись. Издание второе» (СПб., 1908). Поскольку для целей данного исследования точное воспроизведение графики, орфографии и пунктуации ПВЛ по соответствующим спискам несущественно, графика и орфография примеров упрощены (в частности, йотированное «а» во всех случаях передается буквой я), произведена разбивка текста на предложения (в разбивке слов мы в основном следовали указанному изданию), пунктуационные знаки используются в соответствии с современными нормами.

В скобках после примера указывается год, под которым помещен цитируемый фрагмент (по принятому в ПВЛ византийскому летосчислению, ведомому от сотворения мира, и летосчислению от Рождества Христова). В большинстве случаев приводится один пример, иллюстрирующий каждое из высказываемых нами суждений; связано это с ограниченностью объема статьи, в действительности же в ПВЛ обнаруживается большее, а в каких-то случаях намного большее количество примеров описываемого типа употребления форм настоящего времени.

ложением о том, где в данный момент должно находиться лицо, не участвующее в диалоге, и при желании может ввести своего адресата в заблуждение, как это и делает кн. Ольга:

(2) *И ркоша дєревланє къ Слзгь: «Кдѣ суть друзь наши, ихъжѣ послахомъ по та?» Сѣна же рѣс: «Идутъ по мнѣ съ дружиною мужа моеѣ»* (6453 / 945).

Выражение значения *настоящего узувального* чаще всего связано с упоминанием определенного типа социальной деятельности – данничества:

(3) *Посла Слзгь к радимичѣмъ, рка: «Кому дань даете?» Сѣни же рѣша: «Козарѣмъ»* (6393 / 885).

Употребление форм *настоящего гномического* свойственно диалогам, в которых высказываются разные точки зрения на предмет и принимаются решения о дальнейших действиях:

(4) *И рѣша бояре и старци: «Вѣси, княже, яко своєго никтожѣ не хулитъ, но хвалитъ. <...>»* (6493 / 985).

Вторая часть высказывания бояр и старцев содержит генеритивное утверждение «*Своєго никтожѣ не хулитъ, но хвалитъ*», однако и в первой его части – «*Вѣси, княже*» – обнаруживается форма, выражающая значение *настоящего гномического*: говорящие утверждают, что это универсальное знание является также и знанием князя, что он должен думать так же, как и они. Такой риторический прием убеждения адресата – апелляция к его когнитивной или перцептивной базе (формы глаголов *вѣси, видиши*) – позволяет говорящему, выдавая предпологаемое за бесспорно существующее, навязать свою точку зрения.

Перформативное употребление форм настоящего времени

Теснейшая связь между моментом произнесения и пропозитивным содержанием высказывания обнаруживается при *перформативном употреблении* форм настоящего времени. В летописи часто описываются ситуации социально значимые, затрагивающие интересы многих представителей древнерусского общества. Такова, например, передача права владения каким-либо имуществом или сферой деятельности:

(5) *И помолвишюся ему, и рекъ сице: «Се даю цркви сеи стѣги Бѣгъ ѿ имѣния своєго и ѿ мойѣ граѣ десатую часть»* (6504 / 996), *Послании же придоша къ Дѣдѣви и рекоша ему: «<...> Но мы тебе не имѣмъ, ни иногѣ зла створимъ, но се ти даемъ: шедъ, сяди в Божескомъ во встрозъ. <...>»* (6607 / 1099), *И блѣгѣви Стефана и рѣс ему: «Чадо! Се предаю ти манастирь, блюди с опасьемъ его <...>»* (6582 / 1074).

Зачастую герои летописи берут на себя обязательства перед собеседниками. Для выражения этого значения употребляются разные лексемы; обращает на себя внимание регулярное использование формы настоящего времени модального глагола *мощи* и инфинитива:

(6) *Стополкъ же приде ночью к Вышегороду, и итаи призва Путишу и вышегородскыя боярьцъ, и р^че имъ: «Прияете ли мнѣ всимъ ср^оцмъ?» И р^че Путиша: «Можемъ головы своѣ с вышегородци положити» (6523 / 1015), И оутре слезъ и р^че имъ на вѣчъ: «Сѣцъ мои оумерлъ, а Стополкъ съдѣтъ в Києвъ, избивая братью свою». И рѣша новгородьцъ: «Аще, княже, братья наша истъчентъ суть, **можемъ по тобѣ бороти**» (6523 / 1015).*

Произнося высказывания, подобные приведенным, говорящий берет на себя обязательство выполнить действие, называемое инфинитивом. При этом его клятва является реакцией на призыв собеседника выразить свою преданность в совершении определенного действия в будущем. В то же время, поскольку семантика модального глагола сводится к оценке говорящим своих способностей совершить данное действие, собеседник узнает также и об этом¹. Таким образом, произнесение высказывания данного типа позволяет выполнить несколько коммуникативных задач.

Свойство высказывания, которое в процессе одного локутивного акта используется одновременно в нескольких иллокутивных функциях, мы будем называть иллокутивной полифункциональностью. Анализ диалогических фрагментов ПВЛ показывает, что в летописи обнаруживается множество *иллокутивно полифункциональных высказываний* и часто это их свойство связано с употреблением форм именно настоящего времени.

Формы настоящего времени в иллокутивно полифункциональных высказываниях с иллокутивной полифункциональностью

Можно выделить несколько наиболее типичных случаев использования форм настоящего времени в *иллокутивно полифункциональных высказываниях*.

1. Говорящий высказывает оценочное суждение о том, что должно и не должно делать; это же высказывание представляет собой сообще-

---

¹ То, что это значение действительно присутствует, хорошо иллюстрирует реплика, в которой речь идет не о клятве, а именно о самооценке: (7) *Ярославу же прибѣгшу к Новгороду, хоташе бѣжати за море, и посадникъ Костантинъ, снъ Добрынъ, с новгородци расъкоша лодья Ярославль, рекоуще: «Можемъ са еще бити с Болеславомъ и съ Стополкомъ» (6526 / 1018).*

щение о намерении говорящего совершить какое-либо действие или не совершать его:

(8) *И Володаръ же и Василко, побѣдивши, стаста ту, рекуца: «Довольтъ нама на межѣ своѣи стати», и не идоста никаможе (6605 / 1097).*

2. Высказывание (А) содержит генеритивное утверждение, оценка релевантности произнесения которого должна привести собеседника – кн. Владимира – к мысли, что ему отказано. Высказывание (Б) представляет собой неблагоприятный для собеседника прогноз при осуществлении им определенных действий, дублирует отказ говорящего и мотивирует собеседника на совершение правильного действия. Такая двойная синтаксическая конструкция, описывающая прогноз – положительный или неблагоприятный – и условие его осуществления, очень часто употребляется в прямой речи персонажей ПВЛ – за исключением начальной части летописи, в которой она обнаруживается крайне редко:

(9) *И се слышавши, цѣрѣа быѣста печална, посласта вѣсть, сице ѣлице: «(А) Не достъ крѣтнмъ за поганя посагати и даяти. Аще ли са крѣтиши, то приимеши се и получиши црѣтво нбѣное, и с нами единовѣрникъ будеши. (Б) Аще ли сего не хоцещи створити, не можевь дати сестры своѣи за тѣа» (6496 / 988).*

Наиболее часто неблагоприятный прогноз при осуществлении условия звучит в качестве предостережения-угрозы и представляет собой призыв к действию:

(10) *Янь же вшедъ в горьдъ к бѣловзерьчьемъ и рѣе имъ: «Аще не имете вольхву сею, и не иду ѿ васъ за лѣ^m». Бѣловзѣрѣци же шедше и яша и, и приведоша я к нему (6579 / 1071).* Описанная реакция белозерцев показывает, что они совершили именно то действие, к которому их призывал Янь. Характерно, что в прогностической части «*Не иду ѿ васъ за лѣто*» используется форма настоящего времени, которая подчеркивает высокую степень вероятности осуществления действия в будущем.

3. Называя положение дел в момент говорения, формы настоящего времени позволяют высказать оценочное суждение:

(11) *И створиши вѣче въ гра^o и рѣша: «<...> Вдадимса печенѣгомъ, да кого ли вживѣ^m, кого ли оумрѣвать. Оуже помираемъ ѿ глада». И тако свѣтъ створиши (6505 / 997).*

Белгородцы собирают вече и принимают решение сдаться печенегам, при этом главным аргументом становится высказывание, констатирующее положение дел в настоящем. По сути, выражается перфектное значение – все произошедшее привело к такому плачевному

состоянию. В то же время это высказывание является оценочным: если они сейчас помирают от голода, то хуже уже не будет, и то, что кого-то умертвят печенеги, это не так ужасно, поскольку кого-то они оставят в живых.

Формы настоящего времени в косвенных речевых актах

Иллокутивно полифункциональные высказывания позволяют говорящему в пределах одного речевого акта совместить различные модальности и временные аспекты восприятия явлений внеязыковой действительности. Однако не во всех случаях такое «совмещение» ведет именно к иллокутивной полифункциональности – зачастую говорящий преследует одну коммуникативную цель. Речь идет о *косвенных речевых актах* (далее – КРА), в которых формы настоящего времени называют действия не одновременные моменту речи.

Так, форма настоящего времени может использоваться для названия действия, которое говорящий собирается совершить после момента речи:

(12) *И посла къ деревляно^м, ркуци сице: «Се оуже иду к вамъ, да пристроите меды многы оу города <...>». Сѣни же, слышавше, свезоша меды многы зъло* (6453 / 945).

Аналогичным образом говорящий может сообщить не о своем намерении, а о намерении 3-его лица:

(13) *Сѣн же рче: «<...> Но сему ми дивно: **дасть ми градъ свои, або и Теребовль, моя волость, пождавшие и нѣтъ**»* (6605 / 1097).

Также высказывание с формой настоящего времени может представлять собой призыв к совершению совместного действия:

(14) *И съхаста, и рече Редедѣ къ Мъстиславу: «Не вружъсьемъ са бѣвьѣ, но борьбою». И яста са бороти крѣпко* (6530 / 1022), *И рече Русоба: «**Просимъ мира в руси, яко крѣпко са имуть бити с нами, мы бо много зла с^м ворохомъ Рускои земли**»* (6611 / 1103).

Использование форм настоящего времени в вопросительных КРА

В ПВЛ встречается множество высказываний персонажей, которые являются *вопросительными*. Как это ни удивительно, подавляющее большинство этих высказываний являются КРА. Они весьма многообразны, с их помощью говорящий выполняет самые различные коммуникативные задачи: соглашается с высказанным предположением или опровергает его, напоминает о бывшем или сообщает о намерении, призывает собеседника к действию, высказывает оценочное суждение – осуждающее или одобряющее, делает прогноз, высказывает надежду или опасение, упрекает, насмехается. Рассмотрим некоторые из таких вопросительных КРА.

1. Верификативный вопрос может прозвучать, когда говорящий хочет призвать собеседника совершить действие:

(15) *И заоутра, въставъ, рече к сущимъ с нимъ оученикомъ: «Ви-дите горы сия? Яко на сихъ горахъ въсияеть блг^оть Бж^ия. Имать и городъ великъ быти, и цркви многы има^т Бъ въздвигнути» («Видите горы сия?» означает «Посмотрите на эти горы!»).*

2. Верификативный вопрос может выразить опасение говорящего:

(16) *Володимиръ же р^ѣ: «То како вы ингъхъ оучите, а сами ѡвѣржени Бѣ? Аще бы Бѣ любилъ васъ, то не бысте расточени по чюжимъ землямъ. Еда и намъ то же мыслите зло прѣяти?» (6494 / 986).*

3. Чаще всего КРА оказываются информативные вопросы, при этом семантика этих КРА сводится к оценочному отрицанию пропозитивного содержания высказывания:

(17) *Снъ же р^ѣ: «Аще суть бзи, то единого себе послють бѣ, да поимуть сѣна моего. А вы чему перетеребуете имъ?» И кликнуша и^но стькоша стѣни подѣ ними, и тако побѣша я (6491 / 983) («А вы чему перетеребуете имъ?» означает «Вам **незачем** совершать им **требы**»), И ставишма вбгъишма полкома противу собѣ, и р^ѣ Редеда къ Мьстиславу: «**Что ради губивъ дружину межѣ собою? Но снидевъса боротьса.** <...>» И р^ѣ Мьстиславъ: «**Тако буди**» (6530 / 1022) («**Что ради губивъ дружину межѣ собою?**» означает «**Нам не следует губить дружину**»), И р^ѣ Володимиръ: «<...> **То лошади его жалуешь, а самого чему не жалуешь?**» И не могоша противу ему ѡвѣщати дружина Стополча (6611 / 1103) («**То лошади его жалуешь, а самого чему не жалуешь?**» означает «**Ты жалеешь его лошадь, а надо бы его самого пожалеть**»).*

Во всех приведенных в (17) примерах говорящий, задавая вопрос, не ждал от собеседника информации, которая послужила бы ответом на этот вопрос, но ожидал реакции, соотносимой с иллюкутивной функцией КРА, и в описаниях ответных реплик или действий такая реакция как раз и обнаруживается.

Также вопросительным высказываниям может быть свойственна иллюкутивная полифункциональность. Рассмотрим несколько таких случаев.

(18) *И нача Володаръ молвити: «Почто, зло створивъ, не каешиса сего? <...>». Двѣдъ же на Стополка нача извѣтъ творити (6605 / 1097), И ѡвѣща к нему Володимиръ: «<...> **Да се еси пришелъ и стѣдиши съ своею братьею на единомъ ковръ. И чему не жалуеши, до кого ти вбѣда?**» И не ѡвѣща ему ничтоже Давыдъ (6607 / 1099). Задавая информативный вопрос, говорящий высказывает оценочное суж-*

дение, упрекая собеседника в неправильном поведении, и призывает его к совершению действия. Реакция собеседников показывает, что они правильно понимают интенции говорящих: в первом случае кн. Давид пытается оправдаться, во втором он же не находит слов для оправдания.

(19) *И начаша думати дружина, Ратиборова чадь, съ кнземь Володимеромъ и погубленъ Итларевы чади. Володимеру же не хоташю сего створити, ѡбъщающе же дружина, рекоша Володимеру: “Кнѧже, нѣ^с ти в томъ грѣха. Привелъ ти гь Бѣ в руцѣ твои. **Чему ниѣ, к тобѣ всегда ротѣ ходише, губать землю Рускую и кровь хрестьянску проливають беспрестани?”**» И послуша ихъ Володимеръ (6603 / 1095). В данном случае информативный вопрос позволяет дружине убедить кн. Владимира в том, что он имеет право на погубление половцев: собеседнику напоминают, что половцы нарушают клятву постоянно, а противопоставление пропозитивного содержания предикативных единиц, составляющих высказывание, указывает на его оценочность – половцы осуждаются. Существенно, что при этом используются формы *губать* и *проливають (кровь хрестьянску)*: в сочетании с наречиями *всегда* и *беспрестани* они выражают значение *настоящего узувального* – регулярность, неоднократность совершения злодеяния противником, по мысли дружины, освобождает кн. Владимира от моральных обязательств перед ним.*

(20) *Сѡнъ же р^че има: «Лжють вама бѣзи ваши». Сѡна же рекоста: «Нама пре^остати предѣ Стославомъ, а ты намъ не можешти створити ничтоже». Янь же повелѣ бити я и поторгати брадѣ ею. Сима же битыма и брадѣ поторганѣ проскѣпомъ, р^че има Янь: «**Что вамъ бѣзѣ молвѣть?**» Сѡнѣма же рекышима: «Стати намъ предѣ Стославомъ». И повелѣ Янь вложити има рубля въ оуста и привязати ко оупругамъ, и пустити я предѣ собою в лодѣя^ѣ, а самъ по нихъ иде. И стаиша на оусты Шекѣ^ѣны, и р^че има Янь: «**Што вамъ молвѣть бѣзи ваши?**» Сѡна же рекоста сице: «Намъ бѣзи молвѣть: не быти нама живымъ ѿ тебе». И рече има Янь: «То вамъ право молвѣть бѣзѣ ваши» (6579 / 1071). Данный пример представляет собой заключительную часть пространного спора боярина Яня Вышатича и двух волхвов, в предшествующей части которого Янь утверждает, что боги волхвов вовсе не боги, а бесы. Ссылаясь на своих богов, волхвы утверждают, что Янь не способен навредить им. И тогда боярин опровергает слова волхвов действиями, отдавая приказ мучить их. И после каждого из испытаний он задает им вопрос: «*Что говорят вам ваши боги?*» С одной стороны, этот информативный вопрос является прямым речевым*

актом: Янь действительно ожидает ответа, а волхвы этот ответ дают – в первом случае они упорствуют в том, что Янь не может причинить им вреда, во втором – признают его правоту. При этом в каждом из случаев они цитируют слова, якобы произнесенные богами. С другой стороны, ранее Янь уже высказал свое убеждение в том, что боги волхвов богами не являются, а потому его вопрос, подкрепленный действиями, которые опровергают слова волхвов, позволяет воеводе выразить свое отношение к оппоненту – он насмехается над ним. Таким образом, эта иллокутивная функция – насмешка – порождается за счет соотнесения ранее выраженной точки зрения говорящего, его действий и пропозитивного содержания вопросов – оно не является истинным, поскольку противоречит прозвучавшему суждению «*Это не боги, а бесы*».

(21) *И послаша к нѣну, зѣлице: «По что идѣши вѣлтъ? Поималъ еси вѣсю дань». И не послуша ихъ Игорь (6453 / 945).* Информативный вопрос древлян представляет собой оценочное суждение «*Тебе незачем идти опять*» и призыв к действию «*Не ходи к нам*». Интересно, что вторая часть реплики по сути является ответом на этот вопрос и, таким образом, древляне имитируют диалог князя, как бы задающего самому себе вопрос «*Что у них еще есть?*» и получающего ответ «*Ничего больше нет, ты все уже взял*».

Использование форм настоящего времени в реактивных репликах в диалогах разного типа

Вопросы – это не единственный тип иллокутивно полифункциональных высказываний, в которых используются формы настоящего времени. Очень часто они встречаются в *реактивных репликах* диалогов разного типа. Рассмотрим некоторые из них.

(22) *Глѣбъ же возма топоръ подѣ скуть и приде к волхву и рече: «То веси ли, что оутрѣ хочеть быти, что ли до вечера?» Сѣнь же рече: «Все вѣдаю» (6579 / 1071).* Диалогический фрагмент (22) представляет собой *вопросно-ответное единство*, в котором ответная реплика, с одной стороны, позволяет сообщить актуальную информацию о способностях говорящего, а с другой стороны, выражает его согласие с предположением собеседника.

(23) *Наоутрия же бившию, присла Стополкъ, река: «Не ходи ѿ имениъ моихъ». Василко же втопрѣса, река: «Не могу ждати. Еда будеть рать дома». (6605 / 1097), Ї нача Стополкъ зѣти: «Сѣстани на сѣтѣкъ». И рече Василко: «Не могу, брате, встати. Оуже есмь повель товаромъ поити переди» (6605 / 1097).* В данных *прескриптивных диалогах* актуальная информация о намерениях говорящего од-

новременно свидетельствует о его отказе совершить действие, к выполнению которого призывает собеседник.

(24) Янь же р^{че}: «Поистинъ лжете: створиль бо есть Бъ члѣка ѿ земля, и съставленъ костьми и жилами ѿ крови, и нг^с в немъ ничтоже и не вгъсть ничтоже, токмо Бъ единъ вгъсть». СѸна же рекоста: «**Въ два вгъдаевъ, како есть створенъ члѣкъ**» (6579 / 1071), И р^{че} има Янь: «<...> А вама же zde мука прияти ѿ мене, а по смърти – тамо». СѸнгма же рекшима: «Нама бзи повгъдають: **не можеша нама створити ничтоже**» (6579 / 1071). В диалогах, в которых собеседники обмениваются мнениями, ответные реплики позволяют говорящему выразить свою точку зрения, привести свое оценочное суждение и в то же время указать на несогласие с точкой зрения собеседника, попытаться опровергнуть ее.

(25) В та же времена приде волхвъ, прельщенъ бгъсомъ. Пришедъ бо Кыеву, глше: «Явили ми са есть .ѣ. бѣ, глше сице: “Повгъдаи людемъ, яко на пать лг^н Днгъпру потещи вгъспать <...>”». Ег^{же} невелиши послушахуть, а вгърнии насмгъхахуса, глше ему: «**Бгъсь тобою играеть на пагубу тобѣ**». И҃же и бы^с ему: вь едину бо ноць бы^с безвгъсти (6579 / 1071). Ответная реплика в (25) содержит не только оценочное суждение и опровержение точки зрения оппонента, но также является предостережением.

(26) И оумножишася разбоевъ, и р^{че} еп^спъ Володимеру: «Се оумножишася разбоиници. Почто не казниши?» СѸн же рче: «Бояса грѣха». СѸни же ргъша ему: «<...> **Достоить ти казнити разбоиника, нъ съ испытаниемъ**». Во^додимеръ же ѿвгъргъ виры и нача казнити разбоинику (6504 / 996). Данный диалог является одновременно *прескриптивным* и содержащим *обмен мнениями*. В связи с этим ответная реплика епископа имеет несколько функций: это генеритивное утверждение, отражающее точку зрения говорящего, и вполне естественно, что в нем используется форма в значении *настоящего гномического*. Данное высказывание опровергает точку зрения собеседника, и оно же мотивирует его на выполнение действия, к которому призывает его говорящий.

Использование форм настоящего времени в неканонической ситуации общения

В начале статьи нами уже была затронута проблема выражения *настоящего актуального* в диалогических фрагментах. Необходимо отметить, что выражение этого значения в большинстве случаев связано с передачей информации в *неканонической ситуации общения* – коммуникации, осуществляемой через послов. Ситуация общения при

этом выглядит следующим образом: некое социально значимое лицо адресует информацию другому социально значимому лицу, находящемуся в другом месте, а для передачи сообщения отправляет посла, который должен донести информацию до адресата. Таким образом, нарушаются все три составляющие канонической ситуации общения: одним из «говорящих» участников коммуникации становится посол, всего лишь озвучивающий чужие слова, при этом настоящие коммуниканты находятся в разных местах и время произнесения и восприятия каждой из реплик не совпадают.

В летописи обнаруживается несколько способов описания такой ситуации.

(27) *И заоутра Сѡльга, съдаци в теремѣ, посла по гости, и придоша к нимъ, глѹще: «Зовѣтъ вы Сѡльга на чѣтъ велику»* (6453 / 945). Послы передают речь инициатора коммуникации при помощи *репродуктива*, при этом происходят изменения в субъектной перспективе высказывания (исходное «Я зову вас» меняется на «Ольга зовет вас»), но используется форма настоящего времени глагола. Таким образом, говорящий ориентируется на время восприятия информации, а не на время первичного произнесения высказывания.

(28) *Игорь же призва посла^у грѣцкыя, р^{че}: «Молвите, что вы казаль чѣрь?»* *И ркоша сли чѣрви: «Се посла ны чѣрь, радѣ есть миру и хочеть мирь имѣти съ князе^м ру^{кы}мъ и любовь. И твои сли водили суть чѣра наше^ѡ ротѣ, и насѣ послаша ротѣ водить тебе и мужь твоихъ»* (6453 / 945). Речь инициатора коммуникации передается также при помощи *репродуктива*, меняется субъектная перспектива, используется форма настоящего времени (*радѣ есть миру и хочеть мирь имѣти съ князе^м ру^{кы}мъ и любовь*), но появляется фрагмент, который описывает условия первичного произнесения высказывания (*се посла ны чѣрь*) и в котором указывается цель посольства (*насѣ послаша ротѣ водить тебе и мужь твоихъ*) – и в том и в другом случае используются формы аориста.

(29) *По семь же придоша нѣмци ѿ Рима, глѹще, яко: «Придохомъ послани ѿ папежа». И ркоша ему: «Реклъ ти папежь: “Земля твоя яко земля на^и, а вѣра ваша не акы вѣра наша. <...>”* (6494 / 986), *И рекоша новгородци Стополку: «Се мы, княже, прислани к тобѣ, и рекли намъ тако: “Не хоцемъ Стополка, ни сѣна его. Аще ли двѣ головѣ имѣеть сѣн твои, то посли и. Сего ны далъ Всеволодъ, оускормили есмы собѣ княза, а ты еси шель ѿ насѣ”»* (6610 / 1102). Послы описывают условия первичного произнесения высказывания, при этом главным является указание инициатора коммуникации («Реклъ ти папежь») или полномочий послов («Се мы,

кнаже, прислани к тобѣ, и рекли намъ тако»). В данных фрагментах, похожих на элементы *рамочных конструкций* в обычном *нарративе*, используются формы перфекта без связки. Содержание же речей инициатора коммуникации передается от первого лица с использованием формы настоящего времени, то есть *репродуктив* замещается *цитатой*, что позволяет решить проблему несовпадения во времени: имитируется ситуация, при которой инициатор коммуникации как бы находится рядом с адресатом и произносит свои речи сейчас, в момент их восприятия («*Не хоцемъ Стополка, ни сѣна его. <...>*»).

(30) Цѣрь же наоутрѣя призва я, и рѣе цѣрь: «*Да ѣлють ^{но}сли рѣсѣши*». Сѣни же ркоша: «*Тако ѣтъ князь нашъ: “Хочю имѣти любовь съ царе” грѣцькымъ свѣршену прочая всѣ лѣта*» (6479 / 971), И, соумавше, послаша къ Дѣдѣи мужи свои: Стополкъ – Путѣту, Володимерь – Ратибора, Дѣдъ, Сѣлегъ – Торчина. Послании же придоша къ Дѣдѣи и рекоша ему: «*Се ти молвѣтъ бра^тя: “Не хоцем ти вдати стола Володимерьскаго, зане оувергъ еси ножъ в ны, егоже не было в Русьской земли. Но мы тебе не имѣ^м, ни иногo зла створимъ, но се ти даемъ: шедъ, сади в Божескомъ во встрозѣ. Дубень и Черторыескъ – то ти даетъ Стополкъ, а се ти даетъ Володимерь .с. гривень, Дѣдъ и Сѣлегъ – .с. гривень*» (6607 / 1099). Это наиболее часто используемый в летописи способ; он отличается от предыдущего тем, что в *рамочной конструкции*, включенной в прямую речь, используется форма настоящего времени («*Тако ѣтъ князь нашъ*»; «*Се ти молвѣтъ бра^тя*»). Таким образом, на первый план опять выступают интересы адресата – говорящий ориентируется на время восприятия.

(31) Ī присла Володимеръ втрока своего Блудюка по Ит^тареву чадъ, ĩ рѣе Блудюкъ ко Ит^тареву: «*Зоветь вы князь Володимеръ, рекль тако: “Сѣбувшеса в теплѣи ѣзбѣи ĩ завѣтрокаше в Ратибора, придѣте же ко мнѣ”*». Ī рѣе Итларь: «*Тако буди*» (6603 / 1095). Пример (31) объединяет в себе признаки, обнаруживаемые в (29) и (30): в *рамочной конструкции* употребляются формы как настоящего, так и прошедшего времен – форма настоящего называет иллюкутивную функцию высказывания инициатора коммуникации, а форма перфекта – локутивный акт («*Зоветь вы князь Володимеръ, рекль тако*»).

Характерно, что установленная закономерность, состоящая в том, что в условиях отступления от канонической ситуации общения предпочтительным с точки зрения древнерусского коммуниканта является ориентация на интересы адресата, проявляется и в случаях описания чужих переговоров:

(32) *И р̑е же Блудъ Яроп̑лку: «Киянь слютса къ Володимирю, љщце: “Приступаи къ городу бранью, як̑ предамы ти Ярополкъ”. Побѣгни изъ града». И послуша его Ярополкъ и бѣжа изъ гра̑* (6488 / 980). Блуд рассказывает Ярополку о том, что уже произошло, однако и здесь в рамочной конструкции используется форма настоящего времени *слютса*.

Аналогичное употребление обнаруживается и в случае обращения говорящего к *репродуктиву*:

(33) *Давыдъ иде в лахы к Володиславу, ища помощи. Лахове же вбѣщашася се створити и взяша у него .н. гривень злата, рекуще ему: «Поиди с нами Берестью, яже се вадитъ ны Стополкъ на снемъ. И ту вмиримъ тѧ съ Стополкомъ»* (6605 / 1097). «*Се вадитъ ны Стополкъ на снемъ*», – сообщают ляхи кн. Давыду, рассказывая об уже имевшем место, однако до сих пор действующем приглашении кн. Святополка.

Та же закономерность проявляется и во фрагментах, в которых описывается речевая деятельность инициатора коммуникации, моделирующего будущую речь своих посланников.

(34) *Приде Володимеръ с врагъы къ Новгороду и р̑е посадник̑и Яроп̑льчимъ: «Идете къ брату моему и ре̑те ему: “Володимеръ идетъ на тѧ, пристраиваиса противу битса”». И съде в Новъгородъ* (6488 / 980). Ориентируясь на своего собеседника и учитывая, что его слова будут произносить послы, кн. Владимир называет себя не при помощи местоимения 1 лица, а по имени и использует при этом форму настоящего времени. Таким образом, вместо потенциально возможного «*Я пойду на тебя*» звучит «*Владимир идет на тебя*», хотя в момент произнесения этого высказывания кн. Владимир находится в Новгороде, а на Киев выступать только собирается. И действительно, он выступает на Киев только после похода на Полоцк.

(35) *Василкови же сущю в Володимери на прѣже реченомъ мѣстѣ, яко приближиса постъ великыи, и мнѣ ту сущю, оу Володимѣрь, оу едину ноць присла по ма князь Дѣдъ. И придохъ к нему, и съгдаху дружина вколо его, и посади ма и рече ми: «Се молвилъ Василко сыночи ко Вланови и къ Колчи, рекль тако Василко: “Се слышу, вже идетъ Володимеръ и Стополкъ на Дѣда. Да же бы мене Дѣдъ послушалъ, да быхъ послалъ мужа своего к Володимеру: “Воротиса!” Врѣде бо сѧ с нимъ что молвивъ, не поидеть”. Да се, Василю, илю тѧ: гди к Василкови со сима втрокома, и молви ему тако: “Сѣже хочещи послати мужа своего, и воротитсѧ Володимеръ, то вдам ти которыи любо городъ: любо Всеволожь, любо Шеполь, любо Перемиль”». Азь же идохъ к Василкови и повѣдахъ ему всю рѣчь Дѣдву* (6605 / 1097).

Наиболее сложно устроен фрагмент (35). Поп Василий воспроизводит речь кн. Давыда, адресованную ему – попу Василию. В этой речи кн. Давыд сообщает ему, что сказал ночью Улану и Колче кн. Василько. Он воспроизводит его слова «*Се слышу, вже идетъ <...>*», в том числе реплику «*Воротиса!*», которую кн. Василько моделирует для произнесения своим посланцем в случае осуществления некоторого условия. Оценивая эту реплику, кн. Давыд, напрямую обращаясь к попу Василию «*Да се, Василю, илю тѧ <...>*», предлагает ему выступить в качестве посла и передать кн. Василько слова «*Гже хоцещи послати мужа своего <...>*». Таким образом, в одном фрагменте описывается 4 коммуникативных события (далее – КС) с разным коммуникантами.

В первом из них кн. Давыд является инициатором диалога, поп Василий – собеседником. Это каноническая ситуация общения, кн. Давыд использует форму настоящего времени *илю* в качестве *перформатива*. Вообще же все формы в речи князя *дейктически* ориентированы на *момент речи*. При этом в *рамочной конструкции* поп Василий использует нарративную стратегию последовательного перечисления имевших место событий («*<...> присла по ма князь Двдъ, и приидохъ к нему, и съдаху дружина иколо его, и посади ма и рече ми <...>*»).

Участниками второго КС являются кн. Василько и Улан с Колчей; вероятно, это также каноническая ситуация общения, кн. Василько употребляет *дейктически* ориентированные на момент речи формы, в частности формы настоящего времени «*се слышу, вже идетъ <...>*».

Третье КС является виртуальным – кн. Василько моделирует реплику, которую должен был бы адресовать кн. Владимиру посланный им муж – «*Воротиса!*». Характерно, что эта реплика не вводится в текст при помощи *рамочной конструкции*, в связи с чем ее выделение проблематично.

Участниками четвертого КС должны стать поп Василий, передающий слова кн. Давыда, и адресат – кн. Василько. Кн. Давыд, моделируя высказывание, которое будет произнесено через некоторое время, ориентируется на момент восприятия: «*Гже хоцещи послати <...>*» – имеется в виду момент, когда кн. Василько слышит эти слова. Следует обратить внимание на то, что в этой моделируемой реплике кн. Давыд использует формы 1 лица: «*<...> вдам ти котории любо городъ*». Понятно, что, когда эти слова будет слушать кн. Василько, они будут произноситься попом Василием, и он должен будет сказать князю: «*Вот что просил передать тебе князь Давыд*». Однако мы, читатели ПВЛ, все понимаем, поскольку для нас моментом восприятия является именно момент произнесения этих слов кн. Давыдом.

Итак, читая данный фрагмент, столь насыщенный КС, мы не испытываем проблем с его истолкованием. Автор достигает этого результата за счет того, что в каждом из случаев четко указывает, кто является участником диалога и какую роль в нем играет: (1 КС) *«присла по ма князь Двѣдъ и посади ма и рече ми»*, (2 КС) *«се молвить Василко сыночи ко Вланови и къ Колчи, рекль тако Василко»*, (3 КС) *«послалъ мужа своего к Володимеру»*, (4 КС) *«Да се, Василю, шлю та: гди к Василкови со сима штрокома, и молви ему тако»*.

Безусловно, жанр статьи накладывает на исследователя определенные ограничения в отборе материала, и нами остались нерассмотренными крайне интересные случаи использования в прямой речи конструкций с формами глаголов *хотети*, *видети*, а также конструкций со связками и без формально выраженных связок, однако и на основе проанализированного можно сделать некоторые выводы.

Употребление форм настоящего времени в прямой речи персонажей ПВЛ напрямую связано с описываемыми в тексте условиями коммуникации и существенно отличается от использования этих форм в нарративе. Значения настоящего времени тесно связаны с конкретным коммуникативным событием: так, настоящее гномическое чаще всего позволяет создать высказывание, служащее аргументом в прескриптивном диалоге или диалоге с установкой на обмен мнениями; настоящее актуальное подразумевает передачу информации о местонахождении или перемещении лица, которое отсутствует в месте, где происходит коммуникации. Это относится и к тем случаям, когда таким лицом является инициатор коммуникации, общающийся с собеседником через послов. В ситуации такого дистантного – как в пространстве, так и во времени – общения говорящий руководствуется интересами слушателя, и форма настоящего в этом случае называет действие, одновременное моменту восприятия. Также обращение к формам настоящего времени позволяет говорящему использовать свое высказывание в качестве КРА; особенно часто это происходит с вопросительными высказываниями, в которых название при помощи форм настоящего времени очевидных, не требующих уточнения сведений служит целям выражения непрямых коммуникативных целей – одобрения, осуждения, призыва к действию, угрозы. Зачастую использование форм настоящего времени позволяет говорящему сделать свое высказывание иллокутивно полифункциональным, что дает ему возможность реализовать принцип экономии речевых усилий на коммуникативном уровне – используя одно высказывание, он достигает одновременно нескольких коммуникативных целей.

Все эти характеристики удалось установить при анализе письменного текста, в котором воспроизводится или имитируется устная речь, и они действительно отражают тенденции устной коммуникации, что подтверждает наше предположение: исследование древнерусской устной речи по письменным источникам оказывается вполне возможным.

Литература

Полное собрание русских летописей, изданное по Высочайшему повелению Императорскою Археографическою Комиссиею. СПб., 1908. Т. 2.

СООТНОШЕНИЕ «ЧАСТЬ – ЦЕЛОЕ» В ОПИСАТЕЛЬНЫХ ТЕКСТАХ, ОСНОВАННЫХ НА НЕПОСРЕДСТВЕННОМ НАБЛЮДЕНИИ

М.Ю. Сидорова, Ю.В. Роговнева

Ключевые слова: анализ текста, «часть–целое», тема, рема, репродуктивный регистр, описательный текст.

Keywords: text analysis, «part–whole», theme, rheme, reproductive register, descriptive text.

Стремление видеть жизнь человека в языке, а текст как основной объект филологии в его «жизни»: в когнитивной, предметной и коммуникативной деятельности [Чувакин, 2007, с. 333–334] – является тем инструментом тонкой настройки, который позволял и позволяет проф. А.А. Чувакину одним из первых в отечественной лингвистике реагировать на новые языковые факты и изменения в коммуникативной реальности и всегда находиться на переднем крае научного поиска – там, где от лингвистики ожидаются внутридисциплинарные и междисциплинарные прорывы к знанию, необходимому для решения актуальных задач современного общества. Одним из таких перспективных научных направлений является изучение отношения между различными типами текстов и отражаемой в них действительностью, при этом под действительностью понимаются «и явления, предметы, процессы, отношения т. д., существующие независимо от человека и данные ему в опыте, и явления, предметы, процессы, отношения сознания человека как предпосылки его деятельности, как начала конструирования человеком

«мира», создания смыслов, и созданные человеком мыслительные конструкции – схемы, структуры, концепты» [Теория текста, 2010, с. 82].

Предлагаемая статья посвящена аспекту языкового отражения действительности, объединяющему – с практически неразличимой границей – предметный мир с миром мыслительных конструкций: соотношению «часть – целое». «Язык дискретен и это предполагает дискретность отраженного в нем мира. Процесс познания предмета начинается с его вычленения из окружающей действительности и его отделения от пространственного фона. Для того, чтобы познать и поименовать предмет, необходимо перерезать пуповину, соединяющую его с монолитом природы. <...> Между естественной дискретностью мира и ее отражением в языке нет полного тождества, но между ними необходимо существует соответствие, без которого язык не мог бы выполнить своего коммуникативного назначения» [Арутюнова, 1980]. Выделение из непрерывного потока действительности *целых* объектов и членение их на *части* – проблема, которая, будучи не до конца исследованной по отношению к человеческому восприятию, мышлению и языку [Gerstl, Pribbenow, 1995], перекочевала в последние десятилетия в сферы компьютерных технологий. Ее актуальность обусловлена тем, что она является частью более широких проблем моделирования объектов (object modeling) и представления знаний (knowledge representation) [Artale et al., 1996], решение которых необходимо для разработки искусственного интеллекта, формальных языков, создания систем компьютерного зрения, организации электронных хранилищ данных, включая библиотеки, для построения специальных онтологий, в частности в области медицины и биологии [Rogers, Rector, 2000; Smith et al., 2005; Schulz, Hahn, 2005], совершенствования научной коммуникации и методик преподавания и т.п. Именно на онтологическом подходе строятся современные попытки автоматического установления отношений «часть – целое» [Hage van et al., 2006; Keet et al., 2012; Morales-Gonzalez et al., 2012] (пример более текстово ориентированного подхода представлен в [Girju et al., 2003]). И именно в сфере изучения онтологических отношений «часть – целое» достигнуты на настоящий момент те результаты, которые легли в основу прикладных применений. Отношения «часть – целое» получили свое место в общей онтологии отношений («класс – инстанция», «объект – атрибут» и т.п.) и отграничиваются от смежных непартитивных (немереологических) отношений, таких как классификационные, локативные, посессивные и др. [Арутюнова, 1980; Wierzbicka, 1984; Herrmann et al., 1986; Winston et al., 1987]. Выделены и ранжированы разновидности «частей», «целых» и отношений «часть – целое», например: 1) *component – integral object*

(*pedal – bike*), 2) *member – collection (ship – fleet)*, 3) *portion – mass (slice – pie)*, 4) *stuff – object (steel – car)*, 5) *feature – activity (paying – shopping)*, 6) *place – area (Everglades – Florida)* [Winston et al., 1987]; *quantity – mass / element – collection / component – complex* [Gerstl, Pribbenow, 1995]; *structure dependent parts, temporarily constructed parts, arbitrary parts* [Gerstl, Pribbenow, 1995]; *structure-part-of, portion-of, component-of, stuff-of, layer-of, irregular-piece-of, solid-piece-of* и др. [Rogers, Rector, 2000]; постоянное / временное отношение «часть – целое», отношения «часть класса» и «часть инстанции» [Smith et al., 2005]. Охарактеризованы свойства партитивных отношений – транзитивность, несимметричность, рефлексивность [Cruse, 1979].

Системно-лингвистический анализ обращает внимание на средства выражения партитивных отношений в языке различными частями речи: глаголами [Золотова, Онипенко, Сидорова, 1998; Киселева, 2006] и существительными [Горбунова, 1984; Останина, 2008] – и грамматическими категориями [Кацнельсон, 1941; Холодович, 1958; Рахилина, 2000; Успенский, 2004]. Также партитивность исследовалась как лексико-семантическое поле [Рыжук, 2008].

При лингвистическом анализе текста внимание сосредотачивают обычно на частях вербального целого: словесная последовательность членится на лексические, синтаксические, композиционные элементы для выявления тактики и стратегии говорящего, способов селекции и комбинации языковых единиц. Гораздо меньше внимания уделялось до сих пор способам вербализации отношений «часть – целое» в структуре описываемого объекта, анализ которых, с одной стороны, помогает объяснить устройство текста и приблизиться к пониманию того, как говорящим этот текст создается [Золотова, Онипенко, Сидорова, 1998], с другой – дает важную информацию о том, как человек оперирует объектами и их частями в процессе «thinking for speaking» [Slobin, 1987; 1996; 2000].

Для изучения последовательного развертывания отношений между целым и его частями в описательном тексте мы обращаемся к нефикциональным репродуктивным текстам, в которых говорящий не создает вымышленную реальность (как в текстах художественной литературы), а описывает реальность, в которой он действительно находится или находился (см.: [Сидорова, 2015а; 2015б] о классификации коммуникативных ситуаций, в которых могут порождаться тексты репродуктивного регистра). Подчеркнем, что синтаксическая организация текстов, опирающихся на конкретную перцептивную ситуацию, отличается от синтаксической организации текстов, которые не имеют такой опоры. В первом случае говорящий при создании текста выстра-

ивает в линейную последовательность предложения, содержащие сообщения о частях объекта, их признаках и признаках целого объекта, как бы симулируя движение и акцентирование взгляда. Поэтому для него важно и первично разделение «того, что он видит», на «данное» и «новое», то есть тема-рематическое членение текста, определяемое исследованием объекта (у этого исследования и его вербализации могут быть разные цели, поставленные самим говорящим или извне и влияющие на языковой облик и композицию текста; в нашем случае задача ставилась экспериментатором). Номинативные соотношения «часть – целое» в тексте взаимосвязаны с тема-рематическим строением и рематическими доминантами (подробнее о доминантах см.: [Золотова, 1982; Роговнева, 2015]). Для текстов, в которых описывается наблюдаемая действительность, именно анализ ремы оказывается значимым, поскольку исходно описываемый говорящим по собственному выбору или «заказу» извне наблюдаемый объект (лицо, предмет, локус) является «данным», «известным» (темой), а «новым» (ремой) – вся информация, которую говорящий сообщает об этом «известном». Анализ языковых способов выражения ремы позволяет выяснить, как говорящий вводит в свой текст новую информацию, то есть приближает исследователя к постижению стратегии говорящего. Говорящий членит объект действительности на части и наделяет эти части признаками. Признаками может наделяться и целый объект. Таким образом, казалось бы, все части объекта и все признаки первоначально должны появиться в тексте в функции ремы. Однако, как указывал еще Л.С. Выготский, строя внешнюю речь, говорящий учитывает и позицию адресата, подразумевая наличие у него определенных представлений об устройстве мира и актуальной денотативной ситуации. Поэтому типовые части объекта (например, стены, пол и потолок при описании помещений; руки, голова, ноги и другие части тела при описании человека и под.) могут входить в текст сразу в тематической позиции.

В то же время уже упомянутая в реме часть целого в последующих упоминаниях будет выступать уже в функции темы.

Таким образом, можно предположить, что описания одного и того же перцептивного объекта (при синхронном восприятии, опосредованном или не опосредованном изображением, или по памяти) будут варьироваться: а) по количеству упоминаний целого; б) по количеству упоминаемых частей целого (разных и повторяющихся); в) по способу ввода частей целого в текст – в теме или в реме; г) по количеству называемых признаков целого, перцептивных и неперцептивных, разных и повторяющихся; д) по количеству называемых признаков частей (разных и повторяющихся); е) по способу ввода обозначений признаков в

текст – в теме или в реме. Анализ этих параметров, очевидно, можно автоматизировать после ручной разметки. Вариант такой разметки будет предложен далее.

Материалом для анализа служили нефикциональные репродуктивные тексты-описания, полученные в результате 8 экспериментов, проведенных со студентами московских вузов (детальный коммуниктивно-грамматический анализ текстов с использованием четырехступенчатой схемы анализа Г.А. Золотовой представлен в [Роговнева, 2016]). Респондентам предлагалось описать человека, место и предмет, используя репродуктивную модель видения действительности, которая предполагает воспроизведение средствами языка реально наблюдаемого в настоящий момент времени (говорящий находится в одном хронотопе с описываемым объектом). Для наглядности все данные об экспериментах обобщены в таблице:

Объект описания	Тип коммуниктивной ситуации	Тип задания	Название эксперимента	Кол-во участников
1. Лицо	1.1. Описание реально наблюдаемого в хронотопе говорящего знакомого человека.	Внешнее, условно коммуниктивное	«Сосед по парте»	70
	1.2. Описание по фотографии	Внешнее, условно коммуниктивное	«Знаменитость на фотографии»	60
2. Локус	2.1. Описание по памяти знакомого говорящему места	Внешнее, условно коммуниктивное	«Станция метро “Университет”»	40
			«Вход в учебный корпус»	23
	2.2. Описание реально наблюдаемого в хронотопе говорящего знакомого места	Внешнее, условно коммуниктивное	«Аудитория»	60
	2.3. Описание по фотографии	Внешнее, условно коммуниктивное	«Фотография незнакомого места»	15
3. Предмет	Описание реально наблюдаемого в хронотопе говорящего знакомого предмета	Внешнее, условно коммуниктивное	«Сумка»	50
			«Телефон / планшет»	40

Таким образом, было получено 358 нефикциональных репродуктивных текстов-описаний человека, места и предмета, которые различаются в зависимости от коммуникативной ситуации (знакомство / незнакомство говорящего с описываемым объектом и положение говорящего по отношению к этому объекту – прямое наблюдение или описание «по памяти»). Отметим, что тексты-описания по «памяти» относятся к периферии репродуктивного регистра, поскольку в них говорящий описывает не то, что наблюдает в данный момент, а то, что он видел раньше. В результате он помещает свои знания и воспоминания в репродуктивную модель видения действительности и использует языковые средства репродуктивного регистра для ее текстового воплощения.

Для разметки мы используем следующие обозначения:

- [объект] – упоминание в тексте объекта в целом;
- [часть] – упоминание в тексте части объекта в целом;
- [признак объекта / части] – упоминание в тексте признака объекта или его части.

Индексами 1, 2, 3 и т.д. мы обозначаем последовательность упоминания частей и признаков объекта в целом в пределах одного текста (например, в первом предложении текста: *Большое советское здание* – [признак 1] [признак 2] [объект]). Для упрощения восприятия мы даем схематическую запись текста по предложениям и не используем разделительные знаки между компонентами модели, частями полипредикативной конструкции и т.п.

Текст 1 – описание соседа по парте

Моя соседка по парте одета в серые брюки и фиолетовую кофту.

[объект] [признак 1] [признак 2] [признак 3] [признак 4]

Ее русые волосы собраны сзади с помощью коричневого блестящего краба.

[объект] [признак 5] [часть 1] [признак 6] [часть 2]¹ [признак 7] [признак 8] [признак 9]

На ее ушах висят сережки, представляющие из себя зеленый камень в золотой оправе.

[объект] [часть 3] [признак 10] [признак 11] [признак 12] [признак 13] [признак 14]

Из-под фиолетовой кофты видны зеленые рукава, ногти покрыты черным лаком.

¹ В этой конструкции под [часть 2] мы имеем в виду синтаксему *сзади*, обозначающую заднюю часть головы.

[признак 3] [признак 4] [признак 15] [признак 16] [часть 4] [признак 17] [признак 18]

Фиолетовая кофта украшена блестящими стразами.

[признак 3] [признак 4] [признак 19] [признак 20]

Таким образом, автор этого описания упомянул 4 части объекта и 20 признаков.

Текст 2 – описание человека на фотографии

На картинке изображена красивая девушка.

[признак 1] [объект]

Она одета в черный мужской костюм.

[объект] [признак 2] [признак 3] [признак 4]

На голове у нее высокий цилиндр.

[часть 1] [объект] [признак 5] [признак 6]

Из-под него виднеются очень светлые, вьющиеся волосы.

[признак 6] [признак 7] [признак 8] [часть 9]

В руке девушка держит сигарету, от которой исходит дым.

[часть 2] [объект] [признак 9] [признак 9][признак 10]

Благодаря тому, что одна нога закинута на другую, мы видим обувь – черные лакированные ботинки.

[часть 3а] [часть 3б] [признак 11] [признак 12] [признак 13] [признак 14]

У нее тонкие брови, крупный прямой нос.

[объект] [признак 12] [часть 4] [признак 15] [признак 16] [часть 5]

На шее – белоснежная бабочка.

[часть 5] [признак 17] [признак 18]

Здесь – 5 частей объекта и 18 признаков.

Текст 3 – описание станции метро «Университет»

На станции метро «Университет» есть два выхода с улицы.

[объект] [части 1а,б]

Эскалатор у первого входа ведет сразу к платформам, а если войти через другой вход, то после эскалатора нужно еще пройти и спуститься по ступенькам.

[часть 2а] [часть 1а] [часть 3] [часть 1б] [часть 2б] [часть 4]

Станция большая и светлая.

[объект] [признак1] [признак2]

Стены покрыты плиткой, а пол и колонны – мрамором.

[часть 5] [признак 3] [часть 6] [часть 7] [признак 4]

Потолок белый.

[часть 8] [признак 5]

По всей его длине друг за другом – обычные белые светильники, которые сливаются в одну линию.

[часть 8] [признак 6] [признак 7] [часть 9] [часть 9] [признак 8]
 Если стоять в центре зала, то, глядя в один конец, можно увидеть эскалатор, а с другой – просто стену.

[часть 10] [часть 11a] [часть 2a] [часть 11b] [часть 5]
 Станция не украшена мозаиками, росписями или скульптурами, как некоторые другие.

[объект] [признак 9] [признак 10] [признак 11]
 Зато у колонн есть лавочки, на которых можно посидеть.

[часть 7] [часть 12] [признак 12]
 В описании упомянуто 12 частей объекта и 12 признаков.

Текст 4 – описание телефона

Предмет золотистого цвета.

[объект] [признак 1]
 Вверху продолговатый динамик, слева от него три черные точки.

[часть 1] [признак 1] [часть 2] [часть 2] [признак 2] [часть 3]
 Внизу – одна выпуклая кнопка.

[часть 4] [признак 3] [часть 5]
 Экран черный, в разводах.

[часть 6] [признак 4] [признак 5]
 На нем есть несколько неглубоких царапин.

[часть 6] [признак 6] [признак 7] [признак 8]

По бокам кнопки, которые регулируют громкость, слоты для сим-карт и карты памяти.

[часть 7] [часть 8] [часть 8] [признак 9] [часть 9] [признак 10]
 [признак 11]

На тыльной стороне – камера, вспышка, еще один динамик.

[признак 12] [часть 10] [часть 11] [часть 12] [часть 13]
 Телефон гладкий на ощупь, тонкий и вытянутый в высоту.

[объект] [признак 13] [признак 14] [признак 15]
 Упомянуто 13 частей объекта и 15 признаков.

Текст 5 – описание сумки

Я вижу прямоугольную сумку с короткими ручками.

[признак 1] [объект] [признак 2] [часть 1]

На передней стороне сумки расположены композиции из трех золотистых кружочков с необычным узором.

[признак 3] [часть 2] [признак 4] [признак 5] [признак 6] [признак 7]

Фурнитура тоже золотистая.

[часть 4] [признак 8]

По бокам сумки расположены крючки.

[часть 5] [часть 6]

Значит, к ней можно присоединить длинный ремень и носить сумку через плечо.

[объект] [признак 9] [часть 7] [признак 10]

Судя по ощущениям, сумка из кождама.

[объект] [признак 11]

Пахнет нейтрально.

[признак 12]

Одна из ручек надорвана.

[часть 1a] [признак 13]

Сзади есть небольшой карман на молнии.

[часть 8] [признак 14] [часть 9] [признак 15]

Он выпуклый, из него торчит носовой платок.

[часть 9] [признак 16] [часть 9] [часть 10]

В сумке одно отделение, оно застегивается на молнию.

[объект] [часть 11] [часть 11] [признак 17]

Упомянуто 11 частей объекта и 17 признаков.

Подобная разметка позволяет выполнять квантитативный анализ текста:

а) подсчитать количество и порядок появления разных частей объекта и признаков в отдельном тексте;

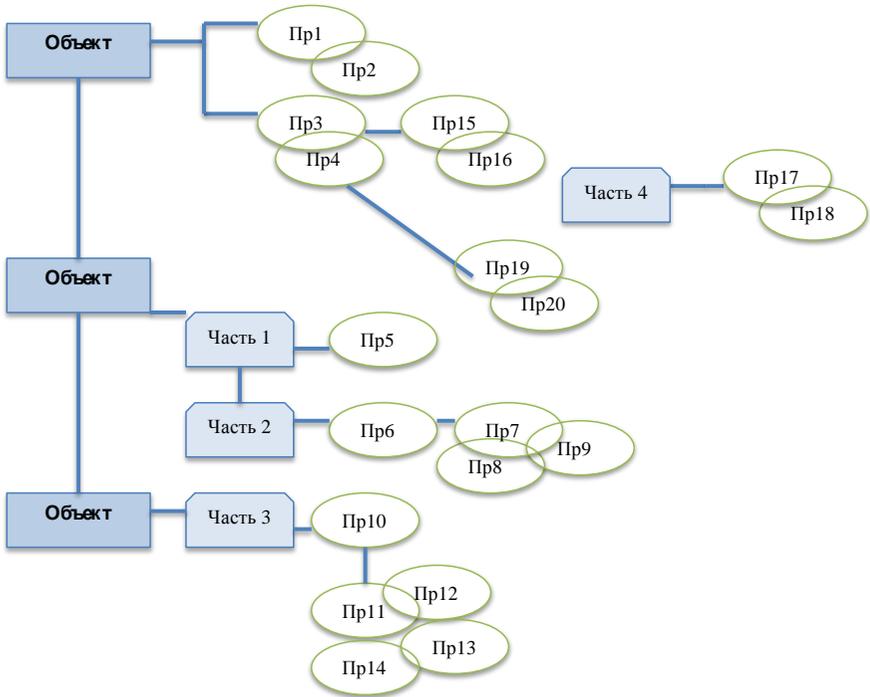
б) сравнить количество разных упоминаемых частей объекта и признаков в текстах разных авторов или в текстах одного автора, описывающих разные объекты в разных коммуникативных ситуациях;

в) определить (с помощью анализа всех описаний объектов определенного типа), какие части объекта и признаки упоминаются в текстах чаще, а какие реже (например, пол / стены / потолок при описании помещения), и на каком месте в абсолютной линейной последовательности текста или относительно других частей они появляются.

Кроме того, на основе такой разметки можно выполнять качественный анализ текста. Так, например, можно сопоставить способ введения тех или иных частей объекта в текст – в тему или в ремю. Ср. в тексте 3 *колонны* появляются сразу в теме, а в тексте 4 – сначала вводятся в ремю. Можно также определить, насколько дифференцируются в тексте объекты, названные одинаковыми лексемами (например, *стены – задняя, вдоль путей...; таблички – на стенах, на потолке...; эскалаторы, лестницы...*).

Наконец, предлагаемая методика позволяет взглянуть на то, как в словесной линейной последовательности разворачивается и структурируется соотношение «часть – целое», через призму текста, а не предложения. См. схему ниже, на которой представлен первый из приведенных примеров (Пр. = признак). Наглядно видно, к каким ча-

стям/признакам объекта говорящий возвращается по ходу развития текста, чтобы использовать их как данное для введения нового, а о каких, раз упомянув и охарактеризовав их, забывает; в каком месте в цепочке возникает «разрыв» (упоминание ногтей (части 4) сразу в теме, обусловленное фоновыми знаниями); какие части объекта получают дальнейшее членение; где сосредотачивается максимальное количество признаков (то есть внимание говорящего).

Литература

- Арутюнова Н.Д. К проблеме функциональных типов лексического значения // Аспекты семантических исследований. М., 1980.
- Горбунова О.В. Сопоставительный анализ имен партитивного значения в английском и русском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1984.
- Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982.
- Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998.
- Кацнельсон С.Д. К истории партитивного определения // Кацнельсон С.Д. К истории партитивного определения // Ученые записки ЛГУ. Серия филол. наук. 1941. Вып. 5. № 58.

Киселева С.В. Отношения «части и целого», выраженные предикатами партитивной семантики // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2006. Вып. 21-1. Т. 7.

Останина М.А. Концептуализация части и ее вербализация в языке на примере вещественных существительных // Мир науки, культуры, образования. 2008. № 2.

Рахилина Е.В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М., 2000.

Роговнева Ю.В. Типовые значения предложений и рематические доминанты в репродуктивных текстах-описаниях места // Вестник РУДН. Серия «Русский и иностранные языки и методика их преподавания». 2015. № 3.

Роговнева Ю.В. Коммуникативно-функциональный анализ нефикциональных репродуктивно-описательных текстов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2016.

Рыжук Н.С. Коррелятивные отношения части и целого: семантический и лингвокультурологический аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2008.

Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка и мировая экспериментальная когнитивистика: потенциал взаимодействия // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры. СПб., 2015. Т. 8.

Сидорова М.Ю. Система коммуникативных регистров и типология коммуникативных ситуаций // Языковые категории и единицы: синтагматический аспект. Владимир, 2015.

Теория текста. М., 2010.

Успенский Б.А. Часть и целое с русской грамматике. М., 2004.

Холодович А.А. Партитивный атрибут в японском языке // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. М., 1958. Т. VII. Вып. 1.

Чувакин А.А. К исследованию «жизни» текста // Русский язык: исторические судьбы и современность. М., 2007.

Artale A., Franconi E., Guarino N., Pazzi L. Part – whole relations in object-centered systems: an overview // Data and Knowledge Engineering. 1996. Vol. 20(3).

Cruse D.A. On the transitivity of the part-whole relation // Journal of Linguistics. 1979. №15.

Gerstl P., Pribbenow S. Midwinters, end games, and body parts: a classification of part-whole relations // International Journal of Human-Computer Studies. 1995. Vol. 43. Issue 5-6.

Gerstl P., Pribbenow S. A conceptual theory of Part – Whole Relations and Its Applications // Data and Knowledge Engineering. 1996. Vol. 20(3).

Girju R., Badulescu A., Moldovan D. Learning semantic constraints for the automatic discovery of part-whole relations // Proceedings of the HLT-NAACL. 2003.

Herrmann D.J., Chaffin R., Winston M. «Robbins are a part of birds»: The confusion of semantic relations. Bulletin of the Psychonomic Society. 1986. № 24.

Hage van W.R., Kolb H., Schreiber G. A Method for Learning Part – Whole Relations // The Semantic Web-ISWC. 2006.

Keet C.M., Fernandez-Reyes F.C., Morales-Gonzalez A. Representing mereotopological relations in OWL ontologies with OntoPartS // Proceedings of ESWC'12. Vol. 7295 of LNCS, 2012.

Morales-Gonzalez A., Fernandez-Reyes F.C., Keet C.M. OntoPartS: a tool to select part-whole relations in OWL ontologies. [Электронный ресурс]. URL: http://2012.eswc-conferences.org/sites/default/files/eswc2012_submission_339.pdf

Rogers J., Rector A. GALEN's model of parts and wholes: experience and comparisons // Proceedings AMIA Symposium 2000. Bethesda, MD: American Medical Informatics Association; 2000.

Smith B. et al. Relations in biomedical ontologies // Genome Biology. 2005. № 6. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.genomebiology.com/2005/6/5/R46>

Schulz S., Hahn U. Part – whole representation and reasoning in formal biomedical ontologies // Artificial Intelligence in Medicine. 2005. Vol. 34 (3).

Slobin D. Thinking for speaking // Papers from the 13th Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society. Berkeley, 1987.

Slobin D. From «Thought and Language» to «Thinking for Speaking» // John Joseph Gumperz and Stephen C. Levinson (Hgg.): Rethinking Linguistic Relativity. Cambridge, 1996.

Slobin D. Verbalized Events: A Dynamic Approach to Linguistic Relativity and Determinism // Evidence for Linguistic Relativity. Amsterdam; Philadelphia, 2000.

Wierzbicka A. Apples are not a «kind of fruit»: The Semantics of human categorization // American Ethnologist. 1984. № 11.

Winston M., Chaffin R., Herrmann D.J. A Taxonomy of Part-Whole Relations // Cognitive Science. 1987. № 11.

РИТОРИКА «ПОТЕРЯННОГО ПОКОЛЕНИЯ» В ПЬЕСЕ А. ЧЕХОВА «ТРИ СЕСТРЫ»: ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМАТИКА И ЖАНРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ

К.Б. Уразаева, Г.С. Бектасова

Ключевые слова: литературоведение, риторика, Чехов, «Три сестры», жанровая трансформация, «потерянное поколение».

Keywords: Literary studies, rhetoric, Chekhov, «Three sisters», genre transformation, «the lost generation».

Впервые термин «потерянное поколение», относящийся к европейской литературе 1920-1930-х годов, по отношению к повести А. Куприна «Поединок» употребил Г. Адамович [Дьякова, 2000, с. 586-625]. Анализ мироощущения «потерянного поколения» в повести А. Куприна «Поединок» стал предметом исследования в магистерской диссертации [Бектасова, 2015а]. Предпринятый авторами настоящей работы в ряде статей и докладов сравнительный анализ произведений А. Чехова и А. Куприна [Бектасова, 2014; Бектасова, 2015г; Бектасова, 2015б; Уразаева, Бектасова, 2015в; Уразаева, Бектасова, 2015] позволил обосновать роль концептов *вера / безверие* как проявления философии «потерянного поколения» и реакцию писателей на ницшевскую рецепцию. Проблема национальной идентичности (в контексте *своего / чужого*) создала возможность изучения национального своеобразия русского экзистенциализма и жанровой трансформации.

Актуальным контекстом исследования пьесы А. Чехова «Три сестры» представляется интеграция литературоведения с риторикой. Возможность нового прочтения русской классической литературы обу-

словлена корректировкой сложившегося подхода при преподавании филологических дисциплин. Так, В. Аннушкин указывает на одну из основных методологических ошибок: «Филология не есть конгломерат языковедения и литературоведения <...> как это представлено в современном школьном и вузовском преподавании. Из этой двоичной схемы удаленной оказалась как раз сердцевина, центр речевой жизни общества – учение о реальной прозе, то есть риторика» [Аннушкин, 2006, с. 33].

Выработка базы интеграции риторики с историей русской литературы может быть уточнена как анализ жанровой структуры произведения посредством риторической аргументации [Чувакин, 2013, с. 16], в том числе речевого воздействия, механизма приобретения текстом аргументативных характеристик как явление межтекста [Чувакин, 2013, с. 5], стратегии аргументатора [Чувакин, 2013, с. 97-107], [Чувакин, Уразаева, 2014, с. 219-225]. Такой подход создает возможность расширения отмеченных Аннушкиным дефиниций риторики [Аннушкин, 2006, с. 34] идеей: риторика – учение о понимании и восприятии художественного текста.

Прочтение проблемы «потерянного поколения» сквозь призму риторической аргументации – цель настоящей работы. Исследование механизма приобретения текстом аргументативных характеристик составило предмет настоящей статьи.

В рассказе «Попрыгунья» начало непрямого «диалога» и непрямой полемики с Ницше констатирует конфликт подлинного и мнимого в сфере искусства и обычной жизни. Корреляция *обыкновенного / необыкновенного, долга / верности и самопожертвования / священного страха* явила одну из модификаций *своего / чужого* как выход к национальной идентичности [Бектасова, 2015б; Бектасова, 2015з].

Центральное место в чеховском отношении к рецепции Ницше занимает повесть «Черный монах». В современном прочтении повести можно наметить следующие тенденции, фокусирование которых приводит нас к христианско-православной аксиологии как почвы отторжения этического бунта и своеволия. Приводя лекции В. Турбина и упоминая о тенденции баллады – наметить связь греха и преступления – наряду с романами Ф. Достоевского «Преступление и наказание», «Братья Карамазовы» исследователь Е. Тахо-Годи называет «Черного монаха» [Тахо-Годи, 2012, с. 69]. При этом границы греха и преступления «расположены» в поле корреляций объяснимость – необъяснимость, покаяние.

Исследователь С.В. Савинков пишет об архетипическом статусе коллизии «своего» и «чужого» в чеховской прозе и об отсутствии четких смысловых границ между ними [Савинков, 2012, с. 575]. Объяснение такого явления исследователь видит в том, что «чужое» не маркируется изначально как таковое, а становится им благодаря условиям, определяющим его существование.

Проявление «чужого» исследователь находит в чеховском тексте и выстраивает экзистенциальный фон исследуемой проблемы. «Песоцкий испытывает страх перед будущим мужем своей дочери, который в его глазах непременно должен оказаться чужим человеком: “Первый враг в нашем деле не заяц, не хрущ, а чужой человек”. Чужой человек, однако, в дом не проникает – в этом случае он оказывается внутри него; чужим оказывается тот, кого изначально считали своим, – сам Коврин» [Савинков, 2012, с. 578]. Так для ученого появляется возможность установления «эффекта оптического искажения предметов и лиц» в «Черном монахе» [Савинков, 2012, с. 582].

Анализ «своего» и «чужого» позволил исследователю сформулировать идею рассказа «Черный монах» следующим образом: «...у того, кто не имеет ясного осознания границ, определяющих его действительное положение, есть все предпосылки для того, чтобы оказаться за пределами жизни». И не случайно рассказ Чехова «Учитель словесности» (1894) ученый определяет как своеобразную контрверзу «Черному монаху».

Полнота анализа философии «потерянного поколения» в поэтике Чехова, на наш взгляд, обеспечивается исследованием чеховской рецепции в поэтике Куприна, сравнением Назанского с Ковриным и сравнением Назанского с Вершининым, что и было осуществлено в упомянутой выше магистерской диссертации. Проповедь «средним героем» крайнего индивидуализма была исследована в аспекте скрытой полемики с Ницше. Было показано, что философия и психология нравственного бунта обнаруживает в трактовке Чехова влияние христианско-православной аксиологии. Безумие и раздвоение героя, как и его бунт, стали объектом анализа с точки зрения этического противостояния. Было доказано, что трагически обусловленный в неразрешимости конфликт подлинной веры и ложной веры в собственную исключительность и избранничество актуализируют в чеховском дискурсе ценность смирения. Была установлена функция концептов «покаяния» и «раскаяния» как знаков христианского смирения и возможности выхода из экзистенциального тупика для Коврина как представителя «потерянного поколения». Трансформация библейского смысла учи-

тельства и тема утраты райского сада была осмыслена как один из этапов философии «потерянного поколения».

В качестве результатов исследования было уточнено, что смерть «среднего героя» – это крах веры героя в его предназначение, а оценка Чеховым философии «потерянного поколения» через кризис онтологических ценностей, семьи, дома, сада как аллегории покоя в ином мире охарактеризована как неприятие писателем теории Ницше.

Новым этапом философии «потерянного поколения» стала пьеса «Три сестры». Признание Ольги в ощущении уходящей «по капле» молодости и жизни на протяжении всей пьесы создает камертон чувств Маши, а к концу пьесы «настигает» младшую из сестер. Это ощущение является общим и для Андрея и военных.

Аргументация уходящей жизни, знаком которой выступает понимание Ириной, что сестры никогда не уедут в Москву, фиксирует кризис «потерянного поколения». Отчаяние и ощущение пропасти – это прозрение героини, на которое не способен Вершинин. Крах иллюзий и прежней жизни, мечтаний о Москве вызывают желание Маши покаяться. Томление ее души, любовь к Вершинину, проникнутая страхом от того, что каждый отвечает за свой выбор, вынуждает героиню признать свое чувство безумием. Именно в ее уста Чехов вкладывает идею Москвы как идею безумия. Отсюда состояние, близкое к умопомешательству, неосознаваемое, но упорно цитируемое героиней пушкинское «Лукоморье» и вместе с тем обет молчания, как у гоголевского сумасшедшего. Аллюзия на гоголевского героя репрезентирует молчание как сокровенную тайну, обреченную на непонимание.

Трансформация «мечты» сестер об отъезде в Москву в символ новой, осмысленной и наполненной духовной жизни делает ключевым для сестер семантическое тождество *веры* и *мечты*. Так, лишается смысла деятельная жизнь Ольги. Отсюда акцентирование усталости, не столько физической, сколько душевной, от ощущения бесполезности предпринимаемых усилий.

Восторженность Ирины сочетает безграничное чувство счастья и понимание цели жизни: *для меня все ясно на этом свете, и я знаю, как надо жить и: Человек должен трудиться, работать в поте лица, кто бы он ни был, и в этом одном заключается смысл и цель его жизни, его счастье, его восторги* [Чехов, 1978, с. 122]. Сравнение с одолевающей человека жаждой и совершенной формой глагола: *захотелось работать* передает едва уловимую иронию автора, намек на женский каприз инфантильного свойства. Принимая на себя роль аргументатора, автор создает риторический фон для «смещения жанра» (термин Ю.Н. Тынянова), ставший общим конструктом жанровой трансформа-

ции в пьесах «Дядя Ваня», «Вишневый сад», также потребовавших авторской маркировки жанра.

Постоянным приемом риторической аргументации становится часто повторяемое «работа» на фоне всеобщего безделья и отрицание Тузенбахом опыта жизни родителей, жизни без труда. На фоне традиции русской литературы, когда родовое понятие «немец» после Н. Гоголя, Ф. Достоевского, И. Гончарова аккумулировало смысл внутренней метаморфозы обрусевших немцев, перенявших иной опыт отношения к труду, у А. Чехова появляется альтернатива. Воспоминаниям о Петербурге, «холодном и праздном», семье, «которая никогда не знала труда и никаких забот» и пыталась уберечь героя от труда, противопоставляются символ новой жизни, провозвестником которой является «громада» – «здоровая, сильная буря». Состоянию общества, которое характеризуется в концептах «лень, равнодушие, предубеждение к труду, гнилая скука», негативной экспрессии и оценочным императивам противопоставлен выбор Тузенбаха. Новый для героя путь осмыслен не просто в категориях будущего времени: *Я буду работать*, но прежде всего в коннотации оздоровляющего труда.

Вместе с тем для Тузенбаха не свойственно полное отрицание настоящего. Его допущение о том, что их жизнь, возможно, *назовут высокой и вспомнят с уважением* на том основании, что это время не будет ассоциироваться с пытками и казнями, нашествиями, хотя и страданиями, отражает попытку объективного взгляда человека, предпочитающего реальный опыт изменения жизни праздному славословию Вершинина.

Труд как символ-знак приобретения текстом аргументативных характеристик распространяется на поле рассуждений всех героев пьесы и усиливает мироощущение «потерянного поколения». Слова Ирины о жизни сестер, которую она сравнивает с «сорной травой», ее объяснение мрачного взгляда на жизнь незнанием труда, тем, что они родились от людей, «презиравших труд», не совпадают с позицией Тузенбаха. Причина этого глубокого расхождения в ощущении Ириной «потерянности» их семьи, неумении выработать и найти свой путь даже в работе. Отсюда работа как абстрактное спасение, еще более угнетающее сестер.

Ирина не принимает труда «без поэзии, без мыслей», и в этом ее основное заблуждение. Мечтательное, инфантильное, не приемлющее повседневного, скучного, видение Ирины объясняет и неспособность полюбить приземленного Тузенбаха. Если для Ирины абстрактная жажда работать и необходимость трудиться не могут стать залогом спасения от скуки, то потребность работать для Тузенбаха, находящаяся

реальное воплощение в кирпичном заводе, обрисована как программа выхода из экзистенциального тупика. Это и есть для героя преодоление его поколением «потерянности». И замечание Наташи о сестрах-бедняжках, которые трудятся, но не могут найти себя, обладает бескомпромиссной точностью.

Риторическая аргументация Чехова чувствительна к семиотическому переосмыслению сложившихся инвектив. Так, «потерянность» Маши передана в дважды воспроизводимой ею пушкинской цитате: «У лукоморья дуб зеленый». В первый раз она звучит диссонансом в сцене именин Ирины «высокому» прозрению Тузенбаха. Во второй раз – после вести о смерти жениха Ирины, которая подводит не только черту неслучившемуся обновлению жизни младшей из сестер, но и объединяющей сестер мечте. Плаксивость Маши, неумение объяснить привязавшуюся с утра фразу, искренние слезы от понимания бесповоротности жизни и понимания того, что Москва – из утешавшей сестер иллюзии – стала безысходной реальностью, это прощание с общей мечтой сестер, осознание призрачности выдуманного ими спасения от жизни.

Москва для Маши – это освобождение от пошлости и мещанства, которое для героини олицетворяют штатские, «грубые, нелюбезные и невоспитанные», общество учителей гимназии в лице мужа, Кульгина, и директора. Идеализация военных осуществлена героиней в превосходной степени: *самые порядочные, самые благородные, самые воспитанные*. Субъективная идеализация военных в лице Вершинина, объективированная памятью о детстве, также укладывается в лоно аллюзии на сказку об ином крае, которую рассказывает пушкинский кот ученый. Вероятно, неспособность Вершинина дать счастье любимой женщине также кроется в этой аллюзии, выявляющей множественность смыслов.

Другим, семиотически значимым явлением в риторической аргументации Чехова является концепт *скука*. В устах Тузенбаха понятие *скуки* обретает значение обесмысленного существования. Если *скука* в представлении Ирины это томление и аморфная неудовлетворенность от невозможности найти смысл жизни, у Маши *скука* – от обыденной жизни супруги учителя провинциальной гимназии, то влюбленный Тузенбах вкладывает в это слово тоску и отрицание сложившегося в обществе отношения к жизни, замену *высокого* бытовым, повседневным существованием. Пародийное обыгрывание Чебутыкиным *высокого* «низеньким ростом» и мотивация его пьянства после двух лет воздержания коррелирует с чувством вины врача от невозможности излечения пациентки.

Симптоматична смена *скуки скучищей* в представлении Тузенбаха, когда Федотик прогнозирует наступление тишины и покоя в городе с уходом батареи, а дополненное бароном: *И скучища страшная* – иллюстрирует смену экзистенциального бытовым. Возвращение жизни провинциального города в привычное русло знаково в смысле обмана тех, кто жаждал перемен. Драматический конфликт постоянного и временного не способен изменить судьбу, жизнь, проклиняемую Машей. И резюмируемое Кулыгиным: *Одни идеи, а серьезного мало* – подводит итог несвершившимся ожиданиям.

«Потерянность» Андрея – это обманувшая его жизнь. Во-первых, это *скука*, обманувшая ожидания героя жизнь. Мечта о профессорстве заменена сначала ироничной, а потом ставшей предметом гордости и тщеславия должностью секретаря земской управы. Чужой и одинокий в родном городе и семье, брат героинь видел когда-то в Москве спасение от участи быть чужим. Во-вторых, герой обманулся в ожидании счастья от семейной жизни. И его призыв к сестрам не верить ему символизирует его прозрение. В-третьих, риторические стенания Андрея об ушедшей молодости актуализируют лермонтовскую «Думу»: *Богаты мы едва из колыбели, / Ошибками отцов и поздним их умом* [Лермонтов, 1954. с. 113] (ср.: *Отчего мы, едва начавши жить, становимся скучны, серы, неинтересны, ленивы, равнодушны, бесполезны, несчастны*).

Симптоматично обвинение Андрея городу, в котором преемственность детей очевидна тем, что они так же «едят, пьют, спят» и становятся со временем *такими же жалкими, похожими друг на друга, мертвецами, как их отцы и матери* [Чехов, 1978, с. 182]. Однако как члену семьи Прозоровых, Андрею также присуща мечтательная вера в будущее. Он видит в будущем свободу, свою и детей, *от праздности, от квасу, от гуся с капустой, от сна после обеда, от подлого тунеядства* [Чехов, 1978, с. 182]. Иронично акцентированные и гротескно обрисованные Чеховым приметы усадебной эстетики и детали мещанского быта создают символику «потерянного поколения», побежденного пошлостью.

«Страстная жажда жизни» Тузенбаха противопоставлена красивому литературному приему в устах Ирины, лишенному подлинного выстраданного опыта жизни. Жажда путника в жаркий день как формула импульса к новой жизни у Ирины интуитивна и продиктована желанием возрождения к новой жизни. И если она воплощает любовь и стремление Тузенбаха к «прекрасной жизни», то со смертью человека, олицетворяющего знание о новой жизни, героиня теряет ориентир и мотивацию к чувству долга. Смерть, оборвавшая возможность новой

жизни для героя, становится своего рода приговором для желающих возродить жизнь без смысла, равного обретению веры. Так, *вера* дополняет риторическое поле концептов.

Оправдание «потерянности» сестер особенно значимо в устах Тузенбаха. Когда он выражает сожаление о таланте Маши, ее умении *играть так роскошно и в то же время сознавать, что никто, никто тебя не понимает* [Чехов, 1978, с. 161], переводит благородные поиски сестер в поле духовно осознанного стремления изменить жизнь. Вершинин же, с его мнимо жертвенной жизнью, апеллирует к жалости и состраданию. Для героя это оправдание того, что он, внезапно появившийся и так же быстро покидающий с батарейным полком город, не способен принять на себя обязательства перед Машей, в отличие от Тузенбаха перед боготворимой им Ириной.

В отношении Вершинина даже спивающийся Чебутькин с неснимаемым им с себя чувством вины перед пациентами, собой, семьей Прозоровых, предельно честен, выражая всеобщее заблуждение в категориях мнимости жизни. *Может быть, нам только кажется, что мы существуем, а на самом деле нас нет. Ничего я не знаю. Никто ничего не знает* [Чехов, 1978, с. 162]. Такое нарастающее отрицание выражает еще одну ипостась «потерянного поколения» в лице представителей отцов.

Травестирование литературных штампов вносит в поле аргументативных характеристик еще одну из форм выражения философии «потерянного поколения». Она вложена в уста Соленого, который не случайно называет Тузенбаха в насмешку именем пушкинского Алеко. Так осуществляется ироническая «реставрация» фатальности романтических устремлений пушкинского героя, обреченного на непонимание в чужой и чуждой ему среде.

Потерянность сестер символично репрезентирована Чеховым в ряде деталей. Символами обманутых ожиданий выступают «ключ», «журавли», «колокол», река, деревья в усадьбе Прозоровых, синтезированных в образе сада, и, конечно, это имя-символ «Москва». Ирина сравнивает свою запертую душу с дорогим роялем, от которого потеряян ключ. Бесстрашный Тузенбах признается, что только этот потерянный ключ способен вызвать у него страх. Андрей просит у сестры ключ от шкафа, свой он потерял.

Убеждение Маши: *Человек должен быть верующим или должен искать веры* [Чехов, 1978, с. 147] не случайно реализовано в обобщенных символических абстракциях. Такая фиксация Чеховым потерянности оттеняет искренность исканий и поэтическое отношение к жизни, жажду иной жизни, в отличие от бесплодной и рефлексирующей,

направленной на самооправдание собственной бездеятельности Вершинина.

Мистический страх Маши, ее потерянности обладает сложной метафорической иерархией смыслов. Ей страшно от любви к Вершинину, она боится времени, оставшегося до переезда в Москву (всего полгода). Финал ее ожидания символически выражен в повторном упоминании ею метафоры журавлей: *Уже летят перелетные птицы*. Это время символизировало для сестер отъезд в город-мечту. Отлет журавлей в иные края своего рода аллюзия на журавля в небе.

Сравнение Машей брата с колоколом, который поднимали тысячи людей, а он рухнул, проясняет крах иллюзий не только семьи Прозоровых в ожидании блестящего будущего Андрея. Его проигрыши и банкротство всей семьи тоже обретают знаковый характер. Не только брат проиграл общее состояние. Проиграна в игру с судьбой, обманута некогда прекрасная молодость и жизнь всей семьи.

О реке, ее зловещей роли как фатума, символа обманутых ожиданий говорит Вершинин. Тайна вокзала, удаленного от города, тайна для Вершинина, ведома лишь фаталисту Соленому. О красивых деревьях, вокруг которых должна быть красивая жизнь, упоминал убитый барон. Душевная глухота и чуждость Наташи, жены Андрея, передана в ее разрушительном желании срубить все деревья и посадить цветочки. Такая победа поэзии пошлостью, как и кровожадное признание Соленого (после упоминаний о Бобочке) зажарить и съесть такого младенца, переводит поведение поколения в тупик, где сняты табу на выработанные поколениями этические нормы.

Интересно сравнение Ольгой сада Прозоровых с «проходным двором». Такая судьба сада как знака утраты онтологической ценности также достигает в символизации «потерянного поколения» кульминации. Оценка Ольгой происходящего: «Все делается не по-нашему» содержит в себе реальную оценку действительности, символизирует кризис ценностей, воплощенных в музыке, иностранных языках, ненужных в городе.

Москва – экзистенциальный рефрен «потерянного поколения» сестер. Москва играет роль завязки, кульминации и развязки в судьбе обманутых ожиданий сестер Прозоровых. В механизме риторической аргументации это наиболее убедительный символ. Сродни безумию и навязчивой идее, маниакально желанная и такая же недоступная, кардинальным образом корректирующая обычные реакции человека на погоду, время (полгода до отъезда как невозможная бесконечность), людей (когда Вершинин наделяется практически сразу знаком избранничества), Москва превращается в знак смысла жизни, выхода для «по-

терьянного поколения» сестер. Мифическая и ставшая сакральным знаком память о московском детстве дарила героиням веру в возможность счастья.

Интересен обнадеживающий финал пьесы, когда медитативный рефрен *В Москву, в Москву, в Москву* заменяется призывом Ирины *работать, работать* и убеждением Ольги: *Будем жить* и осознанием того, что переживаемые ими страдания – цена за счастье тех, «кто будет жить после нас».

Пьеса «Три сестры» продолжает чеховскую мысль о катастрофичности для русского общества философии индивидуализма, трагичности подмены подлинной веры индивидуальным сознанием, сознанием исключительности. Отсюда круг иронических коннотаций концепта «философия». Центральной фигурой, фокусирующей вокруг себя градацию философских смыслов данной категории, является подполковник Вершинин. Его признание в финале пьесы по-чеховски выражено в одном слове: «зафилософствовался».

Интересно, что немногословному персонажу драмы Соленому передоверена авторская концепция празднословия, облеченного в категории псевдофилософии: *Если философствует мужчина, то это будет философистика или там софистика: если же философствует женщина или две женщины, то уж это будет – потяни меня за палец* [Чехов, 1978, с. 125]. В свете данного Ирине обещания убить соперника циничное рассуждение Соленого принимает зловещий характер. И его «игра в Лермонтова», и ироничное Алеко, обращенное к Тузенбаху – это выбор действия, пусть даже в предельном его выражении, альтернативного «философистике». Мнимость и игра в философию отрицаются Соленым в силу демонстрируемой им в обществе грубой силы.

Когда о женском философствовании говорит барон Тузенбах, имея в виду жену Вершинина, которая часто покушается на убийство, «чтобы насолить мужу», – это трезвое рационалистичное суждение, выявляющее подлинную сущность философствования как позы, литературного штампа, обнаруживающего искусственность, театральность, особенно на фоне случившегося позднее пожара. А деталь «длинная девическая коса» у замужней женщины – это не просто деталь безумия, но затянувшаяся инфантильная игра, в которой женское самоутверждение перешагнуло границы здравого смысла.

Интересна трансформация «влюбленного майора» Вершинина, появившегося через 11 лет в семье Прозоровых и приобретшего незаявленный статус «влюбленного» в повзрослевшую Машу подполковника. Опереточность, шаржированность репертуарного героя придают образу характер водевильности и снижают серьезность его рассужде-

ний. Снижает восторженность восприятия «здорового, хорошего, славянского климата» ощущение героем странности расположенного от города в двадцати верстах вокзала железной дороги.

Общеизвестность, шаблонность суждений Вершинина о жизни, о преходящем значении важного, серьезного, интересного, о переменчивости судьбы, непредсказуемости будущего становятся вместе с тем причиной возражения Тузенбаха. Отношение Вершинина к действительности строится на противопоставлении настоящего будущему: *наша теперешняя жизнь ... будет со временем казаться странной, неудобной, неумной, недостаточно чистой, быть может, даже грешной* [Чехов, 1978, с. 128-129]. Мотивы смирения и греха в устах военного, особенно в свете жалоб на вынужденность брака, обнаруживают лицемерие и мнимое благочестие героя. Позже рассуждения о возможности прожить жизнь заново окончательно нивелируют у героя чувство смирения с судьбой. Уступая Маше и характеризуя город как унылый и скучный, население как «отсталое и грубое», как «темную массу», герой рисует будущее в эмоционально приподнятом тоне, оправданном для молодой и не знающей еще жизни Ирины. Книжная восторженность уместна в устах юной девушки, но не полкового офицера, так же, как и предложение помечтать о будущей жизни, какой она будет лет через двести-триста.

Риторизм поведения – отличительная особенность монологично философствующего в обществе Вершинина. Осуждая русского «здешнего интеллигента» с его вечными жалобами, Вершинин обращает на себя потенциальную реакцию читателя. Так, автор иронично и пародийно проецирует инвективу героя на него самого, с жалобами на полоумную жену, исповедью о ссоре с ней, «ничтожеством», тем, как он ушел, «хлопнув дверью», одухотворенными речами о будущем и в то же время неспособному изменить свою жизнь и взять ответственность перед Машей. Убеждения окружающих в том, что жизнь прекрасна, но не в настоящем: *счастья нет, не должно быть и не будет для нас и: Счастья нет и не бывает, мы только желаем его* [Чехов, 1978, с. 146] становятся риторическим канонem, сопровождающим появление Вершинина. Понимание счастья своего поколения и цели бытия Вершинин видит в том, чтобы работать, страдать и творить будущее, когда и возможна счастливая жизнь.

Философия, которую исповедует Вершинин, абстрактна и не имеет четких очертаний. Примечательна притча о французском министре, осужденном за Панаму, и пережитой им переоценке ценностей. Рассказанная героем в назидание об обманчивости выдуманного сестрами счастья в образе Москвы, притча рациональна сентенцией: живя там,

Маша также перестанет ее замечать, как выпущенный на волю министр перестал восторгаться птицами. Допуская возможность счастья в будущем и видя его залог в происходящих переменах, не названных героем, не умея понять и объяснить «счастливую жизнь», Вершинин не склонен воспринимать мысли Тузенбаха о том, что жизнь всегда остается прежней.

Звучащая в устах барона метафора перелетных птиц (в версии Маши это символ скрытой сущности жизни) знаменует неподвластный отвлеченным суждениям ход жизни. Здесь по-чеховски тонко звучит неуловимая ирония: *перелетные птицы, журавли, например, летят и летят, и какие бы мысли, высокие или малые, ни бродили в их головах, все же будут лететь и не знать, зачем и куда. Они летят и будут лететь, какие бы философы ни завелись среди них; и пускай философствуют, как хотят, лишь бы летели* [Чехов, 1978, с. 147]. Это саркастическая аллюзия на общество с бесплодными, никуда не ведущими философствованиями, которые олицетворяют люди типа Вершинина. Повторяющийся мотив перелетных птиц, акцентирование мифологического для русского человека журавля, ассоциирующегося с невоплотимой мечтой, выражает разные коннотации у разных героев, задавая разные импульсы философствования.

Рациональный взгляд на вещи и необратимость жизни выражает Чебутыкин: «Как там ни философствуй, а одиночество страшная штука». Не найдя счастье в семье и выбрав в качестве таковой детей любимой им женщины, не сумев стать достойным врачом, потерявший опору в жизни, ерничающий, он не составляет вместе с тем парю «роковому» штабс-капитану Соленому. Если для Чебутыкина шутки и отведенная в обществе роль чудака своего рода знак отмеченности «своего», то придирки Соленого к барону – способ самоутверждения за счет уничижения другого, пусть и в шуточной форме. Дойдя до предела в привычном уже для общества соперничестве, Соленый становится убийцей как ниспровергатель «софистики» и «философистики».

Желание Вершинина «философствовать», такое настроение, переживаемое им воодушевление после пожара, когда «хочется жить чертовски», перекликается с его предложением в момент прощания с Прозоровыми: *О чем пофилософствовать?* Оборванное Вершининым и начатое им абстрактное рассуждение, *если бы к трудолюбию прибавить образование, а к образованию трудолюбие*, симптоматично как выражение сущности героя, сводящейся к бесплодной философии о ценности жизни. Его спешка – аллюзия на порхание по жизни легковесного человека, энергия которого ушла в слова. Герой близок Андрею Прозорову, также находящему утешение от безотрадной и обма-

нувшей ожидания жизни в будущем. Будущее для них становится способом оправдания бездействия в настоящем.

В отношении Чехова к Вершинину акцентировано саркастическое неприятие прекраснотуши героя, оттененное представлениями Тузенбаха, сестер Прозоровых, Чебутыкина и Соленого. Такой подход дал Чехову основание для выявления двух полюсов «потерянного поколения», от водевильно шаржированного в лице Вершинина до трагически обреченного в лице Тузенбаха.

Философия Вершинина неожиданно конкретизируется в деталях терпения (в ожидании будущего), отказа от утешения (когда возражает Прозоровым о «лишних» знаниях музыки и иностранных языков в провинциальном городе), необходимости страданий в настоящем и созидании будущего через настоящее.

Таким образом, исследование механизма приобретения текстом аргументативных характеристик, преобладание в нем концептов *скука*, *труд*, *вера*, символическая роль деталей, травестирование литературных штампов, создают субъективную и объективную многозначность понятия «философия» как формы скрытой полемики с Ницше, с культом индивидуалистического бунта. Природа этического бунта для Чехова неотъемлема от обретения подлинной веры, а кризис сознания и духовных ценностей неравнозначны личной свободе и проявлению воли.

Опыт неориторического подхода к изучению русской литературы позволяет выявить связь проблематики и жанра.

Литература

Аннушкин В.И. Русская философия слова и современные науки о речи – слово – языке // Риторика и культура речи в современном обществе и образовании. М., 2006.

Бектасова Г.С. «Здание, висящее на воздухе»: Российская империя в повести А. Куприна «Поединок» («Building in the clouds»: the Russian Empire in Kuprin's novel «The Duel»). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.viaevrasia.com/bg/здание-висящее-на-воздухе-российская-империя-в-повести-а-куприн-а-поединок-бектасова-гайни.html>.

Бектасова Г.С. Мироощущение «потерянного поколения» в прозе А. Куприна: экзистенциальная проблематика и жанровая стратегия. Повесть «Поединок»: магистерская диссертация. Астана, 2015а.

Бектасова Г. Сюжет басни Крылова «Стрекоза и муравей» как источник жанровой трансформации: рассказы А. Чехова «Попрыгунья» и «Попрыгунья-стрекоза» А. Куприна // Вестник Московского государственного областного гуманитарного института. Серия: Филология. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015б. № 1.

Бектасова Г. А. Чехов и А. Куприн: к проблеме «потерянного поколения» (на материале «Черного монаха» и «Поединка») // Вестник Павлодарского государственного университета. 2015в.

Бектасова Г. *Чужое* как художественный прием и художественная стратегия в рассказе А. Куприна «Попрыгунья-стрекоза» // IX Международная студенческая научно-практическая конференция «Единое образовательное пространство как фактор формирования и воспитания личности». Рязань, 2015г.

Бектасова Г.С. Экзистенциальная проблематика повести А.П. Чехова «Черный монах» // Феномен творческой личности в культуре: Фатющенкоковские чтения. М., 2014.

Дьякова Е.А. Александр Куприн. // Русская литература рубежа веков (1890-е – начало 1920-х годов). М., 2000.

Лермонтов М.Ю. Дума («Печально я гляжу на наше поколение!..») // Лермонтов М.Ю. Сочинения: В 6-ти тт. М.; Л., 1954. Т. 2.

Савинков С.В. «Ordo amoris» в чеховской прозе. Чужое: условия возникновения и существования // Памяти Анны Ивановны Журавлевой. М., 2012.

Тахо-Годи Е. Об Анне Ивановне Журавлевой // Памяти Анны Ивановны Журавлевой. М., 2012.

Уразаева К., Бектасова Г. La evolución de la actitud de Chéjov hacia la recepción de Nietzsche: «La cigarra» – «El monje negro» – «Las tres hermanas» (Эволюция чеховского отношения к ницшевской рецепции: «Попрыгунья» – «Черный монах» – «Три сестры») // *Guadernos de Rusística Española*. Granada, 2015. Vol. 11.

Чехов А. Три сестры // Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: В 30-ти тт. М., 1978. Т. 13.

Чувакин А.А., Земская Ю.Н., Качесова И.Ю. и др. Основы общей риторики. Барнаул, 2013.

Чувакин А.А., Уразаева К.Б. Разработка учебных программ по риторике в высшей школе Казахстана // Материалы XIX Международной научной конференции «Риторика в контексте образования и культуры». Рязань, 2014.

ЖИЗНЕТВОРЧЕСТВО ПИСАТЕЛЯ КАК ТЕКСТ: ОСОБЕННОСТИ СТРУКТУРЫ

Е.А. Худенко

Ключевые слова: житнетворчество, автор, персонаж, автометаописание, метатекст, аутопоэзис.

Keywords: creative life programming, author, character, autometadescription, metatext, autopoetry.

Изучение феномена построения писателем жизни как эстетического образования складывается, с одной стороны, из научного интереса, проявленного еще формалистами к биографии и бытовому поведению творческой личности, литературному быту и факту [Томашевский, 1923; Тьянянов, 1977; Эйхенбаум, 2001]. С другой стороны – из реконструкции особенностей житнетворческих программ тех школ и направ-

лений, в эстетике которых тенденция соединения жизни и искусства нашла наиболее полное воплощение (см.: [Худенко, 2012, с. 17]).

В литературоведении сложился определенный и не всегда плодотворный терминологический плюрализм, связанный с расширительным толкованием понятия «жизнетворчество». Говоря о тождественном явлении, а именно – о практике построения пишущей личностью собственной жизни как текста – исследователи употребляют такие термины, как «авторское поведение» [Фаустов, 1997], «социопрактики» [Гончарова, 2011], «творческие практики» [Обатнина, 2008] и т.д. В этом смысле изучение жизнетворческих стратегий в литературе не утратило, на наш взгляд, своей актуальности и нуждается в дальнейшей разработке. В данной статье хотелось бы остановиться именно на формально-структурных особенностях феномена жизнетворчества, а не на его философско-эстетическом содержании. Это позволило бы уточнить и дополнить уже сложившиеся в литературоведении определения феномена жизнетворчества и в какой-то степени расширить его толкование.

Жизнетворчество с точки зрения семиотики – это информационная структура, несущая сведения о творце и его способах «переработки» мира. Она складывается за счет процессов семантизации и постепенной текстуализации внетекстового материала, когда факты жизни писателя переводятся в пространство литературных текстов. Жизнетворчество как семиотическая система была подробно описана в 1975 году Ю.М. Лотманом в статье о декабристах, где ученый впервые рассмотрел соотношение «текста жизни» и «текста искусства», выработал понятие «поведенческий текст» [Лотман, 1975, с. 35].

Лотман показал, что бытовое поведение художника имеет собственные внутренние связи, собственные сюжеты и мотивы, генерируемые им как творцом текста искусства и – одновременно – как объектом, которого «творит» текст жизни. При этом жизнетворчество, будучи двутекстовым образованием, не является замкнутой автономной системой, а содержит «хаотические» (внетекстовые) элементы – это миметические реально-бытовые детали, мнемонические «следы», особенности индивидуально-творческого, мифологического и общекультурного развития художника, образующие *контекст* текста поведения – некую информационную систему и структуру, нацеленную на то, чтобы тоже быть интерпретированной. Таким образом, все элементы жизнетворческой модели претендуют на знаковость, обладая литературностью и становясь *жизнетворческой поэтикой*.

По замечанию З.Г. Минц, жизнетворчество «не может быть имманентно поэтике» [Минц, 2004, с. 175], оно становится причастно ей

за счет трансляции художником жизненно-бытовых реалий – в текстовые. Жизнетворческие смыслы произведения часто скрыты, считаются периферийными, незначимыми; их трудно «извлечь» из текста, и функционируют они не вполне по его внутренним законам, будучи тесно связанными с эмпирической реальностью. Однако реконструировать эту «периферийную» зону, относящуюся скорее к эстетике, нежели к поэтике текста, возможно на разных структурных уровнях литературного произведения.

Имманентная взаимосвязь житнетворческой парадигмы с явлением авторства, формами его субъективации позволяет говорить о конкретных текстовых зонах, в которых возможен анализ жизнестроительных интенций автора. Более того, обширность внедрения авторами поведенческих знаков в произведение позволяет обнаружить житнетворческую «подсветку» как на стадии замысла, так и в самой организации текста. Так, исследования психологов-бихевиористов доказывают, что структурно-системные уровни творческой личности отражаются в эстетическом творении: намерение тесно связано с *замыслом*; когнитивный уровень поведения – с введением *философом* и *авторских отступлений*; события личной жизни – с *фабулой* автобиографического произведения; формы поведения в частной жизни – с формами поведения автобиографического *персонажа* [Выготский, Лурия, 1993].

Интенции художника на соединение текстов искусства и жизни отпечатываются и на особенностях *жанра* и *стиля* произведения. Литературоведению известны так называемые «поведенческие жанры»: интеллектуальный роман, философский роман, роман-эссе. В этих жанрах четче, чем в других, автору задана определенная поведенческая позиция: в эссе – свобода рассуждения на выбранную тему, в интеллектуальном романе – насыщенный диалог с читателем и усложненная архитектоника, в которой поведение автора, как правило, реконструируется из лабиринта деталей, мотивов и образов.

Поведенческие формы автора как творца текста проще всего выявить в *маргинальных зонах* – точках пересечения текста жизни с текстом искусства. Одновременно это и точки «разрыва», где граница между этими двумя пространствами наиболее отчетлива:

- это синтетические жанровые образования (лирико-философский роман; автобиографический роман; эпическая лирика; поэтический очерк и т.п.);
- это гибридные методы (романтический реализм; фантастический реализм; метафизический реализм) и типы речи (поэтическая проза; сказ; белый и свободный стих);

- это дистанция в системе «автор–персонаж» (особенно в автобиографическом тексте);
- это граница мира и текста (фабула и сюжет, подробность и деталь; дискурс и нарратив).

Наиболее разработанной в литературоведении является проблема соотношения автора и персонажа в произведении. Через систему «автор-персонаж» реконструируются процессы идентификации, самоидентификации, дистанцирования, игры, важные для моделирования жизнестроительных моделей писателей.

Помимо этого, соотношение фабулы и сюжета становится также границей соприкосновения жизни и искусства, то есть зоной реализации житнетворческих интенций автора. Фабула представляет собой не что иное, как цепь событий, по отношению к которым мы не задаем вопроса, кто их автор. Сюжет же переводит фабулу на язык текста, и перевод этот осуществляется творцом. Следовательно, точка «разрыва» между фабулой и сюжетом и будет исходной точкой для реконструкции поведенческого текста *автора*. Но реконструируется она через цепь поступков *персонажа*, так как «поступок в тексте может исходить только от автора» [Бахтин, 1994, с. 21]. Само определение понятия «персонаж» изначально связывается с *действием*: персонаж, по К. Бремону, есть «агент последовательности, состоящей из совершенных им поступков» [Бремон, 1972, с. 117]. Всю разветвленную композицию персонажа (имя, внешность, поведение, речь) можно обозначить как поведенческую стратегию автора на том основании, что автор совершает *выбор* – в каждой из обозначенных точек структуры.

В исследовательской литературе, особенно касающейся проблем автобиографического текста, часто производится сопоставление поведенческих форм автора с поведенческими формами персонажа. Но такое сопоставление возможно лишь в определенных случаях. Во-первых, если автор *сам* позволяет такое сопоставление (маркируя жанр, структуру, «проговариваясь»). Во-вторых, поведение персонажа тогда приобретает характеристики значимого, когда мы можем говорить об определенной инвариантной повторяемости форм поведения персонажа в определенных инвариантных ситуациях. В данном случае не важно, происходит ли повторение ранее совершенных поступков (жестов, слов, чувств) или уже известных персонажу поведенческих стереотипов (литературных, исторических, социальных). Лежащий в основе поведения персонажа **принцип повторения** создает текст поведения автора – зону значимости его житнетворческих проявлений. Противоположный случай – принципиальной неповторяемости, неординарности, несовершенности определенных поступков персонажем –

по отношению к собственному поведению автора оказывается столь же значимым, так как означает **прерывание повтора**. Например, общеизвестно, что в романах И.С. Тургенева почти всегда обрисована жизнь девушки до замужества (инвариантным случаем является судьба Анны Сергеевны Одинцовой – вдовы в романе «Отцы и дети») и никогда – после, в романах Л.Н. Толстого, наоборот, полное раскрытие женского персонажа связано с пребыванием в замужестве, в браке («минус»-инвариант – разрушение семьи в «Анне Карениной»). Диаметральность отмеченных поведенческих форм персонажей Тургенева и Толстого позволяет говорить о диаметральности (в гендерном, личностно-семейном аспекте) жизнетворческих поисков авторов.

Выбор той или иной программы поведенческого текста персонажа выявляет авторскую *аксиологию* и содержательность авторского поведенческого текста. Исторически и типологически рассмотренный в рамках подобной системы «выбор» автора позволяет говорить о *стратегии поведения* отдельного автора или их группы в системе традиций. Поведение персонажа в данном случае маркирует контекстуальную часть жизнетворчества – связь писателя со временем, эпохой, определенной школой и направлением.

Кроме того, поведение персонажа задается, по Д.С. Лихачеву, типом и характером и отнесено к «внутреннему миру художественного произведения» [Лихачев, 1968]. Но в данном случае важно, на наш взгляд, не столько выявление психологических характеристик персонажа, сколько то, *почему* автор выбирает именно эти характеристики, а не другие. Это позволяет сконструировать психобиографическую доминанту того или иного автора и психологические особенности его личности.

Поведение персонажа становится моделирующей категорией для конструирования поведенческих предпочтений / неpreferенций автора. По замечанию Е. Фарыно, «все поступки и все поведения в совокупности лишь с о ч и н е н ы (выделено автором. – Е.Ф.) для персонажа» [Фарыно, 2004, с. 254-255]. Поведение и поступки персонажа в этом смысле носят «двойственный характер», их цель – «не исчерпываться на самих себе в их бытовой или практической сфере, а становиться знаками реализации персонажем своей мифологемы, то есть становиться поступками-мифологемами» [Фарыно, 2004, с. 406]. Выбор той или иной поведенческой формы для персонажа (как носителя мифологемы, речи, определенного социально-психологического типа и т.д.) есть в то же время **выбор** автором **собственного поведения** – как в построении взаимоотношений с текстом (автор – произведение), так и в планировании его будущей рецепции (произведение – читатель).

Конструирование автором разных типов поведения персонажа (асоциального – «босьяки» М. Горького, этикетного – куртуазная поэзия и рыцарский роман Средневековья, социально-психологического – лермонтовский «портрет поколения» в «Герое нашего времени» и т.д.) превращает это поведение в своеобразное герметичное «произведение искусства», несущее читателю информацию об устройстве общества, об историческом периоде, а главное – о мире автора и способах его жизнетворения. По отношению к жизненной эстетической установке автора поведенческие формы персонажа функционируют как «текст о тексте» (метатекст). При этом открытым остается вопрос: насколько сознательно художник моделирует собственное поведение (даже в автобиографическом тексте)? Этот вопрос находится лишь в частичной компетенции литературоведения. Очевидно, в данном случае речь должна идти только о тех текстовых образованиях, в которых автор так или иначе дал понять, что он желает через собственный внутренний мир, через свою «духовную личность» (С. Франк) говорить о мире и его проблемах.

Особого внимания в этом ключе заслуживает явление *творческой рефлексии*, которое позволяет оценить степень осознанности автором собственных литературных приемов. Являясь «избыточной» в смысле решения чисто эстетических задач [Хатямова, 2008], авторефлексия свидетельствует о том, что художник сознательно размыкает текстовое пространство – в жизненное.

Способность художественных текстов рассказывать о самих себе, о своих «цеховых» проблемах (о том, как они создаются и кто их создает) все больше обращает на себя внимание исследователей в последние годы. Осознание собственной «литературности» в литературе Р. Барт причисляет к явлению метаязыка и сравнивал с «опасной игрой со смертью», с «переживанием своей смерти» [Барт, 1994, с. 132]. Р.Д. Тименчик в статье «Автометаописание у Ахматовой» дал следующее определение вынесенному в заголовок понятию: «Присутствие в самом стихотворном тексте смысловой мотивировки “сведения мысли именно к данному числу слогов” – и шире – подчеркнутую в тексте смысловую связь между разными уровнями мы назовем «автометаописанием» [Тименчик, 1975, с. 214].

Понятно, что первоначально термин «автометаописание» употреблялся специфически – только по отношению к стихотворной речи, но в настоящий момент термин применяется не только по отношению к форме (языку) литературного произведения, но и шире – как «высказывания писателей о литературе (в статьях, рецензиях, комментариях, манифестах, письмах)» [Гин, 1996, с. 133], а само явление творческой

рефлексии становится способом маркирования литературы определенного направления (модернизма и авангарда), хотя элементы авторефлексии можно найти уже в древнерусской литературе [Двинятин, 1994, с. 89].

Определяющей задачей автометаописательности Т. Пахарева считает обнаружение границ между эстетическим и внеэстетическим и, как следствие, экспериментальное сопряжение разнородных материалов, соотносимых с полем жизни и полем искусства в новой художественной ткани [Пахарева, URL]. Действительно, авторефлексия дает принципиально новый угол зрения на предмет, перенося его из координат реальности в пространство слова, что небезразлично не только для авангарда, но и для художников с установкой на жизнетворчество. Поэтому особо плодотворным для реконструкции текстового содержания во «внетекстовом» феномене представляется обращение к авторефлексирующим произведениям писателей, их дневниковой и программной прозе, собственно метаописательным текстам.

Кроме того, авторские интенции на единство жизни и искусства часто манифестируются и вне произведения – на уровне сквозных образов всего творчества, заявлений автора-критика, в рефлексиях по поводу «чужого слова» (и способах этой рефлексии), образуя авторскую метапоэтику. Метапоэтический слой всякой художественной системы представляет собой *семиотически значимую* зону для реконструкции жизнетворческих стратегий, становится «ключом» к прочтению механизмов сосуществования текста жизни и текста искусства. При этом метапоэтический пласт авторского репертуара не принадлежит в чистом виде ни тому, ни другому тексту. Творческая авторрецепция как метаобразование может быть организована как текст искусства, но не иметь к тексту жизни автора практически никакого отношения (крайний случай – полная мифологизация собственной биографии). В то же время авторефлексия может напрямую касаться биографического текста жизни, но не собственного (тексты, построенные по модели «писатель о писателе»). Таким образом, жизнетворческие стратегии являют собой вполне определенную структуру и содержательно активны в маргинальных зонах текстах, на которые мы указали.

Само формирование жизнетворческой парадигмы связано с экспликацией текстов автометаописательного содержания и внедрением этих «данных» в эпистему соответствующего порядка (метод, школа, направление и др.). Структура феномена жизнетворчества базируется на соотношении двух текстов – текста жизни и текста искусства. Проникновение одного пространства в другое и функционирование *границ*

цы между ними формируют своеобразие житнетворческой стратегии того или иного автора.

С точки зрения структуры житнетворчество как двуединый текст реализует модель «текст в тексте» или «текст о тексте». Именно от типа отношений между этими двумя пространствами зависит характер художнического житнестроения. Свойства феномена житнетворчества таковы, что уже изначально он представляется двутекстом – зоной соединения текста жизни и текста искусства. Метатекстуальные элементы в данном случае находятся *не во внешней* по отношению к объекту описания зоне, а входят *внутрь* самой структуры. Следовательно, «первичный текст» (описываемый текст) обладает теми же свойствами, что и текст «вторичный» – описывающий. Референтность языка и текста здесь нарушена: и текст жизни становится языком описания текста искусства, и текст искусства – языком для описания текста жизни. Говоря о житнетворчестве как метатексте, мы подразумеваем не только то, что через поведенческие стратегии мы «читаем» первичные тексты, но и то, что имплицированные в тексте поведенческие формы автора становятся способом организации и чтения метатекста. При этом условность («литературность», по Лотману) как текста жизни, так и текста искусства, переведенных в статус языка описания, становится несомненной.

Язык описания такой системы многослоен по существу, так как в метапарадигме уже на «первичном» уровне сам объект исследования (автодискурс) представляет собой соединение научного и художественного дискурсов (писатель-творец, писатель-исследователь). Язык писателя (художника, мыслителя) всегда личностным, индивидуальным образом соединяет опыт науки и искусства в автодискурсе. Мета-поэтика, призванная изучать этот язык, по мнению К.Э. Штайн, есть «сложная саморегулирующаяся система, взаимодействующая, с одной стороны, с творчеством, с другой, с наукой – не только гуманитарным, но и естественнонаучным знанием <...> Развитие ее идет на основе творчества, поэтому эта система открытая, *нелинейная* (выделено нами. – Е.Х.)» [Штайн, 2002, с. 608]. На это же свойство указано в работе исследователя Ким Хен Ена: метатекст определяется им как «вторичный текст с вербализованным прагматическим содержанием, объектом которого всегда становится некий вполне определенный текст <...>, его гетерогенные компоненты, сохраняя свою природу, создают некое «нелинейное» целое» [Ким, 2002, с. 202].

Необходимо заметить, что принцип нелинейности, подробно описанный еще в работах П.А. Флоренского, в математических трудах Н.В. Бугаева, стал репрезентативным для гуманитарной науки к началу

1980-х годов. К этому времени Ю.М. Лотман дал развернутое истолкование своей ранней концепции текста как «динамической системы». В книге «Внутри мыслящих миров» он говорит о тексте не только как о передающем, но главное – самоорганизующемся и самопорождающем устройстве, то есть как о *синергетическом образовании*: «Текст, подобно зерну, содержит в себе программу будущего развития, не является застывшей и неизменно равной самой себе данностью» [Лотман, 1999, с. 22]. В связи с этим, указывая на релевантность отношений текста жизни и текста искусства, необходимо произвести, на наш взгляд, терминологическое уточнение самого понятия «жизнетворчество». Понятие 'текст', выступающее структурным стержнем явления, должно быть скорректировано в духе современных представлений о неавтономности и незамкнутости таких образований, когда текст, по замечанию Б.М. Гаспарова, формируется «не как фиксированный предмет, раз и навсегда существующий, но как процесс, непрерывно движущийся и развертывающийся в бесконечность» [Гаспаров, 1994, с. 22].

Жизнетворчество в этом смысле представляется **самоописывающей системой способов самопредъявления авторства**, некоей *аутоструктурой*, существующей по законам собственной внутренней организации, когда поведенческие формы личности (совокупность человеческого и творческого начал) становятся способами интерпретации продуктов художественной деятельности – произведений (и наоборот).

На сегодняшний день наиболее адекватным языком для реконструкции художественного жизнетворчества нам представляется язык гуманитарной синергетики [Синергетическая парадигма, 2000; 2002]. Исследования такого рода показывают, что явление синергии применимо к реконструкции творческих практик личности. Более того, жизнетворчество в собственном онтологическом и даже буквальном смысле этого слова («творить жизнь») присуще человеческой личности уже на клеточном уровне. Разработанная чилийскими учеными У. Матурана и Ф. Варела теория биологического познания доказывает, что целью сложной клеточной креативности в человеческом организме является процесс саморегулировки и главное – самосозидания [Матурана, Варела, 2001]. По-другому, цель важнейшего биологического процесса совпадает с целью такой феноменологической практики, как жизнетворчество. Так, исследователь В.В. Фещенко трактует жизнетворчество как предпоследнюю (перед авангардом) стадию развития творческого сознания личности. Он применяет термин 'аутопозис' (от греч. *αὐτῶ* – «само» и *ποίησις* – «созидание, деятельность») по отношению к механизму организации творческого созна-

ния: «Сопряженный, согласованный процесс, в котором участвуют на взаимно определенных правах поэзис и семиозис, можно назвать аутопоэзисом – в специальном, художественно-семиотическом применении этого термина... Аутопоэзис ассоциируется и лексически, и сущностно с такими понятиями, как автономность, самоорганизованность; взаимность, согласованность; самость; свойственность, своеобычность» [Фещенко, 2006, с. 118, 137].

Жизнетворчество художника как особая практика творческого сознания и поведения должна быть осмыслена именно как аутопоэзис. Механизм его основан на том, что применительно к тексту жизни идет процесс выборочной текстуализации (поэзис), применительно к тексту искусства – процесс семантизации жизненно-бытового материала (семиозис).

Жизнетворчество функционирует одновременно как гомогенная и как гетерогенная система, обладающая открытой функциональностью. Несмотря на возможную (в индивидуально-авторских системах) «непроницаемость» текста искусства по отношению к тексту жизни, их имманентно-вынужденное сосуществование в пространстве жизни творца и пространстве культуры, приводит к постоянному подключению (или исключению) новых и новых смыслов. Разгерметизация аутентичного образования происходит и за счет внедрения в двутекстовую ткань жизнетворчества фигуры конечного адресата – читателя. Некая «обреченность» на Другого как свойство всякой нарративной структуры (какой является жизнетворчество) становится зарокотом того, что в жизнетворческой парадигме идет процесс постоянной реорганизации и самоорганизации за счет внедрения новых смыслов и редукции старых (перекодировка ценности литературных фактов, фактов биографии, явлений литературного процесса, семиотического содержания и т.д.).

В связи с этим жизнетворческая проблематика – проблема соотношения искусства и действительности, проблема стирания писателем границы между ними или, наоборот, ее подчеркивания, может реализоваться не только в мировоззренческих поисках, но и в семиотически напряженном пространстве текста, обретая черты жизнетворческой поэтики. Поведенческие стратегии автора эффективней всего обнаруживаются чаще всего в маргинальных зонах (синтетических жанрах и стилях, на границе фабулы-сюжета, автора-персонажа и т.д.). Наконец, результативным материалом для реконструкции жизнетворческой художнической модели являются автометаописательные тексты, основанные на саморефлексии, тесно сопрягающей статусы человека и творца воедино.

Литература

- Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994.
- Бахтин М.М. К философии поступка // Бахтин М.М. Работы 1920-х гг. Киев, 1994.
- Бремон К. Логика повествовательных возможностей // Семиотика и искусствометрия. М., 1972.
- Выготский Л.С., Лурия А.Р. Этюды по истории поведения. М., 1993.
- Гаспаров Б.М. Литературные лейтмотивы: Очерки русской литературы XX века. М., 1994.
- Гин Я.И. Проблемы поэтики грамматических категорий: Избранные работы. СПб., 1996.
- Гончарова О.М. «Новые люди» эпохи 1860-х: идеи – тексты – социопрактики. Лекции по истории русской культуры. СПб, 2011.
- Двинятин Ф.Н. «Нити мезгиревых тенет» и исследование В.В. Колесова о структуре древнерусского текста // Динамика русского слова. СПб., 1994.
- Ким Хен Ен. Теория метатекста и формы ее проявления в поэтике // Acta slavica iaponica. 2002. Т. 21.
- Лихачев Д.С. Внутренний мир художественного произведения // Вопросы литературы. 1968. № 8.
- Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров: человек – текст – семиосфера – история. М., 1999.
- Лотман Ю.М. Декабрист в повседневной жизни (Бытовое поведение как историко-психологическая категория) // Литературное наследие декабристов. Л., 1975.
- Матурана У., Варела Ф. Древо познания: биологические корни человеческого понимания. М., 2001.
- Милиц З.Г. Об эволюции русского символизма: К постановке вопроса: Тезисы // Милиц З.Г. Блок и русский символизм: Избранные труды: в 3-х кн. СПб., 2004. Кн. 3.
- Обатнина Е. Алексей Ремизов: Личность и творческие практики писателя. М., 2008.
- Пахарева Т. Развитие форм автометаописания в современной русской литературе. [Электронный ресурс]. URL : <http://lib.profi.net.ua/websites/www.kspu.edu.ua>
- Синергетическая парадигма: многообразие поисков и подходов. М., 2000.
- Синергетическая парадигма: Нелинейное мышление в науке и искусстве. М., 2002.
- Тименчик Р.Д. Автометаописание у Ахматовой // Russian Literature. 1975. № 10-11.
- Томашевский Б.В. Литература и биография // Книги и революция. 1923. № 4 (28).
- Тынянов Ю.В. Литературный факт // Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977.
- Фарыно Е. Введение в литературоведение. СПб., 2004.
- Фаустов А.А. Авторское поведение в русской литературе. Середина XIX века и на подступах к ней. Воронеж, 1997.
- Фещенко В.В. Автороетика, или Об одной языковой особенности творческого сознания // Гуманитарная наука сегодня. М.-Калуга, 2006.
- Хатямова М.А. Формы литературной саморефлексии в русской прозе первой трети XX века. М., 2008.
- Худенко Е.А. Жизнетворчество Мандельштама, Зощенко, Пришвина 1930-1940-х гг. как метатекст: дис. ... д-ра филол. наук. Барнаул, 2012.
- Штайн К.Э. Метапоэтика: «Размытая» парадигма // Три века русской метапоэтики: Легитимация дискурса. Антология: в 4-х тт. Ставрополь, 2002. Т. 1.
- Эйхенбаум Б.М. Литературный быт // Эйхенбаум Б.М. Мой современник. Художественная проза и избранные статьи 20-30-х гг. СПб., 2001.

ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ОФИЦИАЛЬНО-ДЕЛОВОЙ КОММУНИКАЦИИ: ПРИНЦИПЫ ОЦЕНКИ ДЕЛОВЫХ ТЕКСТОВ

Т.В. Чернышова

Ключевые слова: прикладная филология, прикладное знание, лингвистические и экстралингвистические основания, официально-деловые тексты, аналитико-экспертная деятельность, основания оценки официально-деловых текстов.

Keywords: applied philology, linguistic and extra linguistic foundations of the analysis, official business texts, analytical and expert activity, foundations of assessment of official business texts.

В конце XX – начале XXI века прикладные аспекты изучения русской устной и письменной речи стали активно разрабатываться разными направлениями современной отечественной лингвистики, что способствовало обретению прикладной филологией нового статуса как в количественном, так и в качественном отношении, а также формированию «прикладной теории и из прикладной практики в области языка...» [Рождественский, 1988, с. 208].

Говоря об отличии прикладной филологии от классической, Ю.В. Рождественский отмечал, что прикладные дисциплины «не занимаются анализом произведений словесности со стороны грамматики, словаря, риторики, поэтики и стиля, но включают теорию синтеза новых словесных произведений. Эти прикладные дисциплины разрабатывают правила синтезирования речи с позиций новой стилистики (то есть современного стиля жизни) и содержат нормы использования языковых правил, правил риторики, поэтики и иногда логики. ... Таким образом, в основании рассуждений фундаментальной и прикладной наук лежит определенное ограничение. Но в фундаментальной науке это ограничение касается того, как думать, а в прикладной – того, как делать. В соблюдении ограничения заключается профессиональная научная грамотность, а грамотность состоит в соблюдении культуры, сохранении сделанного человечеством вопреки, может быть, сиюминутной выгоде» [Рождественский, 1988, с. 210]. Именно поэтому, на наш взгляд, лингвистическая составляющая прикладной филологии опирается на сформулированный Ю.В. Рождественским принцип, названный им «этическим»: «применяя новую технику к новым текстам, сохрани и развивай прежнюю языковую деятельность» [Рождественский, 1988, с. 210].

В свою очередь, А.А. Чувакин в своих работах [Чувакин, URL], подчеркивает экстралингвистическую составляющую прикладного знания и указывает ряд факторов, благодаря которым развитие прикладного аспекта стало возможным и в филологическом образовании. По мнению исследователя, «современный этап развития общества квалифицируется как переходный от информационного к коммуникационному (или как информационно-коммуникационный, а иногда – как коммуникационный). Логика развития современности меняет запросы общественной практики; порождает новые (новейшие!) системы коммуникации, культуры, управления, массовой информации и др.; приводит к радикальным изменениям на рынке труда и в процессах личной идентификации человека, к усилению значимости процессов разделения наук на теоретическую и прикладную области (см.: математика: прикладная математика; социология: прикладная социология; психология: прикладная психология и др.). <...> Прикладная филология («приложения филологии») может быть охарактеризована как направление в филологии, занимающееся исследованием «подведомственных» ей объектов во имя решения конкретных практических проблем в различных сферах языковой, литературной, информационно-коммуникационной жизни человека и общества, использования естественного языка и текстов в различных сферах коммуникации, обеспечивающее разработку принципов, методов, технологий решения практических задач в филологии» [Чувакин, URL].

Целью данного исследования является изучение прикладных аспектов делового письма (официально-деловой речи), столь актуальных в свете аналитико-экспертной филологической деятельности, востребованной в настоящее время в ходе судебной лингвистической экспертизы документационных и информационных споров [Чернышова, 2012а; Чернышова, 2015].

Деловой тип письменного языка, согласно лингвистическим исследованиям, сложился «еще в древнерусский период на народной основе» [Дускаева, 2011, с. 104] и завоевал «себе место в литературе уже во второй половине XVI в.» [Виноградов, 1978, с. 210]. «Уже в грамотах (договорных, купчих, жалованных) отчетливо прослеживаются стилевые черты деловой речи: стандартизованность формул, которыми начинаются и заканчиваются тексты, точность изложения, создаваемая специфической лексикой» [Дускаева, 2011, с. 104]. На протяжении нескольких веков окончательно закрепились такие стилеобразующие признаки официально-деловой речи, как императивность, точность, объективность (безличность) изложения и стандартизованность [Дускаева, 2011, с. 66-67].

Деловой стиль используется для коммуникативного обслуживания правовой сферы как системы общеобязательных социальных норм, охраняемых силой государственного принуждения. Назначение делового стиля – обеспечивать правовую регламентацию общественных отношений; эта задача достигается через регулирование отношений в обществе, действий и поведения людей, функционирования объединений и государственных органов [Дускаева, 2011, с. 66]. За время функционирования стиля сложились особые – иерархические – отношения между автором делового текста и адресатом, обусловленные степенью определенности адресата (неопределенный, массовый или конкретное лицо); социальным статусом адресата в иерархии; степенью обязательности для адресата исполнения действий, к которым побуждает документ.

Новое представление о деловом дискурсе, который определяется исследователями по-разному: как деловой [Кушнерук, 1999; Сологуб, 2008], коммерческий [Стернин, 1998, с. 26-27], административный [Карасик, URL], официально-деловой [Дускаева, 2011], – сформировалось в России в конце XX века.

В это же время оформились и прикладные аспекты изучения текстов деловой коммуникации, к которым, в частности, можно отнести **разработку оснований оценки официально-деловых текстов** [Кушнерук, 1999, с. 64-71].

Необходимость лингвистической оценки официально-деловых текстов возникает, как минимум, в двух случаях: 1) при подготовке документа к использованию в деловой сфере; 2) при возникновении судебного спора в отношении трактовки содержания документа заинтересованными сторонами.

Несмотря на разные цели и задачи двух видов лингвистической оценки, есть ряд общих положений, определяющих основания лингвистического анализа деловых текстов. Остановимся на них подробнее.

I. Прежде всего лингвистический анализ деловых (как и всех прочих) текстов основывается на **общих принципах аналитико-экспертной деятельности**, которую осуществляет филолог-практик как в процессе лингвистической оценки (экспертизы) подготавливаемого к использованию делового текста, так и в ходе лингвистической экспертизы спорного делового текста, попавшего в сферу судебного разбирательства. В наиболее общем виде аналитико-экспертная деятельность включает: 1) анализ исходного текста с учетом дискурсивной и стилистической специфики оцениваемого текста; 2) оценку исходного текста по результатам проведенного исследования на основе использования методов и приемов лингвистического анализа, разрабо-

танных в филологии [Чернышова, 2012а, с. 316; Чернышова, 2012] (см. выше замечание Ю.В. Рождественского о профессиональной научной грамотности).

Термин «аналитико-экспертная деятельность» применительно к деятельности выпускника-филолога был впервые употреблен А.А. Чувакиным в статье «Примерная основная образовательная программа "Прикладная филология"» [Чувакин, 2010] в связи с описанием профильных компетенций бакалавров, обучающихся по специальности «Прикладная филология». Среди этих компетенций наряду с представлением о возможностях практического (прикладного) применения фундаментальных филологических знаний и вспомогательных филологических методик в различных сферах есть и такая: «владение методами и приемами решения практических задач в основных сферах филологической деятельности (аналитико-экспертной, редакторской, информационно-издательской, литературно-критической, литературно-творческой и др.)» [Чувакин, 2010, с. 50-54].

В целом овладение навыками аналитико-экспертной деятельности в рамках прикладных исследований включает в себя умение создавать, редактировать, реферировать (то есть оценивать!) все типы деловой документации; квалифицированно трансформировать различные типы текстов (изменение стиля, жанра, целевой принадлежности текста), в том числе создавать на базе трансформируемого текста новые тексты; продуцировать самостоятельные, обладающие смысловой, эстетической и практической ценностью словесные конструкты – деловую документацию и другие тексты [ФГОС-3, URL; Чернышова, 2012, с. 315].

II. К общим основаниям оценки делового текста, по-видимому, можно отнести и такой критерий, как его **эффективность**. Под эффективностью делового текста понимается «практический результат в сфере обращения документа: в управлении, экономике, правовых отношениях или администрировании» [Кушнерук, 1999, с. 64], – то, что в практике речевой коммуникации трактуется как коммуникативная удача (если цель коммуникации достигается) или коммуникативная неудача (в случае сбоя коммуникации) [Мыркин, 1994, с. 55].

Эффективность делового текста оценивается с учетом экстралингвистических (1) и интралингвистических (2) принципов. К первым, экстралингвистическим, С.П. Кушнерук относит сферу функционирования документов (основной критерий); уровень полномочий и ответственности; место составления и сферу обращения, технические характеристики документа, темпоральные характеристики (время действия, содержательные особенности, форма документа) [Кушнерук, 1999, с. 65-69]. Интралингвистические принципы включают описание

композиционных особенностей текста, лексико-фразеологические и морфолого-синтаксические его характеристики.

По мнению исследователя, лингвистическая оценка документов (качественная и количественная их интерпретация) должна опираться на лингвистический анализ таких составляющих текста, как точность, полнота, логичность, связность и диалогичность: «Юридически правомочный, определенный в жанровом отношении, соответствующий ситуации и путям ее разрешения грамотный документ – оптимальное условие коммуникативной составляющей любой практической деятельности» [Кушнерук, 1999, с. 69-70].

Особое внимание уделяется такому направлению оценки делового текста как определение степени его коммуникативной уместности.

Проиллюстрируем данные положения на примере жанра деловой характеристики¹.

Служебная характеристика²
 на медицинскую сестру хирургического отделения КГБ «Г<...>ая центральная районная больница»
 А<...> Б<...> С<...>ву

Трудовую деятельность в КГБ «Г<...>ая центральная районная больница» начала в 1989 г. в должности медицинской сестры хирургического отделения. Стаж работы 23 года.

В процессе работы показала себя теоретически и практически грамотной медицинской сестрой.

С 2011 года переведена на должность старшей медсестры хирургического отделения. За время работы на данной должности не смогла сформировать в коллективе ровный психологический климат. Данный факт говорит о неуравновешенности ее характера, провоцирующий конфликтные ситуации в коллективе.

В общественной жизни коллектива и больницы не участвовала.

В профсоюзной организации не состоит. Выход из нее обоснован по собственному желанию.

Главная медсестра
 КГБ «Г<...>ая центральная районная больница» А. <...>ая

13.07.2012. <Гербовая печать организации>

¹ Данный текст в 2013 году был объектом лингвоэкспертного исследования Региональной общественной организации Алтайского края Ассоциация лингвистов-экспертов и преподавателей «Лексис».

² Здесь и далее текст характеристики приводится в кавычках с соблюдением орфографии и пунктуации оригинала.

Предложенный для исследования специалиста текст, как следует из его названия, является «служебной характеристикой», то есть официальным документом с отзывом о служебной, общественной деятельности кого-либо. Следовательно, оценка этого текста должна начинаться с описания и идентификации его экстралингвистических признаков.

По замечанию исследователей, характеристика – это официальный документ, выданный администрацией сотруднику учреждения, организации, предприятия с отзывом о его служебной, общественной, научной и др. деятельности, а также с оценкой его деловых и моральных качеств [Кирсанова, 2003; Дускаева, 2011, с. 248-249].

В тексте характеристики, по замечанию Л.Р. Дускаевой, М.В. Кирсановой и др., можно выделить четыре взаимосвязанные части.

1. Презентация документа, иначе – анкетные данные, где указывают имя, отчество и фамилию сотрудника, дату рождения; занимаемую должность и дату назначения на эту должность, полученное образование.

2. Сообщение основных сведений о работнике: данные о трудовой деятельности: специальности, продолжительности работы на данном предприятии или в организации, продвижении по службе, уровне профессионального мастерства (указываются должности, которые занимал сотрудник за время работы в данной организации, обязанности, выполняемые на этих должностях, перечисляются поощрения и взыскания и т.п.).

3. Собственно характеристика работника, то есть **мотивированная оценка** профессиональных и личностных качеств, результатов служебной деятельности: отношение к исполнению своих обязанностей, рост профессионального уровня, поведение в коллективе, производимая по ряду показателей, к которым относится профессиональная компетентность (знания, умения, опыт), стаж работы по специальности; эффективность решения поставленных задач; степень активности в работе, участие в творческой деятельности; умение организовывать, координировать и регулировать, а также контролировать и анализировать работу подчиненных (для руководящего состава); опираться на профессиональную помощь своих коллег; умение работать в коллективе; уровень общей культуры; производственная этика, стиль отношения с коллегами и клиентами, коммуникабельность, доброжелательность, отзывчивость; способность к самооценке.

4. Заключительная часть содержит вывод, в котором указывается назначение характеристики.

Подписывает характеристику, как правило, руководитель учреждения (предприятия, организации и т. п.) либо лицо, его замещающее. Подпись скрепляется печатью учреждения [Дускаева, 2011, с. 249-252; Кирсанова, 2003].

В соответствии с указанными экстра- и интралингвистическими свойствами, предъявляемыми в деловой сфере к жанру служебной характеристики, следует отметить, что анализируемый текст не вполне соответствует необходимым требованиям.

В анализируемом тексте представлена крайне сжатая информация о трудовой деятельности А.Б. С<...>вой (далее – субъекта речи), то есть нарушен такой важный критерий, как полнота делового текста: «Пропуски фрагментов, соответствующих сверхфразовым единствам, ставят под сомнение дееспособность текста вообще» [Кушнерук, 1999, с. 70]. В частности, в тексте отсутствуют следующие важные составляющие:

1) в пункте, касающемся данных о трудовой деятельности субъекта речи, отсутствуют сведения об уровне профессионального мастерства: не указаны обязанности, выполняемые ею в должности медицинской сестры хирургического отделения, не перечислены поощрения и взыскания и т.п.;

2) чересчур краткой представляется и собственно характеристика, то есть **мотивированная оценка** профессиональных и личностных качеств, результатов служебной деятельности в качестве медицинской сестры хирургического отделения и старшей медсестры того же отделения:

- ничего не сказано об отношении к исполнению своих обязанностей, росте профессионального уровня, поведении в коллективе;
- вся оценка двадцатитрехлетней трудовой деятельности работника в должности сестры хирургического отделения выражена в одной фразе, не дающей представления об уровне ее профессионализма: «В процессе работы показала себя теоретически и практически грамотной медицинской сестрой».

Как результат, в тексте служебной характеристики не представлены такие важные элементы **мотивированной оценки** профессиональных и личностных качеств характеризуемого, как указание на уровень его профессиональной компетентности (знания, умения, опыт); нет информации о качестве выполнения работы, своевременности выполнения должностных обязанностей, мере ответственности за результаты работы, эффективности решения поставленных задач, способности в короткие сроки осваивать вопросы, обеспечивающие повышение эффективности труда и качество работы; отсутствует информация о степени активности в работе, умении оперативно принимать решения для выполнения стоящих задач, способности адаптироваться к новой ситуации и применять новые подходы к решению возникающих проблем; способности прогнозировать и планировать, организовывать, координировать и регулировать, а также контролировать и анализировать работу подчиненных (для руководящего состава).

Имеющаяся в тексте фраза «За время работы на данной должности /то есть должности старшей медсестры хирургического отделения/ не смогла сформировать в коллективе ровный психологический климат» носит обобщенный характер и **не является мотивированной**, то есть не подтверждается фактами, – таким образом, в тексте нарушен критерий логичности развертывания делового текста [Кушнерук, 1999, с. 70]. В частности, нет указания на то, как именно А.Б. С<...>ва проявила себя в должности старшей медсестры хирургического отделения, в чем состояло ее «неумение» «сформировать в коллективе ровный психологический климат»: не указывается, опиралась ли она на профессиональную помощь своих коллег, каков уровень ее общей культуры, стиль отношения с коллегами и клиентами, присущи ли ей коммуникабельность, доброжелательность, отзывчивость или нет и т.п.

При отсутствии подобной информации утрачивается причинно-следственная связь между утверждением «За время работы на данной должности не смогла сформировать в коллективе ровный психологический климат» и следующим далее выводом: «Данный факт «говорит о неуравновешенности ее характера, провоцирующий конфликтные ситуации в коллективе». Последнее утверждение представляется **логически не мотивированным и фактологически не доказанным**: в тексте характеристики нет конкретных фактов, свидетельствующих о неуравновешенности характера субъекта речи, не приведены примеры созданных ею конфликтных ситуаций, что придает данному утверждению надуманный характер и характеризует мотивы предложенной в служебной характеристике оценки деловых и моральных качеств А.Б. С<...>вой как субъективные, необидительные, а следовательно, **не отражающие особенности ее личности**.

В заключительной части нет указания о том, каково назначение характеристики.

Проведенный анализ позволил оценить предложенный для исследования текст как **не соответствующий жанру служебной характеристики**, поскольку он не содержит описания деловых и личностных качеств работника, не оценивает его объективно, с опорой на факты, что лишает данный текст его деловых свойств как служебной характеристики в целом.

Можно также охарактеризовать этот текст как негативно ценный: то есть, не выполняя своих «осведомляющих» функций в силу своей неполноты, неточности и нелогичности и, по сути, являясь коммуникативной неудачей автора, данный текст воспринимается субъектом речи как дискредитирующий, поскольку содержит негативную оценку личности, которую он характеризует.

Лингвистический анализ делового текста, произведенный в исследовательской части лингвоэкспертного заключения, позволяет более точно ответить на вопросы, поставленные перед специалистом следственными или судебными органами, более убедительно и логически верно сформулировать выводы.

Несмотря на возможность выделения общих оснований, определяющих единые подходы к лингвистическому анализу и оценке деловых текстов, реализуемых в ходе аналитико-экспертной деятельности филолога-практика, многочисленность жанров деловой коммуникации, разнообразие сфер функционирования деловых текстов и многообразие решаемых ими задач вносят ряд ограничений в возможности экспертной оценки деловых текстов. В частности, не всегда при оценке деловых текстов можно руководствоваться только правилами и нормами литературного языка, поскольку лингвостилистические параметры деловой речи во многом отличаются от соответствующих параметров «естественного» языка. Этому во многом способствует «**официализация** как процесс вхождения естественного языка в деловой язык, формирование на основе естественного языка сущностных свойств делового языка (такими свойствами являются выработанные стереотипы деловой речи, выступающие в качестве ее канонов) [Сологуб, 2008, с. 32].

С другой стороны, не стоит забывать и об обратном процессе – **деофициализации**, то есть «утрате или ослаблении официального начала при дальнейшем употреблении деловых текстов-образцов, их функционировании <...> под воздействием традиций неофициального языка (он связан с обратными процессами – процессами вхождения делового языка в язык обыденный, художественный, научный и т.д.)» [Сологуб, 2008, с. 32]. Абсолютизация норм делового письма и нежелание его составителей (а также некоторых экспертов) учитывать такие немаловажные факторы, обеспечивающие эффективное функционирование деловых текстов, как фактор адресата, целеустановка, область применения, уровень официальности и ее роль в определении степени жесткости применяемых к составлению деловых текстов требований, и др., приводит к непониманию сути этих текстов адресатом, множественности их интерпретации и в конечном итоге к разрыванию документационных споров, разрешение которых в значительной степени обусловлено уровнем императивности (жесткости) делового текста.

Так, по мнению исследователей, характер отношений между автором делового текста и адресатом обусловлен: **степенью определенности адресата** (неопределенный, массовый или конкретное лицо); **социальным статусом адресата** в иерархии; степенью **обязательности** для адресата исполнения действий, к которым побуждает документ. Поэтому наиболее

категоричны деловые тексты, направленные массовому адресату (законодательные и правоохранные), а также лицу, находящемуся на более низкой ступени в служебной иерархии, не имеющему права выбора действий (административно-хозяйственная) [Дускаева, 2011, с. 67].

Ниже приведена сопоставительная таблица, обобщающая варьирование стилеобразующих признаков деловых текстов, функционирующих в разных сферах делового общения: законодательной, правоохранный (юрисдикционной), административно-хозяйственной, – на примере только одного их вида (деловых текстов-предписаний).

Виды деловых текстов-предписаний	Варьирование стилеобразующих признаков			
	Адресат	Целеустановка	Волеизъявление (императив)	Точность
Законодательные тексты	Представлен предельно обобщенно	Устанавливают нормы жизни в государстве, обязательные для всех	Строгий, развернутый, обобщенный императив, действует как указание на норму поведения в обществе, систему обязательств, на юридическую ответственность, наступающую при определенных обстоятельствах и условиях	Направлена на прояснение этих обстоятельств и условий

<p>Юрисдикционные (право) тексты</p>	<p>Распространяется лишь на отдельные органы исполнения власти, должностными лицами и гражданами</p>	<p>Исполнение законов органами власти, должностными лицами и гражданами</p>	<p>Волеизъявление более конкретизировано, так как адресовано определенным лицам и компетентным органам, но не менее категорично, поскольку осуществляется в соответствии с «буквой закона»</p>	<p>Требование выполнения должностными лицами диктуемых законом действий; Установление порядка и способа их выполнения; Отмена ранее вынесенных решений; предложение или просьба об изменении существующего порядка дел и т.п.</p>
<p>Административно-хозяйственные тексты</p>	<p>Распространяется лишь на отдельных должностных лиц и граждан</p>	<p>Координация деятельности людей в конкретных сферах</p>	<p>Императивность смягчена за счет меньшей категоричности требований и более личностного изложения</p>	<p>Устойчивость (стандартизованность) композиционно-стилистической формы, обусловленная опорой на нормативно-правовые акты при составлении текста: УПК, ГПК, арбитражно-процессуальным кодексом и другими законами РФ</p>

Таблица 1. Варьирование стилеобразующих признаков деловых текстов в зависимости от сферы функционирования¹

¹ В таблице обобщены описательные данные, приведенные в исследовании: [Дускаева, 2011, с. 98-100].

По мнению Л.Р. Дускаевой, «содержание документов и последовательность речевых действий многих документов определяется нормативно-правовыми актами: УПК, ГПК, арбитражно-процессуальными кодексами и другими законами РФ или ГОСТом, ОСТом и др.» [Дускаева, 2011, с. 99]. С.П. Кушнерук также отмечает, что «критерии оценки официально-деловых документов имеют разнородный характер и во многом связаны с соответствиями определенным формальным требованиям, со степенью соответствия типовой экстралингвистической ситуации и с уровнем эффективности в цепочке “документ – действие – следствие”». Рассматривая формальные требования, можно говорить о степени жесткости документов, регулирующих форму и содержательные особенности текстов официально-делового стиля. Наиболее жестким, не допускающим обсуждения документом является Государственный стандарт... Для документной лингвистики наиболее значимым положением ГОСТа является содержание разделов по композиционной организации документа и по формированию текстов документов» [Кушнерук, 1999, с. 67-68]. Как следует из данных, приведенных в таблице, наибольшей степенью императивности отличаются законодательные тексты, поскольку они действуют как указание на норму поведения в обществе, систему обязательств, на юридическую ответственность всех членов общества, наступающую при определенных обстоятельствах и условиях. Следовательно, их лингвистическая оценка должна быть очень жестко регламентирована.

В то же время С.П. Кушнерук указывает, что «оценка документов может производиться и на экспертной основе, то есть силами специалистов высокой квалификации» [Кушнерук, 1999, с. 69]. При этом в задачу эксперта при оценке делового текста любого уровня императивности и официальности «входит определение соответствия параметров их функциональной задаче и формально-содержательным требованиям» [Кушнерук, 1999, с. 69].

Полагаем, что даже в том случае, если уровень императивности текста достаточно высок (например, лингвистической оценке подвергается текст закона, устава или инструкции и т.п.) и заключение эксперта не сможет в полной мере повлиять на изменение его формулировки и разрешение документационного спора, лингвист, благодаря своим специальным познаниям, может на основе проведенного анализа выявить спорные фрагменты документного текста, вызванные либо внутренней антиномией языка, либо условиями функционирования текста, либо иными экстралингвистическими факторами, и доказать возможность и правомерность их множественной интерпретации. По замечанию Н.Д. Голева, «конфликтность присуща самой природе языка, поскольку сам он соткан из противоречий, которые и являются основой его жизнеспособности.... По-

этому его антиномии в социальном функционировании регулярно и, по-видимому, неизбежно актуализируются как социальные конфликты...» [Голев, 2008, с. 143].

В качестве примера рассмотрим спорный фрагмент текста «Инструкции о порядке проведения профессиональной гигиенической подготовки и аттестации должностных лиц и работников организаций, деятельность которых связана с производством, хранением, транспортировкой и реализацией пищевых продуктов и питьевой воды, воспитанием и обучением детей, коммунальным и бытовым обслуживанием населения» от 29.06.2000, №229 (далее по тексту – «Инструкция»).

Как следует из вводной части «Инструкции», «Профессиональная гигиеническая подготовка и аттестация обязательны для должностных лиц и работников организаций, **деятельность которых** связана с производством, хранением, транспортировкой и реализацией пищевых продуктов и питьевой воды, воспитанием и обучением детей, коммунальным и бытовым обслуживанием населения».

Данная фраза построена таким образом, что при ее понимании возникают двойственные синтаксические связи, мешающие ее однозначной интерпретации (толкованию). Причиной двусмысленности является использование для связи главного и придаточного определительного предложений в составе сложноподчиненного предложения местоименного слова «которых», принимающего в предложении ту же падежную форму, что и языковые единицы, которые оно замещает в главном предложении: «для (кого?) должностных лиц и работников (чего?) организаций, **деятельность которых** (кого? чего?) связана...», – употреблены в форме родительного падежа мн. числа) [Русская грамматика, 1980, с. 514]. Союзное слово «которых» употреблено в функции дополнения-«заместителя» и одновременно «замещает» две конструкции в форме дополнения, содержащиеся в главном предложении:

1) «для **должностных лиц и работников ... (каких?), деятельность которых** связана...»;

2) «для ... **организаций (каких?), деятельность которых** связана...».

Как правило, местоименное слово «который» следует непосредственно за существительным, которые оно определяет» [Русская грамматика. 1980, с. 515.], однако случаи, когда сразу несколько последовательных конструкций в главном предложении соотносятся с местоименным словом «который», относятся к разряду «трудностей русской грамматики» и могут порождать двусмысленные интерпретации, как это и происходит в контексте анализируемой «Инструкции».

Таким образом, проведенный лингвистический анализ позволил выявить «проблемную» зону в структуре «Инструкции», обусловленную грамматической структурой анализируемого текста, допускающей двойственное толкование описываемой ситуации, что и стало предметом документационного спора.

Итак, в данной статье мы обратились к одному прикладному аспекту изучения особенностей функционирования современных деловых текстов – описанию лингвистических и экстралингвистических оснований для их экспертной оценки в ходе аналитико-экспертной деятельности филолога-практика. На наш взгляд, описанные общие основания оценки, а также учет своеобразия разных видов аналитико-экспертной деятельности в ходе исследования делового текста позволят выполнять профессиональные филологические задачи более эффективно.

Как показало исследование, решение лингвоэкспертных задач, связанных с оценкой делового текста, находится на пересечении нескольких важных направлений современной лингвистики, среди которых – интерес к изучению жанрового разнообразия деловых текстов в аспекте степени их императивности и официализации; разработка эффективных методик анализа деловых текстов в зависимости от решаемых экспертных задач; изучение активных процессов, происходящих в естественном языке, и их влияния на функционирование современных деловых текстов; учет достижений современной прикладной филологической практики и теории и многое другое.

Литература

- Виноградов В.В. История русских лингвистических учений. М., 1978.
- Голев Н.Д. Юридизация речевых конфликтов как основание их типологии // Юрилингвистика-9: истина в языке и праве. Кемерово; Барнаул, 2008.
- Дускаева Л.Р. Стилистика официально-деловой речи: уч. пособие. М., 2011.
- Карасик В.И. О типах дискурса. [Электронный ресурс]. URL: <http://ruslang.isu.ru/education/discipline/philology/disrurs/material/material2/>
- Кирсанова М.В. Современное делопроизводство. М., 2003.
- Кушнерук С.П. Документная лингвистика (русский деловой текст). Волгоград, 1999.
- Мыркин В.Я. Язык – речь – контекст – смысл. Архангельск, 1994.
- Рождественский Ю.В. Культура речи как прикладная дисциплина // Язык: система и функционирование. М., 1988.
- Русская грамматика. М., 1980.
- Сологуб О.П. Русский деловой текст в функционально-генетическом аспекте. Новосибирск, 2008.
- Стернин И.А. Общественные процессы и развитие современного русского языка. Очерк изменений в русском языке конца XX века. Воронеж-Пермь, 1998.
- Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки 032700 Филология, утвержденный 14

января 2010 года. [Электронный ресурс]. URL: http://www.edu.ru/db-mon/mo/Data/d_10/prm34-1.pdf

Чернышова Т.В. Аналитико-экспертная деятельность: аспекты подготовки филолога-практика // Коммуникативистика в современном мире: эффективность и оптимизация речевого взаимодействия в социуме. Барнаул, 2012а.

Чернышова Т.В. Методы практической и исследовательской деятельности в области коммуникации и текста как важнейшая составляющая подготовки бакалавра и магистра филологии // Филология и человек. 2012. № 4.

Чернышова Т.В. Судебная лингвистическая экспертиза: аналитико-экспертная деятельность филолога-практика (Примерная программа профессиональной переподготовки педагогических работников общеобразовательных организаций) // Филология и человек. 2015. № 2.

Чувакин А.А. Примерная основная образовательная программа «Прикладная филология». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.asu.ru/files/documents/00001720.pdf>

Чувакин А.А. Примерная основная образовательная программа «Прикладная филология» // Информационный бюллетень Совета по филологии Учебно-методического объединения по классическому университетскому образованию. Великий Новгород, 2010. № 12.

ДЕРИВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СЛОВА И ЕГО РЕЧЕВАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ СО ЗНАЧЕНИЕМ ЦВЕТА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ)¹

М.Г. Шкуропацкая

Ключевые слова: деривационное функционирование слова, лексико-деривационная система, качественно-количественный анализ деривационной активности слова, прилагательные со значением цвета.

Keywords: derivational functioning of words, lexico-derivational system, qualitative and quantitative analysis of word derivational activity, adjectives with color semantics.

Предлагаемое исследование находится в русле концепции дериватологического описания языка и деривационной лексикологии как ее части. В сферу интересов данного научного направления входит исследование деривационного функционирования лексики и его проекции на лексическую систему. Деривационное функционирование слова в

---

¹ Глубокоуважаемому юбиляру, доктору филологических наук, профессору Алексею Андреевичу Чувакину, с благодарностью за годы сотрудничества в диссертационном совете при Алтайском государственном университете и в редакционной коллегии научного журнала «Филология и человек»

тексте является языкоречевым механизмом, действие которого определяется балансом детерминант, восходящим к общеязыковым антиномиям объективное / субъективное, системное / текстовое, означающее / означаемое. «Суть проблемы деривационного функционирования слова и заключается в выявлении и описании источников деривационной энергетики слова, обнаруживающейся в возникновении и сохранении его деривационного потенциала» [Шкуропацкая, 2004, с. 3]. Важнейшим условием формирования и регулярной реализации такого потенциала является языковая система, представленная лексико-деривационными отношениями. Лексико-деривационные отношения (или эпидигматические отношения, по определению Д.Н. Шмелева) формируют особую область парадигматики – смысловые парадигмы с отношениями мотивации, представляющие собой опредмеченные деривационные процессы. Закрепленные в эпидигматической парадигматике языка, эти отношения в свою очередь являются одним из главных факторов, обеспечивающих реализацию деривационной функции слова в текстопорождении.

Предметом деривационной лексикологии являются не только лексико-деривационные отношения классического типа. В деривационном ключе могут быть рассмотрены также парадигматические связи разнокорневых слов. Сошлемся на мнение Л.Н. Мурзина, который писал: «система языка как система оппозиций и деривация как производство единиц языка дополняют друг друга и, главное, являются не столько разными объектами, сколько разными аспектами одного и того же объекта – языка. <...> Аспектная природа того и другого очевидна. Описывая язык с точки зрения системы, мы в центр ставим различие единиц языка, их дифференциацию. Описывая язык с деривационной точки зрения, мы в центр ставим отождествление, интеграцию языковых единиц [Мурзин, 1998, с. 241-242].

Классическими деривационными парадигмами являются, например, пары однокорневых антонимов: *веселый – невеселый; конечный – бесконечный; подход – отход* и под. Парадигмами аналогичного типа, на наш взгляд, являются пары разнокорневых антонимов, так как значение одного из них может быть легко истолковано через значение другого (например, *пассивность – «отсутствие активности»*). К числу отношений деривационного типа могут быть отнесены также синонимические отношения. Слова, образующие синонимическую парадигму, неравноправны: среди них, как правило, имеются слова-доминанты, с которыми соотнесены все другие члены парадигмы. Роль доминантной лексемы по отношению к остальным членам парадигмы аналогична роли ЛСВ с первичным номинативным значением во внутрисловной

парадигме многозначного слова или роли производящего слова в словообразовательной паре. Доминантной является, как правило, наиболее употребительная и нейтральная лексема, остальные члены синонимической парадигмы могут быть рассмотрены по отношению к ней как лексические (семантические), стилистические или разного рода контекстуально обусловленные дериваты.

Введение в сферу лексической деривации морфо-деривационных отношений, которые не находят отражения в формальной структуре слова, а выражаются на уровне детерминационных сем – особого рода значимостей, появляющихся у слова в его парадигматических связях и проявляющихся в особенностях его семантико-синтаксического функционирования, значительно расширяют границы самой лексико-деривационной системы и усложняют принципы ее структурной организации.

Само понятие «рамок» или «границ» деривационного поля слова в пределах одного языка является достаточно условным, так как объективной реальностью являются деривационные связи между словами, относящимися к различным территориальным и социальным диалектам в общенациональном языке, а также связи между словами, относящимися к разным языкам. Общефилософский подход В. Фон Гумбольдта к языку как «самодеятельному, самодостаточному и божественно свободному организму без сковывающей зависимости от народов», нашедшей отражение в лингвистике языкового существования (Б.М. Гаспаров), а также у других авторов в идее равноценности, универсальности, тождественности языков мира [Гадамер, 1988; Гаспаров, 1996; Лотман, 2000], подтверждается на конкретном материале фактом универсальности принципа деривации в межъязыковом пространстве [Голев, 1998; Морозов, 2005; Сайкова (Мельник), 2002]. С этой точки зрения, иноязычная лексика также может быть включена в пределы деривационного исследования слов данного конкретного языка. Само вхождение слова в систему другого языка можно рассматривать как один из этапов его деривационного функционирования в иной семиотической среде по сравнению с языком-источником.

Семантико-функциональное описание лексико-деривационной системы русского языка в полном объеме, в особенности с учетом возможности ее выхода в интра- и транслингвальное пространство (термин Н.В. Сайковой (Мельник)), является одной из перспективных задач деривационной лексикологии. Вместе с тем для выявления общего механизма языкотворчества в области лексико-деривационной системы и описания семантико-функциональной направленности ее основных сфер нам представляется достаточным

описание фрагмента данной системы. В статье представлены результаты исследования, выполненного на материале 23-х исходных имен прилагательных со значением «цвета» и «света» в русском языке и их внутрисловные и межсловные эпидигматические отношения, а также их синонимические отношения, представленные в деривационном аспекте, что в совокупности представляет собой целостный фрагмент лексико-деривационной системы.

Отличительной особенностью принятого в данном исследовании подхода для решения проблемы системного описания деривационного потенциала слова и его лексической реализации является использование статистических данных поисковой системы Яндекс. Под статистическими данными подразумевается частотность употребления слова в Интернете (количество страниц, на которых представлено слово в системе Яндекс). Далее представлена статистика мотивирующих имен прилагательных в порядке убывания их частотности: *белый* (181 млн.), *черный* (163 млн.), *красный* (108 млн.), *зеленый* (46 млн.), *серый* (28 млн.), *голубой* (18 млн.), *розовый* (16 млн.), *желтый* (13 млн.), *коричневый* (10 млн.), *оранжевый* (10 млн.), *прозрачный* (6 млн.), *рыжий* (4 млн.), *алый* (3 млн.), *бурый* (3 млн.), *бледный* (2 млн.), *лиловый* (2 млн.), *пестрый* (2 млн.), *румяный* (2 млн.), *багровый* (1 млн.), *смуглый* (1 млн.), *лучезарный* (966 тыс.), *блеклый* (679 тыс.), *багряный* (623 тыс.). Мы полагаем, что количественный индекс слова (термин Н.Д. Голева), отраженный в поисковых системах интернета, представляет собой квинтэссенцию коммуникативного опыта использования слова носителями русского языка. «Больший или меньший индекс говорит о том, какое место в сознании русских людей занимает концепт, сформированный данным словом, а вместе с ним и само слово» [Голев, 2006, с. 47]. Очевидно, что концепты, репрезентированные такими словами, как *белый*, *черный*, *красный*, *зеленый*, актуальны для языкового сознания носителей русского языка в большей степени, чем, например, *серый*, *голубой*, *розовый* и т.д. Каждое слово обладает своим потенциалом семантического варьирования. Реализацией семантического потенциала является семантическая парадигма слова – набор значений определенных типов, которые в своем большинстве являются закономерным и во многом предсказуемым результатом применения основных стратегий семантической деривации к семантическому материалу исходного значения и связанной с ним ситуации. Потенциал семантического варьирования слова может быть описан с учетом его количественной характеристики. Исходная гипотеза состоит в следующем: более частотное слово, а значит более известное, бо-

лее употребительное и значимое в жизни человека, обладает большим потенциалом семантического варьирования, и, следовательно, большим набором значений в лексико-семантической парадигме.

Мы провели мониторинг значений исследуемых имен прилагательных в порядке убывания их частотности и получили следующие результаты (они представлены в таблице 1).

№ п/п	Имя прилагательное	Частотность	Количество значений	Переносное значение	Субстантивированное значение	Устаревшее значение	Историческое значение	Терминологическое или специальное значение	Жаргонное значение
1.	белый	181 млн	11	1	5	1		1	
2.	черный	163 млн	13	3	4	1		1	
3.	красный	108 млн	7	1	3	1	1		
4.	зеленый	46 млн	10	5	3				1
5.	серый	28 млн	7	3	1				
6.	голубой	18 млн	2						
7.	розовый	16 млн	3	1					
8.	желтый	13 млн	6	1	1			1	
9.	коричневый	10 млн	2	1					
10.	оранжевый	10 млн	2		1				
11.	рыжий	4 млн	3		1				
12.	алый	3 млн							
13.	бурый	3 млн	2						1
14.	бледный	2 млн	2	1					
15.	лиловый	2 млн	1						
16.	пестрый	2 млн	3	2					
17.	румяный	2 млн	4						
18.	багровый	1 млн	1						
19.	смуглый	1 млн	1						
20.	лучезарный	966 тыс	1						
21.	блеклый	679 тыс	1						
22.	багряный	623 тыс	1						

Таблица 1. Семантическое варьирование имен прилагательных с разным индексом частотности по данным Яндекс (на 10.03.2014)

Как видно из таблицы, количество значений во внутрисловных семантических парадигмах слов снижается в соответствии со снижением квантитативного индекса имени прилагательного почти в

строгой арифметической прогрессии. Исключение составляют прилагательные *пестрый* и *румяный*. «Всплеск» значений у этих слов можно объяснить тем, что их семантический потенциал связан с особой сферой внеязыковой действительности, описываемой данными лексемами: *румяный* (о цвете лица, о плодах, о цвете пенки на топленом молоке или поджаристой корочке пирога); *пестрый* («покрытый разноцветными пятнами, полосами, составленный из чего-либо, окрашенного в различные цвета; также имеющий узоры разного цвета, обычно ярких тонов»). Оба слова являются семантически богатыми, так как описывают не отвлеченный признак (как другие прилагательные), а характеристики физически наблюдаемых предметов, которые могут быть использованы при концептуализации других предметов и ситуаций.

Важную область деривационного пространства слова образует его формально-семантическое варьирование (словообразовательная и супплетивная деривация). Деривационные варианты слов, входящие в сферу формально-семантической деривации, связаны тождеством вещественного значения, базирующемся на общей для всех дериватов корневой морфеме, и различаются между собой морфодеривационной формой и выражаемым ею категориальным значением. Результатом формально-семантической деривации слова является морфодеривационное поле слова, качественный и количественный состав которого также, как и внутрисловная парадигма слова, зависят от коммуникативной характеристики исходных имен прилагательных. Для проверки данной гипотезы был проанализирован морфодеривационный потенциал имен прилагательных на одном из участков словообразовательной системы, а именно при образовании имен существительных со значением отвлеченного признака. Мы учитывали наличие производного слова в Словообразовательном словаре А.Н. Тихонова и количественную характеристику слов по данным Интернета. Важное методическое значение при решении данной задачи имеет такая особенность Интернета, как возможность поиска заданного слова, которое может быть смоделировано по актуальным для исследования свойствам (при его отсутствии в Словообразовательном словаре) и спроектировано в речевую реальность (в таблице 2 такие слова набраны курсивом). Мы проверили наличие и частотность употребления производных имен существительных со значением отвлеченного признака в гнезде каждого мотивирующего прилагательного и представили результаты в виде матрицы, отражающей особенности парадигматического строения данного участка системы (таблица 2).

№ п/п	Производящее имя прилагательное	Производные имена существительные со значением отвлеченного признака, образованные при помощи формантов			
		-ость	-от(а)	-изн(а)	других (-ин(а), -ств(о), -щин(а), -изм, -ц(а). – иј, -инк(а). – ц(а))
1.	белый	<i>белость</i> 9 тыс.		белизна 1 млн.	<i>белина</i> 68 тыс.
2.	черный	<i>черность</i> 3 тыс.	чернота 704 тыс.		
3.	красный	<i>красность</i> 753	краснота 517 тыс.		
4.	зеленый	зеленость 10 тыс.			зелень 3 млн.
5.	серый	серость 706 тыс.			
6.	голубой			голубизна 276 тыс.	
7.	розовый	<i>розовость</i> 22 тыс.		<i>розовизна</i> 2 тыс.	
8.	желтый	<i>желтость</i> 1 тыс.	<i>желто-та</i> 427	желтизна 476 тыс.	желтина 1 тыс.; <i>желтинка</i> 6 тыс.; <i>желть</i> 17 тыс.
9.	коричневый	<i>коричневость</i> 3 тыс.			
10.	оранжевый	<i>оранжевость</i> 5 тыс.			
11.	рыжий	<i>рыжесть</i> 19 тыс.		<i>рыжевизна</i> 3	<i>рыжина</i> 68 тыс.
12.	алый	алость 16 тыс.			
13.	бурый	бурость 2 тыс.			
14.	бледный	бледность 624 тыс.	бледнота 7 тыс.		
15.	лиловый	<i>лиловость</i> 3 тыс.		<i>лиловизна</i> 2 тыс.	
16.	пестрый	пестрость 6 тыс.	пестрота 306 тыс.		пестрина 33 тыс.

17.	румяный	<i>румяность</i> 67 тыс.			<i>румянство</i> 85
18.	багровый	<i>багровость</i> 4 тыс.			
19.	смуглый	<i>смуглость</i> 20 тыс.			
20.	лучезарный	<i>лучезарность</i> 31 тыс.			
21.	блеклый	<i>блеклость</i> 30 тыс.			
22.	багряный	<i>багряность</i> 2 тыс.			

Таблица 2. Производные имена существительные со значением отвлеченного признака с указанием их частотности (по данным Яндекса на 11.03.2014).

Как видно из таблицы, прилагательные при образовании имен существительных со значением отвлеченного признака обладают разным потенциалом морфодеривационного варьирования. Наиболее частотные производные образуются от мотивирующих прилагательных, обладающих высоким индексом частотности и большим потенциалом семантического варьирования: *белый*, *черный*, *красный*, *зеленый*, *серый*, *желтый*. От некоторых из перечисленных прилагательных образуется по несколько производных имен существительных со значением отвлеченного признака, которые различаются индексами частотности, например: *желтизна* (476 тыс.) – *желть* (17 тыс.), *желтинка* (6 тыс.), *желтость* (1 тыс.), *желтина* (1 тыс.), *желтота* (427); *пестрота* (306 тыс.), *пестрина* (33 тыс.), *пестрость* (6 тыс.); *белизна* (1 млн.), *белина* (68 тыс.), *белость* (9 тыс.); *чернота* (704 тыс.), *черность* (3 тыс.); *краснота* (517 тыс.), *красность* (753); *зелень* (3 млн.), *зеленость* (10 тыс.); *бледность* (624 тыс.), *бледнота* (7 тыс.); *лиловость* (3 тыс.), *лиловизна* (2 тыс.).

Среди словообразовательных типов, по модели которых образуются производные имена существительные, самой высокой системной продуктивностью обладает тип с суффиксом *-ость*; многие слова на *-ость*, относящиеся к категории потенциальных по данным лингвистических словарей, на самом деле являются реальными словами, с различной частотностью употребляющимися в речи. Соотношение словарных и окказиональных слов, образованных по данной модели, следующее: 22 словарных слова и 10 окказионализмов. Соотношение словарных слов и окказионализмов в типе с суффиксом *-изн(а)* – 3/3, в типе с суффиксом *-от(а)* – 4/1; в типе с суффиксом *-ин(а)* – 2/2.

У деривационного пространства слова есть еще одна составляющая, которая, с одной стороны, представлена парадигматическими взаимодействиями однокоренных слов, с другой стороны, входит в область парадигматических отношений между разнокорневыми словами. В рамках деривационного пространства слова в целом эти виды взаимодействий являются источниками формирования особого рода значимостей, которые находятся на различных стадиях спецификации (качественной отдельности). Данная ось деривационного варьирования слова также является средой формирования его качественного (семантико-функционального) разнообразия. Результаты анализа синонимических парадигм, образующихся на базе анализируемых имен прилагательных, с учетом их частотности представлены в таблице 3.

№ п/п	Имя прилагательное	Количество значений в семантической парадигме	Количество синонимических рядов	Общее количество синонимов	Средняя наполняемость ряда
1.	белый	11	8	22	2,75
2.	черный	13	3	10	3,3
3.	красный	7	5	14	2,8
4.	зеленый	10	3	9	3
5.	серый	7	3	8	2,7
6.	голубой	2	1	2	2
7.	розовый	3	1	2	2
8.	желтый	6	4	12	3
9.	коричневый	2	1	4	4
10.	оранжевый	2	2	2	2
11.	рыжий	3	3	8	2,7
12.	алый	1	1	4	4
13.	бурый	2	2	4	2
14.	бледный	2	1	5	5
15.	лиловый	1	1	3	3
16.	пестрый	3	3	9	3
17.	румяный	4	3	9	3
18.	багровый	1	1	9	9
19.	смуглый	1	1	4	4
20.	лучезарный	1	1	2	2
21.	блеклый	1	1	10	10
22.	багряный	1	1	6	6

Таблица 3. Синонимические парадигмы, образованные на базе исходных имен прилагательных (в количественном отношении).

У слов с высоким индексом частотности синонимические парадигмы образуются на базе каждого значения в составе семантической парадигмы; кроме того, наполняемость синонимического ряда достаточно высокая. С понижением индекса частности слова наблюдается сокращение количественного состава синонимических рядов, образуемых от отдельных значений исходного многозначного слова, наполняемость самих синонимических парадигм снижается или в составе синонимических рядов преобладают однокоренные слова, представляющие собой словообразовательные варианты. Например:

- *багряный, багровый, кроваво-красный, кровавый, ярко-красный, пунцовый;*
- *блеклый, бледный, жухлый, неяркий, поблеклый, поблекший, пожухлый, тусклый увядший, увялый;*
- *смуглый, смуглокожий, смуглолицый, загорелый;*
- *багровый, багряный, кроваво-красный, кровавый, пунцовый, пурпурный, порфиновый, ярко-красный, алый.*

Области деривационного пространства слова формируют множество дополнительных «деривационных пространств», которые совмещают в себе признаки основных выделенных деривационных сфер, образуют собой «соединительные ткани» в общей структуре деривационных отношений. Подобно семантическим отношениям в лексике, в нем нет резких переходов и «пустого пространства». Рассмотрим с этой точки зрения слово *чернота*, которое в Интернет-словаре [Свободная энциклопедия: викисловарь, URL] имеет значения: 1) «свойство по значению прил. черный»; «густой черный или темный цвет чего-либо»; 2) перен. «тьма, мрак»; 3) перен. «низость, коварство, порочность», каждое из которых включается в синонимические и антонимические парадигмы; то же самое слова *пестрота, краснота, голубизна, бурость* и др.

Заключая анализ, отметим: специфика деривационных структур состоит в том, что они находятся на стыке деривационных полей слов, образуемых различными способами. Они осуществляют переходы от одного уровня к другому на оси уровневой репрезентации деривационного значения слова между грамматическими, словообразовательными и лексическими ее составляющими, отражая различные стадии языковой категоризации и концептуализации мира. Различные виды деривационных отношений, их неоднотипность и неоднаправленность определяют основные особенности структуры этих отношений, их динамический и самоорганизующийся потенциал. Привлечение данных Интернета позволило представить количественную сторону деривационного потенциала слова на каждом участке его речевой реализации и

определить его зависимость от коммуникативного опыта использования слова носителями русского языка, в первую очередь, от частотности его употребления в речи.

Литература

- Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. М., 1988.
- Гаспаров Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М., 1996.
- Голев К. Основанию деривационной лексикологии русского языка: лексико-деривационные контексты как форма проявления деривационной энергетике текста и слова в тексте (проблемы, задачи, перспективы) // Очерки по лингвистической детерминации и дериватологии русского языка. Барнаул, 1998.
- Голев Н.Д. О возможности Интернета в количественном описании лексической семантики // Славянская филология: исследовательский и методический аспекты. Кемерово, 2006. Вып. 1.
- Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб., 2000.
- Морозов А.В. Деривационная системность лексики современного русского языка в межязыковом аспекте. Барнаул, 2005.
- Мурзин Л.Н. Принцип деривации и деривационная грамматика // Очерки по лингвистической детерминации и дериватологии русского языка. Барнаул, 1998.
- Сайкова (Мельник) Н.В. Взаимодействие слова и текста в деривационном аспекте (на материале вторичных текстов разных типов: дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2002.
- Свободная энциклопедия: викисловарь. [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.wiktionary.org/wiki>
- Шкуропацкая М.Г. Деривационная системность лексики (на материале русского языка): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Кемерово, 2004.

РЕЗЮМЕ

SUMMARY

А.А. Чувакин. Концепт АЛТАЙ в художественной прозе К.Г. Паустовского. Автор описывает концепт АЛТАЙ в прозе К.Г. Паустовского («Дым отечества», «Правая рука», «Спор в вагоне»). Статья показывает, что концепт АЛТАЙ обозначается и именем собственным *Алтай*, и частичными номинациями *Барнаул*, *Бийск*, *Белокуриха*. Лексема АЛТАЙ означает и единичный объект, и отсылает к понятиям *гóры* (*горная страна*), *местность* (*место*). Их смысловое наполнение порождается в контекстах. Чувственно-воспринимаемый образ Алтая создается преимущественно компонентами двух типов – зрительными и слуховыми, иногда при участии тактильных и обонятельных. В описаниях велика роль света и цвета. Чувственно-воспринимаемые картины Алтая – горной страны и местности – неотделимы от человека. Концепт АЛТАЙ предстает во взаимодействии с фундаментальными для русской культуры концептами – ЛЕНИНГРАД и ДОМ. Алтай как объект художественного исследования Паустовского осмысливается как сложная, динамичная, открытая картина, неотделимая от человека.

A.A. Chuvakin. Concept ALTAI in Prose Works by K.G. Paustovsky. The author describes the concept of ALTAI in prose works by K.G. Paustovsky («The Smoke of the Fatherland», «The Right hand», «The Controversy in the coach»). The article shows that concept of ALTAI is nominated by the proper name *Altai* and by such partial nominations as *Barnaul*, *Byisk*, *Belokurikha*. Lexeme ALTAI denotes both: a single object and a generic notion *gory* (*highland*), *area* (*place*). Their semantic content is generated by means of context. A sensory perceived image of Altai is created mainly by components of two types – sight and sound, sometimes with the employment of touch and smell. The role of light and color is substantial in the descriptions. Sensory perceived pictures of Altai – mountainous country and area – are inseparable from the human. The concept of ALTAI is presented in conjunction with the fundamental concepts of Russian culture – Leningrad and Home. Altai as the object of artistic

research of Paustovsky's work is interpreted as a complex, dynamic, open picture, inseparable from the human.

Л.О. Бутакова. Семантическое пространство мультимодального текста как эмотивно-ценностный феномен (на материале восприятия русских и американских мультфильмов). В статье показаны диагностические возможности психолингвистического метода – семантического дифференциала, примененного для выявления эмотивных и ценностных составляющих мультипликационного текста. На основе теории речевой деятельности с помощью экспериментов с использованием методики семантического дифференциала доказывается обусловленность результата восприятия текстов с разными субъективными и объективными свойствами. Эксперименты позволили построить семантические пространства текстов популярных русских и американских мультфильмов, которые отличаются разной эмотивной и оценочной нагрузкой ряда параметров восприятия. Их результаты доказали, что восприятие полимодальных мультипликационных фильмов, хорошо знакомых реципиентам, принадлежащих к разным культурам (русской и американской), реализующих разные жанровые каноны, социальные дискурсивные стратегии, смысловое и эмотивно-оценочное содержание, происходит в режиме смысловой вариативности. Последняя обусловлена рядом свойств: качеством реализации культурных стереотипов, индивидуальными психологическими особенностями реципиентов, уровнем их эмоционального переживания произведения, особенностями концептуальной системы, возрастом.

L.O. Butakova. Semantic Space of the Text as an Emotive and Valuable Phenomenon (Based on the Popular Russian and American Cartoons). The article deals with an experimental solution of the movie perception based on psycholinguistic approach to speech activity and its result. It is necessary to emphasize the diagnostic possibilities of the semantic differential method to identify emotive and values recipients' perception of the cartoon. The result of the text perception in its different subjective and objective properties can be proved by the experiment using the technique of 14 antonymous semantic differential scales. The experiments allow building Russian and American cartoons semantic text spaces, which are distinguished by different emotive load and an estimated number of perception parameters. The results show that the perception of multimodal animated films that are familiar to recipients and belong to different cultures (Russian and American) embody different genre canons, social discursive strategies, semantic and emotive content. The perception is carried out in a mode of semantic variation. This variation is caused by a number of properties: the

quality of the implementation of cultural stereotypes, individual psychological characteristics of recipients, their level of emotional experience, the features of the conceptual system, age.

О.М. Гончарова. Натурфилософское Слово автохтонных литератур Севера, Сибири и Дальнего Востока. Литературы автохтонных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока – яркий феномен российской культуры, не отмеченный пока особым исследовательским вниманием. Самобытный «северный дискурс» – это не только нарративная презентация этнической идентичности, ему внутренне присущи оригинальные художественные решения, своя семантика и поэтика. Интерес к своему месту в мире (автохтонности) придает исканиям северных писателей философское звучание: свой локус осмысляется ими как «рождающее лоно», исполненное этнических смыслов и наполняющее ими человека. Эта родственная связь становится основанием художественной натурфилософии в литературах коренных малочисленных народов и представляет тот уровень рефлексии, который реализуется в постижении высшего порядка космического универсума. Дискурсивный потенциал натурфилософского *Слова* реализуется и в формировании особой сферы идентичности – осмысления принадлежности к естественно сопряженной жизни, к тем бытийственным началам, которые отличают аборигенные культуры от современных цивилизаций, и в особенностях поэтики литературных текстов, вырастающей из архаики – мифо-ритуальных мировоззренческих представлений и особых принципов этнического мировидения.

O.M. Goncharova. Word in Natural Philosophy of Autochthonous Literatures of the North, Siberia and Far East. Literatures of the autochthonous nations of the North, Siberia and the Far East are a bright phenomenon of the Russian culture that have not been studied by scientists thoroughly yet. Original “northern discourse” is not only a narrative presentation of the ethnic identity, but it has got its own distinctive creative features, its own semantics and poetics. The interest in their place in the world (autochthonous) adds to northern writers’ creative search a philosophic aspect. They comprehend their locus as a «place, giving birth» full of ethnic meanings. This relationship becomes the basis for a creative natural philosophy in indigenous minorities’ literatures and presents that level of reflection that is realized in comprehension of the higher order of the space universe. A discursive potential of a *Word* in natural philosophy is also realized in forming a specific sphere of the identity such as an understanding of being attached to a connatural life, to those existential fundamentals which distinct indigenous cultures from contemporary civilizations as well as in specific poetics

of literal texts. This poetics appears from archaism, mythological and ritual representations and specific principles of ethnic world view.

Т.М. Григорьева. «Движущая, раскрытая исповедь»: (история русской эпистолярной культуры пунктиром). В работе представлены основные вехи истории русской эпистолярной культуры от периода Древней Руси до современности. Выявлены некоторые особенности берестяных грамот эпохи, рассматриваются проявления эпистолярного политеса Петровской эпохи, дружеские письма и женская эпистолярная культура на рубеже XVIII–XIX веков. Письмо представляется как своеобразное свидетельство времени, освещается роль французского языка в переписке, а частное письмо представляется как факт литературы. Духовные письма отцов церкви, фронтовые письма как особая страница русского эпистолярия получают краткое освещение. Подвергаются анализу отдельные негативные проявления современной электронной коммуникации. Дана информация об образовательном проекте «Живое письмо», который воскрешает память о состоянии русского языка и русской культуры прошлых лет.

T.M. Grigorieva. «A Moving, Sincere Confession» (the History of an Epistolary Culture by Dotted Line). The main stages of the Russian epistolary culture from the Middle Ages to contemporary ones are presented. Some features of birchbark manuscripts are revealed, peculiarities of epistolary etiquette of Petrine era, personal letters and female epistolary culture at the turn of the XVIII–XIX centuries are considered. The letter is treated as a peculiar sign of time, the importance of French in correspondence is studied, and a private letter is viewed as a literature fact. Spiritual letters of fathers of church, front letters as a special sphere of the Russian epistolary are described. Some negative sides of the modern e-mail communication are exposed to the analysis. Information on the educational project «Live Letter» which revives memory of the Russian History and the Russian culture of the past is given.

С.В. Доронина. Речевая агрессия как источник правонарушений. Любое языковое сообщество стремится ограничить проявления агрессивности коммуникантов. Ограничения на проявления речевой агрессии имеются в сфере права. В юридической плоскости речевая агрессия предстает как злоупотребление свободой слова, ведущее к нарушению неимущественных прав другого лица. В сферу правового регулирования попадают не все конфронтационные тексты, поскольку задачей общества является лишь ограничение враждебности до уровня, необходимого для сохранения социальной стабильности. С точки зрения права конфликтные тексты, содержащие языковую агрессию, мо-

гут иметь признаки следующих правонарушений: оскорбление, угроза, унижение чести и достоинства, речевой экстремизм. Указанные виды речевых правонарушений рассмотрены в статье.

S.V. Doronina. Verbal Aggression as a Source of Offences. Any language community tries to limit the manifestations of aggressiveness. Restrictions on speech manifestations of aggression take place in the sphere of law. From the point of view of jurisprudence, verbal aggression is presented as a speech freedom infringement, resulting in the moral detriment of another person. Not all confrontational texts get in the sphere of legal regulation since the task of society is only limitation of hostility to the level necessary to maintain social stability. Conflictual texts may have features of the following offenses: abuse, honor and dignity objection, verbal extremism. These types of speech offenses are studied in the article.

Е.Г. Елина, Р.И. Павленко. Инструменты формирования литературной культуры в газетных публикациях второй половины 1990-х годов. В статье рассматриваются основные подходы к представлению литературы на страницах газетной полосы второй половины 1990-х годов. Профессиональные литературные критики, газетные литературные критики и журналисты, пишущие о литературе, ставят перед собой разные задачи: от просвещения и формирования хорошего вкуса к классической и современной литературе до ее использования в качестве источника прецедентных текстов для ярких и броских заголовков. Разные типы журналистов по-разному обращаются с литературными явлениями, которые становятся объектом их исследования. Рассмотрение основных инструментов формирования литературной культуры в газетных публикациях второй половины 1990-х годов позволяет по-новому взглянуть на роль отечественной словесности в формировании мировоззрения гражданина новой России. Газетные литературные критики исследуемого периода изобретают новые формы организации печатного текста и используют их на страницах общественно-политических изданий вместе с традиционными жанрами рецензии и обзора для того, чтобы по-новому взаимодействовать с читателем.

E.G. Elina, R.I. Pavlenko. Means of Literary Culture Forming in Newspaper Articles in the 1990-s. The article explores the main ways to present literature on the newspaper pages in the second half of the 1990-s. Literary scholars, newspaper literary critics and journalists who write about literature pursue different goals which may vary from enlightening and raising appreciation of classic and modern literature to its use as a source of precedent texts to create catchy headlines. Various types of journalists treat literary phenomena, which become a subject of their research, differently.

Studying the means of culture forming in newspapers in the second half of the 1990-s provides a new vision of the influence of national literature on the emerging ideology of the citizens of new Russia. Literary critics of the time invent new forms of text structure and use them alongside with traditional genres such as review or critique on the pages of socio-political periodical publications in order to interact with the reader in a new way.

Е.Ю. Иванова. Отрицание в болгарском предложении (на фоне русского). В статье анализируются основные особенности болгарского отрицательного предложения на фоне русского. Описаны следующие типологически значимые характеристики болгарского отрицания: а) наличие разных отрицательных показателей во временных и модальных формах глагола (при едином рус. *не*) – частицы *недей* и *няма*, глаголы *няма* и *нямат*; б) превалирование смещенного к предикату отрицания; в) возможность использования не только двойного, но и одинарного отрицания при многоместном союзе *ни(то)*. Выявлены средства контекста, снимающие двузначность болгарских предложений со смещенным отрицанием, а также условия, при которых частное отрицание выражается присловным показателем. Охарактеризованы варианты построения предложений с частицей-союзом *ни(то)* и их структурные особенности. Показана бытийная семантика предложений типа *няма къде да отида, няма с кого да поговоря* на фоне их русских аналогов с имплицитной бытийностью (*мне некуда пойти, мне не с кем поговорить*).

E.Yu. Ivanova. Negation in the Bulgarian Sentence (vs. Russian). The paper analyses the main peculiarities of the Bulgarian negative sentence as compared to its Russian counterpart. The following typologically relevant characteristics of the Bulgarian negation are described: a) the diversity of negative markers in various tense and mood forms (cf. the single Russian marker *ne*), namely the particles *nedej* and *njama*, verbs *njama* and *njamat*; b) the prevailing of the negation shift towards the predicate; c) the possibility of a mono negation (as well as the double negation) in the context of the multi-place conjunction *ni(to)*. The paper reveals the contextual means helping to resolve the ambiguity of Bulgarian sentences with the shifted negation, as well as the conditions favouring the use of the locally bound marker to express the particular negation. Possible structures of sentences containing the particle-conjunction *ni(to)* are described. The existential semantics of sentences of the type *njama къде да отида, njama с кого да поговоря* is characterised in contrast to their Russian counterparts presenting the implicit existentiality (*mne nekuda pojtj, mne ne s кем поговорит*’).

Е.И. Клинок. Средства формирования целевой установки *информирования* в текстах имиджевых статей. Статья посвящена рассмотрению целевых компонентов текста как составляющих коммуникативной ситуации. Глобальной коммуникативной целью текстов имиджевых статей является оказание речевого воздействия на адресата, результатом которого должно стать приращение имиджа базисного субъекта PR. Эта глобальная цель реализуется посредством целевых доминант – частных целей каждого конкретного текста. Одной из таких целевых доминант является целевая установка *информирования*. Данная установка связана с отбором и структурированием информации в текстах по принципу «правильной расстановки акцентов». Языковыми средствами формирования целевой установки *информирования* в текстах имиджевых статей являются: 1) высокоинформативные языковые единицы, 2) номинативные предложения и 3) вопросно-ответные конструкции. Каждое из средств играет свою роль в создании образа ситуации, в которой базисный субъект PR предстает в наиболее выгодном для него свете, что способствует формированию позитивного имиджа этого субъекта в сознании целевой аудитории.

E.I. Klink. Means of Forming of the *Informing* Aim in the Texts of Image Articles. The article considers the aim components of a text as constituent parts of communication. The major communicative aim of image articles is to provide verbal impact on the recipient, which should result in the increase of the image of the basic subject of PR. This global objective is implemented by means of targeted dominants – the specific aims of each particular text. One of these targeted dominants is the *informing* aim. This aim is related to the selection and structuring of information in the texts on the principle of «the right accentuation». Linguistic means of creating the *informing* aim in the texts of image articles are: 1) highly informative linguistic units, 2) nominative sentences and 3) question-answer constructions. Each of the means has a definite role in creating the image of the situation in which the basic subject of PR is presented in the most advantageous aspect which contributes to his positive image among the target audience.

Л.А. Козлова. Модальная оформленность высказывания как один из маркеров национального стиля коммуникации. Статья посвящена анализу категории модальности в этнокультурном ракурсе и выявлению тех различий в модальной оформленности высказывания, которые могут служить помехами в межкультурной коммуникации. Национальный стиль коммуникации, отражающий специфику

этнического сознания и культурные ценности лингвокультурного сообщества, формируется за счет использования самых различных языковых средств. Его маркерами могут выступать фонетические особенности речи, ее эмоциональная насыщенность, предпочтения в использовании именных или глагольных способов номинации, соотношение эксплицитных и имплицитных способов выражения смысла, модели построения дискурса. Значительная роль в формировании национального стиля коммуникации принадлежит категории модальности как одной из наиболее антропоцентрических категорий. Особую значимость в формировании национального стиля коммуникации представляет эпистемическая модальность, поскольку именно в ней находят наиболее полное отражение национально-специфичные концепты и культурные ценности лингвокультурного сообщества. Как показано в статье, значительный репертуар средств выражения эпистемической модальности и высокая частотность их употребления в речи позволяет считать модальную оформленность высказывания одним из основных маркеров национального стиля коммуникации. Умению использовать эти средства должно уделяться много места и времени при обучении английскому языку, поскольку от правильного использования этих средств во многом зависит успех коммуникации «поверх границ культур».

L.A. Kozlova. The Modal Plane of the Utterance as a Marker of the National Style of Communication. The article is devoted to the analysis of the category of modality in the ethnocultural aspect and bringing out the differences in the modal planes of the utterance that may hinder successful crosscultural communication. The national style of communication which reflects the specificity of ethnic consciousness and cultural values of a linguocultural community is constituted by means of various language means. Its markers can be the phonetic peculiarities of speech, its emotive richness, the preferences in the use of nominal or verbal means of nomination, the proportion of explicit and implicit ways of expressing meaning, the patterns of discourse. An important role is played by the category of modality as one of the most anthropocentric categories. Epistemic modality is especially important for the national style of communication, as it reflects most fully the national-specific concepts and the cultural values of a linguocultural community. As the author shows, the rich repertoire of modal means and the high frequency of their use in speech give ground to regard the modal plane of the utterance as one of the major markers of national style of communication. The formation of ability to skillfully use these means takes a lot of time and effort in teaching English, as their correct use largely determines the success of communication across cultures.

А.И. Куляпин. Муж-воспитатель: гендерная проблематика в произведениях Михаила Зощенко и Николая Островского. Историки и культурологи не случайно так часто приводят рассказы Зощенко в качестве наилучшей иллюстрации к той или иной особенности советской жизни. Семейная политика 1920-х годов, когда устремления государственной власти были «направлены на редукцию семьи до уровня сожития» (В. Паперный), ярко отразилась в таких рассказах Зощенко, как «Свадьба», «Брачный аппарат “Густеп”», «Горько». Герой последнего рассказа поразительно легко заключает и расторгает браки, и при этом подводит под свои поступки серьезную идеологическую платформу. «Ответственный работник товарищ П.» разводится со своей прежней женой и женится на барышне, выражающей собой «мелкобуржуазную стихию». Делает он это для того, чтобы «заново ее воспитать и привить ей новые взгляды». Опыт по перековке человеческого материала блестяще удается. Но Зощенко верен своей обычной тактике – утверждая нечто, он тут же подрывает к этому утверждению доверие. Еще до того, как каноны соцреализма были окончательно закреплены в творчестве писателей тридцатых годов, Зощенко представил принципиально важные для этого направления мотивы в комическом освещении. Герой романа Островского «Как закалялась сталь» Павел Корчагин, по сути, воспроизводит семейную модель из рассказа Зощенко «Горько». Как типичный герой соцреализма он соединяет «эротический мазохизм с политическим» (И.П. Смирнов). Гендерное поведение Корчагина (и еще ряда мужских персонажей романа «Как закалялась сталь») определяет чувство неполноценности. Брачный союз Корчагина с Таяй Кюцам плавно трансформируется в «комфракцию», так он именуется свою семью после того, как Тая сообщает: «я кандидат партии». Сквозь текст Островского просвечивает второй план, в котором можно опознать стиль Зощенко.

A.I. Kulyapin. Husband-educator: Gender Issues in the Works of M. Zoshchenko and N. Ostrovsky. Historians and cultural studies scholars often say that Zoshchenko's stories are the best illustrations of Soviet life. The family policy of the 1920s when the aspirations of the state authorities were «aimed at the reduction of the family to the level of cohabitation» (V. Paperny) was clearly reflected in such stories of Zoshchenko as «Svad'ba» / «The Wedding», «Brachnyi apparat “two-step”» / «Marriage machine “two-step”», «Gor'ko» / «To the newlyweds!». The hero of the story «Gor'ko» / «To the newlyweds!» easily gets married and divorces explaining his actions by ideology. «The high ranking functionary comrade P» divorces his former wife and marries a young lady, a «petty-bourgeois element». He does this to «re-educate her and instill new ideas in her». The

experiment is successfully completed. But Zoshchenko is faithful to his usual tactics – saying something he immediately undermines the credibility of this statement. Even before the canons of socialist realism were finally developed in the works of the writers of the 1930s, Zoshchenko showed these important motives in a comic way. The hero of Ostrovsky's «How the Steel Was Tempered» Pavel Korchagin, in fact, reproduces the family pattern from the story of Zoshchenko «Gor'ko» / «To the newlyweds! ». Korchagin is a typical hero of socialist realism. In his character erotic masochism is closely connected with political masochism (I.P. Smirnov). His gender behavior (as well as of other male characters in the novel «How the Steel Was Tempered») is explained by inferiority complex. The marriage of Pavel Korchagin and Taya Kootsam is gradually transformed into a Communist fraction. This is what Korchagin calls his family after Taya said: «I am a party member». So we can see some elements of Zoshchenko's style in the text of Ostrovsky.

Е.А. Нахимова, А.П. Чудинов. Прецедентные феномены как доминанта идиостиля публициста. В статье описываются комплексы прецедентных феноменов (прецедентные имена, прецедентные высказывания, прецедентные ситуации и др.), которые выступают как яркий признак индивидуального стиля публициста Вячеслава Васильевича Костикова. Подчеркивается, что особенности использования и частотность прецедентных феноменов способны служить показателем творческой индивидуальности автора и выступать как стилистическая доминанта его идиостиля. Прецедентные феномены, выступая как доминанта текста, обеспечивают его узнаваемость и цельность, эстетическую значимость и прагматический потенциал, интертекстуальность и связи с общим политическим и культурным дискурсом. Названные свойства прецедентных феноменов ярко проявляются в статьях Вячеслава Костикова, который активно использует в своих статьях ассоциативный потенциал широко известных имен писателей, художников, политиков, ученых, обрамляя их множеством цитат, аллюзий, устойчивых выражений и иных знаков интертекстуальности. Полное восприятие такого текста возможно только в дискурсе, с учетом множества фоновых знаний из различных областей культуры.

Е.А. Nakhimova, A.P. Chudinov. Precedent Phenomena as Dominant Feature of Idiostyle of Political Writer. The article describes complexes of precedent phenomena (precedent names, precedent utterances, precedent situations, etc.) which function as a vivid characteristic feature of the individual style of the famous political writer Vyacheslav Vasil'evich Kostikov. The authors stress that the peculiarities of usage and frequency of

precedent phenomena may serve as an indicator of creative individuality of the writer and function as a stylistic dominant of their style. Precedent phenomena used as a text dominant make it recognizable and integral adding esthetic value and pragmatic potential, intertextuality, and ties with the general political and cultural discourse. The above mentioned properties of precedent phenomena stand out in the works of Vyacheslav Kostikov who actively uses the associative potential of well-known names of writers, painters, politicians and scientists supplementing them with a number of citations, allusions, set expressions and other signs of intertextuality. Adequate perception of such texts is possible only in the context of discourse taking into account wide background knowledge from various fields of culture.

Н.В. Панченко. Дискурсивные актуализации текста (на материале эссе Т. Толстой). Статья представляет собой исследование, посвященное дискурсивной актуализации текста эссе Т. Толстой. Дискурсивная актуализация текста может быть осуществлена тремя способами: в рамках тематически единого дискурса, в рамках стратегически единого дискурса, в рамках функционально единого дискурса. Дискурсивная актуализация текста в рамках тематически единого дискурса задается единством изотопных построений, потенциально возможных в данном тексте (демонстрируется на материале эссе «Белые стены»). Способ дискурсивной актуализации текста в рамках стратегически единого дискурса осуществляется за счет применения нескольких стратегий композиционного построения, что позволяет организовать композицию в направлении предмета, цели, жанра, адресата, как соотношение языковых и метатекстовых элементов (демонстрируется на материале эссе «Переводные картинки»). Еще один способ множественной дискурсивной актуализации текста состоит в использовании в процессе текстообразования дискурсивных способов и правил речепроизводства, принятых в той или иной сфере социального взаимодействия (демонстрируется на материале эссе «Битва креветки с рябчиком»). Возникающее при этом композиционное пространство структурировано и обладает ярко выраженными признаками объемности и множественности. Композиционные варианты текста, образующие данное пространство, как правило, находятся в отношениях непересечения.

N.V. Panchenko. Discursive Actualization of the Text (on the Material of the Essay by T. Tolstaya). The article is devoted to discursive actualization of T. Tolstaya's essay. The discursive actualization of a text can be carried out within thematically unified discourse, strategically unified

discoursed and functionally unified discourse. The discursive actualization of the text within thematically unified discourse is set by the unity of isotopic structures which are potentially possible in the given text (this type is dominant in the essay «White walls»). The discursive actualization within strategically discourse is carried out by several compositional strategies which structure the text from the point if its subject matter, aim, genre, addressee and can be viewed as the correlation of language and meta-language elements («Transfers»). Another means of multiple discursive actualization consists in using discursive methods and rules of speech production typical of a particular sphere of social interaction («Battle of a shrimp and a hazel grouse»). In this case, compositional space of the text is structured and has volume and multiplicity. The compositional variants of the text forming the given space have the relationship of nonintersection.

В.С. Савельев. Функции глагольных форм настоящего времени в речи персонажей «Повести временных лет». В статье анализируются случаи употребления глагольных форм настоящего времени в речи летописных персонажей. Автор устанавливает, что функционирование этих форм напрямую связано с описываемыми в тексте условиями коммуникации и существенно отличается от их использования в нарративе. Определяются закономерности выражения значений настоящего актуального, настоящего узуального, настоящего гномического в зависимости от типа диалога, типа ситуации общения. Особое внимание автора привлекает использование форм настоящего времени в высказываниях, являющихся косвенными речевыми актами, а также в высказываниях, которым свойствен признак иллокутивной полифункциональности (понятие, впервые вводимое автором статьи). Установленные закономерности позволяют прийти к выводу, что при анализе древнего письменного текста, в котором воспроизводится или имитируется устная речь, обнаруживаются признаки, свойственные реальной устной коммуникации.

V.S. Savelyev. Functions of present tense forms in direct speech in «The Tale of Bygone Years». This article is devoted to the present tense forms which are used in the direct speech of the characters in «The Tale of Bygone Years». We show that these forms are directly related to the communication conditions described in the text and are significantly different from their usage in narrative. We explore relations between actual, usual and gnomic present tenses and types of dialogue, types of situations of communication. We examine the usage of present tense' forms in indirect speech and in utterances which we define as illocutionary multifunctional utterances (the concept first described by the author of the article). The consistent

patterns established in the article allow us to conclude that ancient written texts which reproduce or imitate oral speech show the features characteristic of real oral communication.

М.Ю. Сидорова, Ю.В. Роговнева. Соотношение «часть–целое» в описательных текстах, основанных на непосредственном наблюдении. В статье предлагается методика анализа развертывания описательных текстов, основанных на непосредственном наблюдении, по линии «часть–целое». Перед этим дается краткий обзор исследований, посвященных проблеме «часть–целое» в лингвистике и смежных науках, а также лингвистических и когнитивно-информационных задач, для которых имеет значимость изучение этого соотношения. Предлагаемая методика анализа демонстрируется на описательных текстах, полученных экспериментальным путем. В связи с этим описывается система экспериментов, позволяющих получить материал, варьирующийся по денотативным и коммуникативным характеристикам. Семантическое соотношение «часть–целое» ставится в соответствие с коммуникативным «данное–новое». Приводятся примеры разметки описательных текстов по параметрам «целый объект», «часть объекта», «признак» для количественного и качественного анализа текста одновременно по линиям «часть–целое» и «данное–новое».

M.Y. Sidorova, Yu.V. Rogovneva. «Part–Whole» Relation in Descriptive Texts Based on Direct Perception. The authors suggest a method to analyse the linear development of «part–whole» relations in descriptive texts based on direct perception. The analysis is preceded by a brief review of the «part–whole» research in linguistics and related sciences as well as of linguistic, cognitive and informational tasks for which the research is relevant. The suggested method is demonstrated on descriptive texts collected through a number of experiments. We describe the system of experiments which provide the material varying in denotative and communicative characteristics. The semantic relation «part–whole» is mapped to the communicative relation «given–new». We give examples of descriptive text marking based on the parameters «whole object», «part of the object», «attribute» for quantitative and qualitative text analysis combining «part–whole» and «given–new» perspectives.

К.Б. Уразаева, Г.С. Бектасова. Риторика «потерянного поколения» в пьесе А. Чехова «Три сестры»: экзистенциальная проблематика и жанровая трансформация. Статья посвящена актуальной методологической проблеме – базе интеграции литературоведения с риторикой. Неориторическое прочтение произведения осуществлено как анализ приобретения текстом аргументативных характеристик.

Исследование механизма приобретения текстом аргументативных характеристик показало преобладание в нем концептов *скука, труд, вера*. Выявлено, как символическая роль деталей, травестирование литературных штампов создают субъективную и объективную многозначность понятия «философия» как формы скрытой полемики с Ницше. Обосновано, что природа этического бунта для Чехова неотъемлема от обретения подлинной веры, а кризис сознания и духовных ценностей неравнозначны личной свободе и проявлению воли. Анализ жанровой трансформации пьесы и приемов риторической аргументации позволили обосновать понятие «потерянного поколения».

K.B. Urazayeva, G. Bektassova. Rhetoric of «the Lost Generation» in the Play of A. Chekhov «Three Sisters»: Existential Problematics and Genre Transformation. The article is dedicated to the important methodological issue – the integration of literary studies and rhetoric. Neo-rhetoric reading of the play involves the analysis of the acquisition of argumentative characteristics by the text. The survey of the acquisition mechanism showed that the prevailing concepts are *boredom, labor, belief*. It was found how the symbolic role of details, the travesty of literary stamps create the subjective and objective multiple meaning of «philosophy» notion as a form of the hidden polemics with Nietzsche. The authors claim that the nature of ethic rebellion for Chekhov is inseparable from the attainment of true belief, and the crisis of consciousness and moral values are not equal to personal freedom and expression of will. The analysis of the genre transformation of the play and rhetorical argumentation methods allowed to justify the notion of «the lost generation».

Е.А. Худенко. Жизнетворчество писателя как текст: особенности структуры. В статье исследуются особенности структурных связей в таком эстетическом феномене, как жинетворчество. Реконструкция жинетворческой поэтики представляется возможной в синтетических жанрах, гибридных методах и точках перехода между миром и текстом литературного произведения. Наиболее подробно рассматривается жинетворческий потенциал структур «автор-персонаж» и автометаописательных текстов, осмысляются варианты жинетворчества как метатекста и аутопоэзиса. В конечном счете жинетворчество за счет процессов текстуализации и семантизации становится семиотически наполненным и может рассматриваться через призму «жинетворческой поэтики» того или иного писателя, включаться в общую авторскую метапоэтику, метапоэтику литературного направления или художественного метода. Жизнетворчество в этом смысле предстает как самоописывающая система способов самопредъявления авторства,

а наиболее адекватным языком описания такой системы становится язык гуманитарной синергетики. Некая «обреченность» на восприятие Другого как свойство всякой нарративной структуры (какой является житнетворчество) становится зарокотом того, что в житнетворческой парадигме идет процесс постоянной реорганизации за счет внедрения новых смыслов и редукции старых.

Е.А. Khudenko. The Writer's Creative Life Programming as a Text: Peculiarities of Structure. The peculiarities of structural links concerning such aesthetic phenomenon as creative life programming are discussed in the article. The reconstruction of the life programming poetry seems to be possible in synthetic genres, hybrid methods and the points of transition from reality to the texts of literary works. The article not only concentrates on the life programming potential of the «author-character» structures and autometadescriptive texts, but also interprets the ways of life programming as metatext and autopoeisis. Eventually, life programming becomes semiotically charged due to the processes of semantization and textualization and can be viewed through the prism of «life programming poetics» of this or that writer, incorporate into the general writer's metapoetics, metapoetics of some literary school or artistic method. Creative life programming in this sense appears to be a self-describing system of the authorship, and humanities synergetics becomes the most adequate language for the description of such a system. Any narrative system (where creative life programming belongs) is doomed to perceive the Other as its constituent part which drives the system to reorganize itself because of the introduction of new meanings and the reduction of old ones.

Т.В. Чернышова. Прикладные аспекты изучения официально-деловой коммуникации: принципы оценки деловых текстов. Статья посвящена рассмотрению прикладных аспектов изучения текстов современной деловой коммуникации. В центре внимания автора – описание общих лингвистических и экстралингвистических оснований экспертной оценки деловых текстов, осуществляемой в ходе аналитико-экспертной деятельности филолога-практика. Этот вид деятельности востребован в настоящее время в ходе судебной лингвистической экспертизы спорных текстов. Необходимость лингвистической оценки официально-деловых текстов возникает, как минимум, в двух случаях: при подготовке документа к использованию в деловой сфере и при возникновении судебного спора в отношении трактовки содержания документа заинтересованными сторонами. Несмотря на разные цели и задачи двух видов лингвистической оценки, в качестве общих оснований лингвистического анализа деловых текстов могут быть избраны

общие принципы аналитико-экспертной деятельности, осуществляемой филологами в процессе лингвистической оценки (экспертизы) текстов деловой коммуникации; другим основанием может служить эффективность делового текста как его соответствие целям и задачам делового общения. В то же время разнообразие сфер функционирования деловых текстов и их жанровых разновидностей, а также многообразие решаемых ими задач вносят ряд ограничений в возможности их экспертной оценки, обусловленной уровнем императивности деловых текстов.

T.V. Chernyshova. Aspects of Applied Research into the Official Business Communication: Principles of Business Text Assessment. The article considers aspects of applied research into texts of modern business communication. The author's attention centers on the description of the general linguistic and extra-linguistic foundations of the expert assessment of business texts which is made by the philologist in the process of analytical and expert practice. There are two cases when linguistic assessment of official texts arises: during preparation of the document for use in business and in the event of litigation in respect of the interpretation of the content of the document by the parties concerned. Although the goals and objectives of the two types of linguistic evaluation are different, some general grounds of linguistic analysis of business texts may be singled out: firstly, the general principles of analytical and expert activity carried out by philologists in the course of linguistic assessment (examination) of texts in business communication; secondly, efficiency of a business text and its compliance with the goals and objectives of business communication. At the same time various spheres of functioning of business texts and their genre diversity, as well as the diversity of their tasks narrows the scope of peer review due to the level of imperativeness of business texts.

М.Г. Шкуропацкая. Деривационный потенциал слова и его речевая реализация (на материале имен прилагательных со значением цвета в русском языке). В статье содержится описание системного деривационного потенциала слов, основывающееся на анализе его речевой реализации. Качественно-количественный анализ деривационного варьирования слова осуществляется с использованием статистических данных поисковой системы «Яндекс». Полученные данные позволяют сделать вывод о том, что системный деривационный потенциал слов определяется коммуникативными характеристиками слова, в первую очередь частотностью его употребления. Проанализированный фрагмент языко-речевого материала представляет собой сложно-

структурированную систему, обладающую свойствами адаптивности и самоорганизации.

M.G. Shkuropackaya. Derivational Potential of the Word and Its Speech Realization (on the Material of Adjectives with the Meaning of Colors in Russian). The article describes the systemic derivational potential of words, basing on the analysis of its speech realization. Qualitative and quantitative analysis of the word derivation variability is performed basing on the statistical data of Yandex search system. The data obtained allow to conclude that the derivational potential of the word is determined by its communicative characteristics (in particular, the frequency of the word usage). The analyzed excerpt of language and speech material is a complex-structured system with adaptive and self-organizing properties.

НАШИ АВТОРЫ

**БЕКТАСОВА,
Гайни
Сагинбековна**

– магистр филологии, менеджер департамента международных отношений Акционерного общества «Национальная компания “Астана ЭКСПО – 2017”».
E-mail: bekayni@gmail.com

**БУТАКОВА,
Лариса
Олеговна**

– доктор филологических наук, профессор Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.
E-mail: larisabut@rambler.ru

**ГОНЧАРОВА,
Ольга
Михайловна**

– доктор филологических наук, профессор Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург).
E-mail: olg28051056@yandex.ru

**ГРИГОРЬЕВА,
Татьяна
Михайловна**

– доктор филологических наук, профессор Сибирского федерального университета (Красноярск).
E-mail: annysten@yandex.ru

**ДОРОНИНА,
Светлана
Валерьевна**

– кандидат филологических наук, доцент Алтайского государственного университета (Барнаул).
E-mail: doroninasv73@mail.ru

**ЕЛИНА,
Елена
Генриховна**

– доктор филологических наук, профессор Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.
E-mail: elinaeg@info.sgu.ru

- ИВАНОВА,**
Елена
Юрьевна – доктор филологических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета.
E-mail: e.y.ivanova@spbu.ru
- КЛИНК,**
Евгения
Игоревна – кандидат филологических наук, старший преподаватель Алтайского государственного университета (Барнаул).
E-mail: eklink@yandex.ru
- КОЗЛОВА,**
Любовь
Александровна – доктор филологических наук, профессор Алтайского государственного педагогического университета (Барнаул).
E-mail: lyubovkozlova@list.ru
- КУЛЯПИН,**
Александр
Иванович – доктор филологических наук, профессор Алтайского государственного педагогического университета (Барнаул).
E-mail: iskander58@mail.ru
- НАХИМОВА,**
Елена
Анатольевна – доктор филологических наук, профессор Уральского государственного педагогического университета (Екатеринбург).
E-mail: ap_chudinov@mail.ru
- ПАВЛЕНКО,**
Роман
Игоревич – ассистент Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.
E-mail: roman.i.pavlenko@gmail.com
- ПАНЧЕНКО,**
Наталья
Владимировна – кандидат филологических наук, доцент Санкт-Петербургского института гуманитарного образования.
E-mail: panchenko@list.ru
- РОГОВНЕВА,**
Юлия
Васильевна – ассистент Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина (Москва).
E-mail: vinnipuh61@yandex.ru

**САВЕЛЬЕВ,
Виктор
Сергеевич**

– кандидат филологических наук, доцент
Московского государственного
университета им. М.В. Ломоносова.
E-mail: alfertinbox@mail.ru

**СИДОРОВА,
Марина
Юрьевна**

– доктор филологических наук, профессор
Московского государственного
университета им. М.В. Ломоносова.
E-mail: sidorovadoma@mail.ru

**УРАЗАЕВА,
Куралай
Бибиталиевна**

– доктор филологических наук, профессор
Евразийского национального университета
им. Л.Н. Гумилева (Республика Казахстан,
Астана).
E-mail: kuralay_uraz@mail.ru

**ХУДЕНКО,
Елена
Анатольевна**

– доктор филологических наук, доцент
Алтайского государственного
педагогического университета (Барнаул).
E-mail: helenahudenko@mail.ru

**ЧЕРНЫШОВА,
Татьяна
Владимировна**

– доктор филологических наук, профессор
Алтайского государственного университета
(Барнаул).
E-mail: labrlexis@mail.ru

**ЧУВАКИН,
Алексей
Андреевич**

– доктор филологических наук, профессор
Алтайского государственного университета
(Барнаул).
E-mail: chuvakin@inbox.ru

**ЧУДИНОВ,
Анатолий
Прокопьевич**

– доктор филологических наук, профессор
Уральского государственного
педагогического университета (Екатеринбург).
E-mail: ap_chudinov@mail.ru

**ШКУРОПАЦКАЯ,
Марина
Геннадьевна**

– доктор филологических наук, профессор
Алтайского государственного гуманитарно-
педагогического университета
им. В.М. Шукшина.
E-mail: marina-shkuropac@mail.ru

Журнал распространяется по подписке
Подписной индекс 36795
в каталоге «Газеты. Журналы» Агентства «Роспечать»

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.
Свидетельство ПИ № ФС77-30179 от 02.11.2007 г.

Журнал включен в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук (редакция февраль 2010)». Согласно решению Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России от 10 октября 2008 года № 38/54, с 10 октября 2008 года к изданиям, рекомендованным для публикации основных научных результатов докторских и кандидатских диссертаций, относятся все издания, включенные в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Сдано в набор 20.05.2016. Подписано в печать 23.05.2016. Дата выхода издания в свет 01.06.2016. Формат 60×84/16. Гарнитура Times New Roman. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 12. Тираж 500 экз. Заказ № 140.

Издательство и типография Алтайского государственного университета.
Адрес издателя: 656049, Алтайский край, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, оф. 204.

© Издательство Алтайского государственного университета, 2016

Требования к оформлению присылаемых в редакцию материалов

1. Редакция журнала принимает статьи объемом до 30 тыс. знаков с пробелами, научные сообщения – до 16 тыс. знаков с пробелами, другие материалы – до 6 тыс. знаков с пробелами. Для аспирантов – объем не более 16 тыс. знаков с пробелами!
2. Электронные материалы должны быть представлены в формате Word for Windows. Для знаков, отсутствующих в шрифте Times New Roman (для транскрипции, иноязычных примеров и т.д.), используются стандартные распространённые шрифты (Symbol, Lucida Sans Unicode). При использовании оригинальных шрифтов их файлы (формат *.ttf – True Type Font) необходимо выслать вместе со статьей приложением к электронному письму. Для создания схем, графиков, иллюстраций используются программы стандартного пакета Microsoft Office; графика должна быть внутри файла.
3. Примеры в тексте статьи оформляются *курсивом*.
4. Примечания к тексту оформляются в виде постраничных сносок и имеют постраничную нумерацию.
5. Библиографическое описание изданий оформляется в сокращенном варианте (без указания издательства, страниц и вида издания – учебное пособие, монография, сборник и т.п.) и приводится в конце работы по алфавиту. Источники на иностранных языках располагаются после источников на русском языке.
6. Ссылки на литературу в тексте даются в квадратных скобках, где указываются фамилия автора, год издания, цитируемые страницы. Например: [Виноградов, 1963, с. 46]. Если в библиографии упоминается несколько работ одного и того же автора и года, то используется уточнение: [Горелов, 1987*a*]. В списке литературы делается такая же пометка.
7. Статьи следует направлять по адресу: 656049 г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, Алтайский государственный университет, факультет массовых коммуникаций, филологии и политологии, ауд. 405-а, отв. секретарю журнала Дорониной Светлане Валерьевне. Электронная версия отправляется вложенным файлом по адресу: soveto1@filo.asu.ru (В разделе «Тема» просим указать: «В редакцию журнала»). К статье прилагается справка об авторе: фамилия, имя, отчество, место работы (полное название организации с указанием адреса и почтового индекса), должность, ученая степень, ученое звание, служебный и домашний адрес, номера телефонов / факса, электронная почта. **Наличие адреса электронной почты обязательно!**
8. Статьи, оформленные с нарушением приведенных правил или плохо отредактированные, редакцией не рассматриваются.
9. Требования к оформлению основного текста статьи: 12 кегль, шрифт: Times New Roman, междустрочный интервал одинарный, абзацный отступ – 0,8 см. **Неосновной текст**, предваряющий статью (научное сообщение), состоит из следующих компонентов: и.о. фамилия автора (на русском и английском языках, выделяется полужирным), название (на русском и английском языках, выделяется полужирным), аннотации на русском и английском языках (не менее 1000 знаков с пробелами каждая). Далее следует **основной текст** статьи: название (на русском языке, прописными буквами, выравнивание по центру), и.о. фамилия автора (полужирным, курсивом, выравнивание по центру), ключевые слова на русском и английском языках (не более 6-ти на каждом языке, отступы слева и справа по 0,8 см., выравнивание по ширине), собственно текст, список литературы.

Примечания:

1. Научные тексты, присылаемые аспирантами и соискателями ученой степени кандидата наук, должны отражать основные результаты исследования, соответствовать жанру научного сообщения и сопровождаться рекомендацией кафедры, при которой выполняется диссертационная работа (оформляется в виде выписки из протокола заседания кафедры), и отзывом научного руководителя (с оценкой актуальности темы исследования, новизны полученных результатов, их теоретической и практической значимости) и рекомендацией к печати в журнале «Филология и человек». Сопроводительные документы (скрепленные печатью организации) сканируются и высылаются в редакцию по электронной почте или передаются по тел. / факсу (3852)366384. 2. **Обращаем внимание, что указанный в п. 1 объем научного текста учитывает все его компоненты (от названия до примечаний и источников материала включительно).** 3. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.